

НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2013

Содержание

1. ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРОТЕСТ В СЕТИ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ПОЛЬСКИЕ СЛАНЦЫ
4. ПАНИ МИНИСТР ТАНЦУЕТ
5. ВУЗЫ ХВАТАЮТСЯ ЗА ИНОСТРАНЦЕВ
6. ОБЗОР ИНТЕРНЕТА
7. ЖИЗНЬ В КЛЕТКЕ
8. ДОЧЬ ДИКТАТОРА
9. ОПЫТ НОВОЙ
10. Н КАК НОВА. ОТ СВОБОДНОГО СЛОВА К СВОБОДЕ. 1977-1989
11. Рышарду Криницкому
12. ТОВСТОНОГОВ
13. ЧЕХОВ НА ПОЛЬСКОЙ СЦЕНЕ
14. ТРИ СЕСТРЫ
15. СПАСЕНИЕ АТЛАНТИДЫ
16. ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ
17. НЕОХВАТНАЯ СТИХИЯ
18. МОЛОДОЙ СТАЛИН
19. Стихи из книги «МРАЧНЫЕ ТАЙНЫ МАЛЕНЬКИХ ДЕВОЧЕК»
20. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ НА УЧЕТЕ
21. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
22. ПЕРЕВОДЧИК И ЕГО ПИСАТЕЛЬ
23. ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ
24. ФЕСТИВАЛЬ «ДА! ДА! ДА!»
25. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
26. НАШЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ УТВЕРЖДАЕТСЯ ТРАГИЗМОМ ИСТОРИИ

ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРОТЕСТ В СЕТИ

В Польше, как, впрочем, и во всем мире, общество все чаще использует интернет для выражения своего недовольства. Можно полагать, что именно резкая общественная реакция, инициированная пользователями интернета, зачастую помогает отменить невыгодные для граждан решения. В течение последних лет имело место несколько плодотворных инициатив, в которые была вовлечена значительная часть общества. Некоторые породили движения протеста, которые нельзя было игнорировать.

АСТА

В 2010 г. портал «Викиликс» опубликовал первые сообщения, связанные с подготовкой договора АСТА, касающегося борьбы с контрафактной продукцией. Договор тайно разрабатывали с 2007 г. Япония, Канада, США, Швейцария и Евросоюз, а затем Австралия, Мексика, Марокко, Новая Зеландия, Южная Корея и Сингапур. В мире развернулась дискуссия по вопросам права на конфиденциальность, охраны личных данных и свободы в интернете. В январе 2012 г. 22 государства, в том числе Польша, подписали в Токио вызывающий недовольство договор. По Европе прокатилась волна протестов. Заметную роль в бунте пользователей интернета сыграли поляки.

Демонстрации против введения соглашения АСТА были крупнейшим в Польше после 1989 г. последовательным гражданским протестом. Когда правительство приняло решение о подписании соглашения, польские пользователи решили выступить против. В «Фейсбуке» возникли страницы анти-АСТА, к которым присоединись сотни тысяч пользователей; хакеры атаковали правительственные страницы, а информационные сервисы закрывали свои сайты. Тысячи людей заявляли свой протест на улицах многих польских городов. Понятно, что дело не только в спорах о праве интеллектуальной собственности. Для одних было важно уважение к свободе как фундаментальному принципу интернета, для других — свобода скачивать файлы или реформа авторского права. Мотивация демонстрантов могла быть самой разной, однако масштаб и сила этого протеста оказались огромны.

— Благодаря очень резким сигналам мы, пожалуй, смогли в большей мере задуматься о свободе пользователей интернета и их правах, нежели об охране собственности и правах тех, кто производит, — сказал премьер Дональд Туск перед мартовским саммитом Евросоюза в Брюсселе (на котором, в частности, должен был рассматриваться вопрос об АСТА) и добавил, что такая точка зрения становится повсеместной. — Мы все слегка подавлены, потому что мы как государства были ангажированы в создание этого торгового договора, а размышления пришли позже — к счастью, не слишком поздно.

В июле 2012 г. Европейский парламент отклонил соглашение — это означает, что оно не вступит в силу.

После АСТА изменилось отношение властей к интернету. Уже в августе 2012 г. было принято решение провести широкие консультации, касающиеся изменений ITR (Правил международной электросвязи, регламентирующих условия и принципы предоставления международных телекоммуникационных услуг), с целью упростить заключение соглашений между операторами разных стран.

— Мы одна из немногих стран, которые вынесли этот документ на публичное обсуждение. Вынесли затем, чтобы сразу можно было сказать, что как правительство страны мы против чрезмерной регуляции интернета, против блокирования страниц, отслеживания пользователей в сети, — сказал Михал Бони, министр по вопросам администрации и информатизации.

Как Давид боролся с Голиафом

Когда несколько месяцев назад зашла речь об объединении двух платформ спутникового телевидения — телевидения «п», принадлежащего Польскому телевидению, и главного его конкурента «Цифра+», собственником которой был «Канал+», абоненты не ожидали для себя особых проблем. Но вскоре после образования «пс+» прежние клиенты обоих поставщиков услуг были проинформированы о переменах, которые касались как предлагаемых программ, так и заключенных ранее договоров, а следовательно, и расценок. Оказалось, что за не слишком расширившийся спектр услуг абоненты должны будут платить намного больше. Потребитель был поставлен перед выбором: или согласиться на почти двукратное увеличение цены, или срочно расторгнуть договор. Дезориентированные люди не могли дозвониться по единственному контактному телефону. Атмосфера сгустилась час от часу. На официальной странице «пс+» неблагоприятные высказывания, касающиеся новой

оферты, подвергались цензуре или удалялись. Вскоре стало ясно, насколько ущербным был этот путь.

Давид Зелинский, студент из Познани, в рамках протеста против политики медиагиганта, открыл в «Фейсбуке» страницу «Анти-“пс+”». Молниеносно к ней присоединилось свыше 90 тыс. пользователей. Интернет и пресса забурили. Двадцатилетний студент стал неформальным выразителем интересов рассерженных клиентов. Он отказался от предложенной встречи с президентом «пс+» и от имени «Анти-“пс+”» направил ему открытое письмо, в котором обвинил адресата в отсутствии доброй воли и отношении к полякам как ко второсортным гражданам Евросоюза. И высказал свой взгляд на то, как можно решить проблему.

Бунт клиентов не был бесполезным. Вопросом заинтересовался Департамент по защите конкуренции и потребителей. Клиентам принесли извинения, прейскурант был пересмотрен в пользу телезрителей, была приостановлена кампания расторжения договоров. Кроме того, за нарушение коллективных интересов потребителей департамент наложил на владельца «пс+» штраф в размере 11 млн. злотых.

Эльбановские

С сентября 2014 г. должно начаться осуществление откладывавшейся многие годы реформы образования, согласно которой снижается школьный возраст. По всей стране развернулась дискуссия о готовности шестилетних ребятишек к учебе в первом классе. Важную роль в этой дискуссии играют супруги Эльбановские. Каролина и Томаш, родители шестерых детей, развернули в 2009 г. в Интернете акцию «Спасай малышей!» (открыли страницу «ratujmaluchy.pl»), затем создали объединение «Омбудсмен прав родителей» и фонд под тем же названием. Всё это затем, чтобы привлечь общественное внимание к запланированной реформе образования, отложить ее на максимально долгий срок и вынудить правительство провести референдум по данной проблеме. Хотя вопрос касается отмены обязательной учебы с шести лет, Эльбановские, поддерживаемые сейчас почти миллионом поляков (столько подписей удалось собрать под предложением провести референдум, которое было направлено в Сейм), хотят, чтобы на референдуме был также задан вопрос, согласны ли поляки с ликвидацией гимназий и возвращением восьмилетней начальной школы и четырехлетней средней (сегодня начальная школа — 6 лет, затем 3 года гимназии и 3 года средняя школа), вопрос о запрете ликвидации школ, отмене обязательного дошкольного обучения для пятилеток, о

возвращении в общеобразовательные лицеи полного курса истории. Состоится ли референдум, будут решать депутаты.

До сих пор действовал переходный период: родители могли выбирать, куда направить своего шестилетнего ребенка — в первый класс или в нулевой (приготовительный). Однако, как показывает статистика, в течение ряда лет лишь 20% детей начинают учебу в первом классе.

Сомнения родителей касаются также уровня юридической, кадровой, организационной готовности школ к реформе. Родители также не уверены, достаточно ли дети эмоционально зрелы, чтобы начать учебу по методике, применяемой в польской школе, и готовы ли учителя работать с шестилетними детьми. Авторы реформы обращаются к опыту европейских стран, где дети начинают ходить в школу даже раньше. Однако там обучение малышей больше напоминает то, что мы знаем по нашим детским садам: учебу через игру, а не школу с партами, звонками, коридорами, занятыми старшими детьми, скверным внеурочным присмотром и переполненными помещениями. Наибольшее раздражение вызывает отсутствие добросовестной информации — совершенно неизвестно, как будет выглядеть обучение шестилеток, что станет с пятилетними: останутся ли они в нулевых классах детских садов или тоже попадут в школы (органы местного самоуправления почти повсюду ликвидировали нулевые классы в детских садах) и т. д. Испытывающий давление общественности премьер Туск недавно сказал, что разделит первый «призыв» шестилеток пополам, чтобы не удваивать число «призывников» в одном учебном году.

Неизвестно, принесут ли протесты родителей ожидаемые результаты, но против предлагаемых правительством изменений выступили уже секция работников просвещения профсоюза «Солидарность» (70 тыс. учителей и работников школ) и Комитет педагогических наук Польской Академии наук. Ясно одно: благодаря широкой общественной кампании не удастся замести под ковер проблемы, связанные с реформой, а вызванные к доске правительство и министр просвещения должны будут очень постараться, чтобы убедить общественность в своей правоте. Первые шаги сделаны: на недавней пресс-конференции, после многих лет пренебрежения и отсутствия добросовестной информации, премьер сообщил о создании «горячей линии» для родителей и интернет-сервиса, посвященного шестилеткам.

После 1989 г., в девяностые годы, когда всем пришлось оказаться в новой действительности, немногие рядовые люди

выступали с гражданскими инициативами. Это понятно: от имени граждан за их интересы боролись профсоюзы, разного рода фонды, объединения, общественные организации; в то же время отдельные граждане, в особенности молодежь, не слишком стремились выразить свое недовольство, отстаивать свои взгляды.

Сегодня, чтобы изменить действительность, заинтересовать проблемой, вызвать дискуссию по всей стране, уже не надо вовлекаться в политику, просить СМИ о вмешательстве и т.п. Иногда достаточно одного человека, интернета и лавины откликов.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «4 июня Польша отметила 24-ю годовщину первых демократических парламентских выборов. В 1989 г. в них приняли участие 62% поляков. 95% из них проголосовали за «Солидарность». Сегодня 59% поляков, опрошенных ЦИОМом, полагают, что страна тогда нуждалась в смене общественно-политического и экономического строя, несмотря на то, что лишь 23% участников опроса считают, что лично они выиграли от этих перемен, а 60% — уверены, что цена, заплаченная за демократические преобразования в Польше, была слишком высока». («Дзенник — Трибуна», 5 июня)

• 4 июня 1989 г. «я скрывался. (...) Я вовсе не был уверен, что мы победим. (...) В рядах антикоммунистической оппозиции я считался радикалом и был решительным противником переговоров с режимом, полагая, что мы очень сильно рискуем и что «Солидарность» обманывают. (...) Даже Лех Валенса признался спустя годы, что обе стороны садились за стол переговоров, чтобы друг друга переиграть и обвести вокруг пальца. (...) На следующий день после выборов у меня не закружилась голова от эйфории, что коммунисты проиграли. (...) Да и на самом деле до настоящей победы было еще далеко, так как с соблюдением всех демократических процедур были избраны лишь Сенат и треть Сейма. (...) Но правы всё-таки оказались те, кто отважился пойти на переговоры с властью, чтобы найти компромисс. Сегодня-то я знаю, что даже на закрытых избирательных участках — в воинских частях и отделениях милиции — тогда тоже победила «Солидарность»! Так окончательно рухнули планы коммунистов удержать власть недемократическими методами, недееспособным оказался аппарат насилия, на котором по сути держалась вся система ПНР. Вот почему я считаю 4 июня днем великой победы польской демократии и всех поляков», — президент Польши Бронислав Коморовский. («Газета wyborcza», 1-2 июня)

• «В этом году постановлением Сейма 4 июня объявлено Днем свободы и гражданских прав». («Жечпосполита», 5 июня)

• «Мало кому в эту серую, невыразительную и безнадежную эпоху середины 80 х могло прийти в голову, что (...) система отживает свое. (...) Но был еще и другой мир. Мир,

пульсирующий эмоциями и огромным потенциалом. Неофициальные издательства, подпольные творческие союзы, независимая культура, наука и просвещение находили себе пристанище в стенах храмов и университетов. И это было польским феноменом. (...) Это сотни нелегальных издательств, тысячи выпущенных в самиздате книг (и журналов — В.К.), миллионы листовок. Бесчисленные нелегальные общественные организации, клубы и политические партии. Патронируемые и по сути покрываемые вузами научные кружки и органы самоуправления. Полулегальные Клубы католической интеллигенции. Да и, в конце концов, «Солидарность», преследуемая и обескровленная, но всё еще действующая. Всё это воспитало целое поколение людей, сознательно выбравших свободу, людей, которые — что тогда просто не укладывалось в голову — в состоянии были взять на себя ответственность за судьбу свободной Польши, которая в середине 80-х казалась недостижимой мечтой. Так что можно себе представить, как люди ждали этого июня 1989 года! (...) Он стал нашим пропуском в новый мир. Но это уже совсем другая история — история свободной Польши. (...) И то, что она существует, — заслуга тех легендарных лет». (Богуслав Храбета, «Жечпосполита», 1-2 июня)

• «1989 год в сравнении с днем сегодняшним. Средняя продолжительность жизни мужчин 66,2 года в 1990 м и 72,4 года в 2011 м, женщин — 75,2 года в 1990 м и 80,9 года в 2011 м. Объем ВВП, произведенного в 2012 г., был в два раза больше, чем в 1989 м. Доля экспорта в зарубежной торговле выросла со 182,7 млрд. долларов в 1990 г. до 195,4 миллиарда в 2012 м, а доля импорта снизилась с 14,3 млрд. долларов в 1990 г. до 9,5 миллиарда в 2012 м. По данным Главного статистического управления (ГСУ) и Европейского банка реконструкции и развития». («Дзенник — Газета правна», 4 июня)

• «Толпа американских туристов ждала Леха Валенсу. Это одно из главных развлечений в ходе поездки в Гданьск — встреча с лауреатом Нобелевской премии мира, «человеком, сокрушившим коммунизм». (...) С нобелиатом фотографировались пары и одиночки. (...) По словам пресс-секретаря мэра Гданьска, Лех Валенса — «одна из главных достопримечательностей города»». (Роман Дащинский, «Газета wyborча», 29-30 мая)

• «Многие поляки полагают, что демократия — это первопричина хаоса, нестабильности и политических скандалов. Эта точка зрения тесно связана с низкой оценкой эффективности политиков. (...) Самое печальное, что в

результате люди перестают ходить на выборы. Всё больше поляков просто не видят необходимости в том, чтобы пойти и проголосовать за очередную правящую команду. (...)

Исследования показывают, что поляки не усматривают связи между качеством своей жизни и работой госаппарата. (...)

Уровень собственной жизни люди часто оценивают очень высоко, зато относительно состояния общества в целом преобладают крайне мрачные суждения и оценки. И эта слепота пугает. (...) Поляки ничтоже сумняшеся способны утверждать, что им живется в целом неплохо, зато всё вокруг выглядит совершенно безнадежно. (...) Я даже удивляюсь, как это им удается. Ибо дела наши идут довольно скверно, растет дефицит госбюджета, министр финансов всё туже затягивает налоговую удавку, а полякам всё божья роса», — проф. Януш Чапинский, автор регулярного «Общественного диагноза». («Газета wyborча», 6 июня)

• «Польша интересна, так как на ее территории в разное время пытались закрепить две радикальные политические альтернативы: нацизм и коммунизм. Польша была для них своеобразной лабораторией. (...) Так что это, безусловно, притягивает и интригует людей, живущих идеями. Да и польская интеллигенция представляет собой крайне интересное явление, так же, как и крестьянские партии. Это вообще одно из самых важнейших направлений в польской политике XX века. На Западе таких партий не было, не было и таких политиков, как Станислав Миколайчик. (...) Не нужно при этом, однако, забывать, что на протяжении определенного периода времени Польша была интегрирована в международную систему, крах которой наступил в 1945 году. Она не только принимала активное участие в разделе Чехословакии, но до 1939 г. торговалась с немцами относительно эмиграции евреев из Польши и Германии. (...) Поляки заигрывали с нацистами до последнего. Вот почему немцы рассчитывали, что поляки примут участие в нападении на СССР или, по крайней мере, поддержат в этом Германию. (...) Но Польша этой войны не хотела, поэтому Гитлер решил вступить в сговор со Сталиным», — Тимоти Снайдер. («Ньюсуик-Польша», 13-19 мая)

• «4 июня, в 24-ю годовщину резни на площади Тяньаньмэнь, когда китайская армия силой разогнала демонстрацию протеста, расстреляв несколько сот человек, польская парламентская делегация во главе с маршалом Сейма Эвой Копач встречается с главой китайского парламента Чжан Дэцзяном. Окна парламента КНР выходят непосредственно на площадь Тяньаньмэнь, помнящую те кровавые события.

Маршал Эва Копач заявила, что многие страны соревнуются между собой из-за денег и благосклонности такой мощной державы, как Китай». (По материалам «Газеты выборчей» и «Жечпосполитой» от 28 мая)

- «В экстренном порядке со своего поста уволен директор Бюро стратегии и развития Польских железных дорог Яцек Поневерский, который в свободное от основной работы время руководил деятельностью Польско-корейского общества. (...) Президент Польских железных дорог Якуб Карновский, комментируя данное кадровое решение, заявил, что “это самый настоящий скандал, когда человек, работающий в государственной компании, поддерживает режим, понастроивший у себя в стране концлагеря”». (Радослав С. Чарнецкий, «Пшеглэнд», 20-26 мая)

- «Индекс преобразований Фонда Бертелсмана — это результат исследования, проводимого в странах, где происходили или происходят реформы. Это исследование проводится уже десять лет более чем в 120 странах. Эксперты (...) оценивают страны по следующим критериям: степень демократичности, состояние рыночной экономики, общий уровень управления страной. (...) Среди стран Центральной и Восточной Европы мы переместились с десятого места на третье. (...) По оценкам степени демократичности и состояния рыночной экономики мы на третьем месте (...) а по качеству управления страной — на втором. (...) Проф. Радослав Макорский подчеркивает, что это не единственный повод для гордости. (...) В 2008-2012 гг. польский ВВП вырос почти на 18%, в то время как в большинстве соседних стран он либо снизился, либо вырос крайне незначительно. Уровень социального неравенства в Польше снижается, о чем свидетельствует так наз. коэффициент Джини. В 2011 г. он составлял 0,31, а в самом начале тысячелетия — 0,36 (1 — это наивысший уровень расслоения, 0 — высшая точка социального равенства)». (Агнешка Кублик, «Газета выборча», 3 июня)

- «Бюро инвестиций и экономических циклов сообщило, что в мае уровень благосостояния в Польше вырос на 0,8%». («Дзенник — Трибуна», 22 мая, №1)

- «Как следует из доклада Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), по качеству жизни Польша заняла 17-е место среди 34 стран. Средний доход домашнего хозяйства в Польше составляет 16 371 долл., в то время как по стандартам ОЭСР средний доход домашнего хозяйства составляет 23 047 долларов». («Дзенник — Трибуна», 29 мая — 2 июня)

- «По данным Евростата, еще в 2009 г. работающие в Польше мигранты переслали в свои родные страны 7 млн. евро (то есть 28 млн. злотых), из которых 3 млн. ушло за пределы Евросоюза. (...) В 2011 году эта сумма выросла до 59 млн. евро (почти 250 млн. злотых), при этом за пределы Евросоюза было отправлено целых 90% этих средств. (...) На Украину только официально было перечислено почти 75 млн. злотых. Годом ранее это было около 60 млн. злотых, в 2010 г. — 47 миллионов». (Сильвия Чубковская, «Дзенник — Газета правна», 3 июня)
- «Расходы на оплату труда работников органов местного самоуправления растут. В 2012 г. они увеличились на 3-4% по сравнению с предыдущим годом. (...) В 2012 г. среднемесячное жалование в сфере местного самоуправления составило 3902,83 злотых». («Жечпосполита», 17 мая)
- «Количество специалистов, занятых в сфере экономики, в конце прошлого года сократилось на 29,1 тыс. человек, а в сфере госуправления — напротив, выросло почти на 7 тыс. человек (1,6%) по сравнению с концом 2011 года. (...) Таким образом, на сегодняшний день в Польше 443,1 тыс. чиновников, не считая военных и сотрудников спецслужб. (...) Более всех разрослись кадры местного самоуправления, где количество сотрудников выросло почти на 4% (ок. 6,3 тыс. человек). («Жечпосполита», 14 мая)
- «Уровень безработицы в Польше в 2010 г. составил 12,5%, в 2011 м — 12,8%, в 2012 м — 13%, в 2013 м — 14%». («Дзенник трибуна», 29 мая — 2 июня)
- «В профсоюзных организациях состоит каждый двадцатый поляк, то есть каждый десятый работающий. (...) Две трети поляков считают, что профсоюзы не справляются со своей основной задачей защиты прав работников. В то же время 60% поляков считают, что профсоюзы оказывают очень слабое влияние на решения власти. (...) По данным ЦИОМа, 4-10 апреля 2012 года». («Газета wyborcza», 16 мая)
- «По данным ГСУ за 2012 год, 6,7% поляков живет на грани полной нищеты, а 16-17% — в бедности. Это значит, что в Польше 6 млн. человек испытывают нужду и находятся в тяжелых жизненных условиях». («Газета wyborcza», 17 мая)
- «Крайняя бедность чаще всего постигает жителей села. (...) В городах с населением свыше 500 тыс. человек всего 1% тех, кто живет в нищете. В деревне же — свыше 10%. (...) Очень часто уровень бедности напрямую связан с полученным образованием. Если хотя бы один человек в семье окончил вуз,

то нищета ему и его близким, в принципе, не грозит. (...) В случаях же, когда у членов семьи лишь незаконченное среднее образование, в нужде живет каждая шестая семья». («Жечпосполита», 31 мая)

• «Согласно отчету «Польское село-2012», подготовленному Фондом развития польского сельского хозяйства, с 2002 г. количество жителей деревень выросло почти на 315 тыс. человек. (...) Около 60% жителей села не имеют ничего общего с сельским хозяйством. По данным Института развития села и сельского хозяйства, в 2005-2010 гг. общее количество фермеров сократилось с пяти с лишним миллионов человек до неполных 4,5 млн. (...) Все больше селян начинают пользоваться интернетом. Согласно исследованиям, проведенным по заказу Банка продовольственного хозяйства и охватившим 250 тыс. крупнейших хозяйств, в период с 2008 по 2012 г. количество пользователей интернета выросло с 52 до 82%». («Дзенник — Газета правна», 31 мая — 2 июня)

• «В первом квартале 2013 г. рост экономики составил 0,5%, сообщило в среду ГСУ, тогда как еще в конце прошлого года рост составлял 0,7%. (...) Экономисты ОЭСР ожидают, что в этом году рост экономики составит меньше 1%. (...) И только в будущем году наша экономика вырастет на 2,2%». («Жечпосполита», 31 мая)

• «Снижение процентной ставки не стало неожиданностью. Базовая процентная ставка сегодня составляет 2,75%. (...) Решение Совета монетарной политики не вызвало никакой реакции рынка». («Газета wyborcza», 6 июня)

• «Дефицит госбюджета в конце апреля достиг 31,7 млрд. злотых. Это почти 90% дефицита, запланированного на целый год. И больше, чем планировалось». («Газета wyborcza», 16 мая)

• «Бюджет не сходится, трещит по швам. (...) Но почему тогда правительство не отменит льгот, позволяющих делать семейные накопления? (...) Боятся шахтеров, которые зависимы от этой льготы. (...) Боятся также Церкви, поэтому раз за разом вводит льготу, по которой почти весь доход можно безвозмездно передать настоятелю. Интересы зажиточных селян лоббирует крестьянская партия ПСЛ. (...) Не удалось встроить в налоговую систему крупные хозяйства (...) то бишь владельцев куриных и грибных ферм, а также хозяйства, занимающиеся разведением пушных зверей и породистых собак. (...) К этому обязывают так называемые оценочные нормы, относящие эти предприятия к убыточным. (...) Уменьшение государственных расходов потребовало бы урезать

довольно серьезные пенсионные привилегии, равно как ассигнования и льготы, которых удалось добиться в разные политические эпохи. (...) Правительство, вероятно, решило, что в этой ситуации наименее рискованно будет увеличить налоговые поступления». (Иоанна Сольская, «Политика», 22–26 мая)

- «Скоро начнется второй этап ликвидации Открытых пенсионных фондов (ОПФ). (...) Это совершенно очевидно. Без перечисления активов ОПФ Управлению социального страхования (УСС) в 2014 г. государственный долг превысит 60% ВВП. Это спровоцирует нарушение конституции, в результате чего судьбу первых лиц правительства и парламента будет решать Государственный трибунал. (...) Если застой в польской экономике продолжится, то в 2014 г. дефицит в УСС достигнет 6% ВВП, то есть свыше 80 млрд. злотых. Ликвидация ОПФ может снизить этот дефицит на 10 млрд. злотых. А потом ситуация будет только ухудшаться, о чем говорят официальные прогнозы УСС», — проф. Кшиштоф Рыбинский. («Жечпосполита», 25–26 мая)

- «В конце апреля стоимость активов ОПФ составила 271 млрд. злотых». («Жечпосполита», 29–30 мая)

- «Статья 21 конституции гласит: «Лишение имущества допускается только в случае, если оно совершается в публичных целях и за справедливое возмещение». Попытка лишить людей этих денег должна в любом случае — даже если нас убедят, что она совершается в публичных целях, пусть это и очень сомнительно, — повлечь за собой возмещение ущерба. (...) Поскольку ситуация с ОПФ — это одна из серьезнейших проблем нашей страны и нашего общества, так как здесь речь идет о пенсиях 16 млн. граждан, политические партии должны определиться, будем ли мы пытаться отстоять ОПФ или нет, и только потом апеллировать к избирателям. (...) Полагаю, что любая политическая партия обязана сформулировать в предвыборной программе свое отношение к ОПФ», — Ежи Стемпень, бывший председатель Конституционного суда». («Жечпосполита», 27 мая)

- «Еще несколько фирм, занимающихся добычей сланцевого газа, сообщили, что сворачивают свою деятельность в Польше. (...) Главной проблемой, с которой они были вынуждены столкнуться, оказалась технология добычи. Метод гидравлического разрыва пласта, опробованный в США, у нас не работает. Как показывают результаты бурения, газ у нас есть, но скважины быстро закрываются, и газ перестает поступать. У наших горных пород другой химический состав и бóльшая

глубина (до 3 км), что требует другой техники бурения и другой техники разрыва, а кроме того, дорогостоящих исследований». (Адам Гжешак, «Политика», 15–21 мая)

- «Запасы сланцевого газа в Польше снизились за два года на 20%, сообщает американский Департамент энергии. (...) Самые лучшие перспективы добычи этого газа у северных районов Польши. (...) Проводимое до настоящего времени бурение не оправдало ожиданий. «Однако говорить об исчерпанном потенциале польского сланцевого газа рано», — утверждает в отчете, который напрямую указывает на необходимость продолжать бурение. «Всего в Польше нужно пробурить около тысячи скважин, тогда как сегодня их по стране не больше пятидесяти», — комментирует Гжегож Пытель, эксперт международной организации «Shale Gas Europe» и Института Собесского». (Петр Фалковский, «Наш дзенник», 12 июня)

- «8% электроэнергии, передаваемой по польским сетям, мы теряем. В среднем же по Евросоюзу эти потери составляют 4%. (...) Чтобы достичь этого уровня, необходимо заменить старые линии и 50 тыс. устаревших трансформаторов. Атомная электростанция, которая обойдется нам примерно в 50 млрд. злотых, должна иметь мощность, равную 3% польской энергетики. Это значит, что за 50 млрд. злотых мы добьемся меньше, чем могли бы добиться, снижая расходы на передачу энергии, а это, в свою очередь, не будет стоить так дорого, поскольку замена линий и трансформаторов обойдется гораздо дешевле». — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр. («Дзенник — Трибуна», 29 мая — 2 июня)

- «В прошлом году наша энергетика поглотила 10,5 млн. тонн сожженной биомассы. (...) Биомассой чаще всего служат деревья, растущие в наших лесах, их вырубают, распиливают и сжигают в котлах». («Дзенник — Трибуна», 27 мая)

- «В декабре 2011 г. на территориях, подведомственных Государственному лесному агентству, все еще росло 52,3 тыс. тисов. (...) Знаменитому «Генриковскому тису», растущему недалеко от Любани в Нижней Силезии, уже почти 1300 лет. (...) Некоторые лесничества приступили к реализации программы охраны и реституции тиса, которая стартовала в середине 2006 года. (...) У тиса есть все шансы вернуться в наши леса». (Кшиштоф Фрончак, «Природа Польска», май 2013).

- «Перед Польшей целая серия проблем, чреватых продолжительным снижением темпов экономического роста. И первая — демографическая. Мы всё быстрее стареем. (...) Во-вторых, у нас очень низок уровень частных инвестиций. (...) На

это накладывается еще один беспокоящий фактор. После 1989 г. мы весьма энергично повышали эффективность экономики, но в последнее время теряем достигнутые позиции. (...) Беспокоит и то, что почти все политические силы в ходе внутренней борьбы пытаются разыграть антироссийскую карту, забывая, как важен для Польши российский рынок. В экономическом, рыночном смысле Россия для нас куда важнее, чем мы для нее», — Лешек Бальцерович. («Польска», 20 мая).

• «Первое место на рынке сбыта неизменно занимает немецкий рынок, получающий 25,2% наших поставок. Это в десять раз больше, чем поставляется на украинский рынок (2,5%) и в пять раз больше, чем на российский (5,1%). Так было в первом квартале. (...) В первую десятку входят Великобритания, Чехия, Франция, Италия, Голландия, Швеция и Словакия. (...) Объем польского экспорта за квартал составил 36,2 млрд. евро (48,3 млрд. долл.) и вырос по сравнению с предыдущими годами на 5,6% и 7,5% соответственно. (...) Что же касается импорта, то здесь, кроме доминирующей Германии, поставки которой составляют 21%, в десятку крупнейших экспортеров на польский рынок входят (...) Россия, Китай и США. Участие России в польском импорте составляет 13,7%, Китая — 9,4%, США — 2,6%. К крупнейшим экспортерам также относятся Италия, Франция, Чехия, Голландия, Великобритания и Норвегия. (...) Весь польский импорт за первый квартал составил 36,7 млрд. евро и оказался на 2,1% ниже, чем за тот же самый период прошлого года. (...) Сальдо внешней торговли у Польши отрицательное. В первом квартале оно составило 522,9 млн. евро (699,1 млн. долл.). (...) Что касается торгового оборота с Россией и Китаем, то здесь отрицательное сальдо по-прежнему очень высокое. (...) В наших торговых отношениях с Германией и Украиной экспорт превышает импорт». (Миколай Онижчик, «Пшеглэнд», 27 мая — 2 июня)

• «Министр финансов актуализировал список стран, выполняющих стандарты финансовой безопасности. В соответствии с нормами о противодействии отмыванию денег, эта обязанность накладывается на финансовые институты, сотрудничающие с клиентами из государств, не входящих в Евросоюз. (...) В субботу вступает в силу новый список, в котором на этот раз не оказалось России». («Жечпосполита», 31 мая)

• «Российские прямые инвестиции в Польшу составляют всего 0,04% зарубежных капиталовложений. Россия больше вкладывает в эстонскую экономику, которая в 23 раза меньше нашей. (...) «Русские боятся инвестировать деньги в Польшу,

так как каждое крупное вложение российских денег в польскую экономику сопровождается скандалами в прессе», — комментирует Иван Рассохин, вице-директор Центра делового сотрудничества Польша-Россия». (Нино Джикия, Михал Потоцкий, «Дзенник — Газета правна», 29–30 мая)

- «Успех сериала об Анне Герман. (...) В среднем его посмотрело 6,26 млн. человек. (...) В России же он собрал 22 млн. телезрителей. (...) У певицы была биография, идеально претендующая на роль метафоры польско-русских взаимоотношений: несмотря на дурную славу советской системы, она была влюблена в русскую культуру, а жители СССР были влюблены в нее. (...) В России ее до сих пор считают «своей», она единственная иностранная исполнительница, удостоенная памятной звезды у концертного зала «Россия». И, хотя Анна всегда чувствовала себя полькой, отказавшись от предложенного Брежневым советского гражданства, у ее российских поклонников свое мнение на этот счет». (Агата Грабань, «Пшеглэнд», 27 мая — 2 июня)

- «Согласно последним данным, в Казахстане до сих пор живут 34 тыс. поляков. (...) Возможность вернуться есть у тех, кто сможет доказать свое польское происхождение. (...) В течении 13 лет в Польшу переехало свыше семи тысяч из миллиона поляков, рассеянных по просторам бывшего СССР. (...) И только из Казахстана — около 4 тысяч. В базе «Соотечественник», где зарегистрированы поляки, выражающие желание вернуться, в настоящее время числится около 2,7 тыс. человек. Согласно данным Союза репатриантов, в Польшу из Средней Азии хотело бы переехать еще около 20 тыс. поляков». («Газета wyborcza», 31 мая)

- «Двенадцать сотрудников польской Государственной избирательной комиссии (ГИК) побывали на двухдневной учебе в Москве по приглашению российского Центризбиркома. Польский ГИК не сообщил об этом факте в своем информационном бюллетене». («Дзенник — Трибуна», 27 мая)

- «Владимир Путин поручил Федеральной службе безопасности (ФСБ) заключить соглашение о сотрудничестве с польской Службой военной контрразведки (СВК). (...) Соответствующее распоряжение главы российского государства можно найти на официальном интернет-портале, который публикует нормативно-правовые акты Российской Федерации». «СВК не выступает с комментариями относительно аспектов своего международного сотрудничества», — сообщил прессе в понедельник руководитель секретариата начальника СВК

полковник Кшиштоф Душа». (Войцех Муха, «Газета польска цодзенне», 21 мая)

• «К концу года количество чеченских беженцев может достичь 26 тыс. человек. (...) До центров для беженцев добираются максимум 30% от обратившихся с заявлением о предоставлении статуса беженца. (...) В январе с соответствующим заявлением обратилось 616 иностранцев, в апреле — 1915. Только до 19 мая — 1943». («Дзенник — Газета правна», 22 мая)

• «Численность белорусов, желающих получить польскую визу, превысила возможности наших дипломатических служб. (...) А вокруг интернет-регистрации образовалась огромная «серая сфера». (...) В частных разговорах польские дипломаты признаются, что большинство виз выдается при непосредственном участии хакеров. (...) Их расценки постоянно растут, когда-то такие услуги стоили 80-100 долларов, сегодня — 150-200. Только в прошлом году белорусские программисты и хакеры заработали таким образом не меньше полутора десятков миллионов долларов», — (Анджей Почобут (Гродно), Славомир Скомра (Люблин), Иоанна Климович (Белосток), «Газета wyborcza», 25-26 мая)

• «В ноябре (...) пройдут крупнейшие маневры сил быстрого реагирования НАТО. (...) В них примут участие несколько тысяч военных из 14 государств-членов НАТО. Учения сухопутных сил состоятся на территории Польши, Литвы, Латвии и Эстонии. (...) В целом же запланировано, что маневры пройдут как на суше, так и на море и в воздухе; предусмотрены также штабные занятия. (...) В свою очередь, Россия и Белоруссия в сентябре проводят собственные маневры в непосредственной близости от границ Польши и стран Прибалтики». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 21 мая)

• «Белая книга национальной безопасности (...) появилась как результат подведения итогов (...) Стратегического оборонного обзора. (...) Наши ракетные и артиллерийские системы устарели. (...) Особенно ощутима слабость противовоздушной обороны и отсутствие противоракетной обороны. (...) В вооруженных силах нарушена преемственность поколений, ушла часть перспективных кадров. (...) Закупленные компьютерные системы поля боя, а также логистические, вспомогательные и связные системы несовместимы и не работают в «реальном времени». Неэффективна система командования. Польская оборонная промышленность не в состоянии участвовать в перевооружении армии. (...) Только 8% железных дорог можно считать современными, устарела

система передачи электроэнергии. (...) Неэффективна и не скоординирована система защиты от кибератаки. Отсутствуют процедуры противодействия угрозам критической инфраструктуры: мостов, электростанций, плотин на реках, химических предприятий, складов, которые могут быть целью военной или террористической атаки, а также элементом стихийного бедствия. (...) Неэффективна также система руководства государством во время конфликта». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 24 мая)

- «Поляки участвуют в международных миротворческих миссиях ООН и стабилизационных операциях НАТО уже свыше 60 лет. Со времен Второй Мировой войны и до сегодняшнего дня в этих миссиях приняло участие около 100 тыс. человек. (...) Погибло в общей сложности 114 человек». (Иоанна Дзиковская, «Газета wyborcza», 23 мая)

- «Мариуш Сачек, тяжелораненый ветеран афганской миссии, получил инвалидную коляску. Это произошло только после нашего вмешательства. (...) Он был тяжело ранен 27 июля 2010 года. (...) Парализованный от грудной клетки до стоп, он лечился в госпитале. (...) На костылях он может пройти несколько десятков метров, но случаются такие дни, когда он не в состоянии сделать ни шагу. С мая 2011 г. он просил предоставить ему инвалидное кресло и ходунки-опоры». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 17 мая)

- «Что на недавней пресс-конференции сообщил премьер Туск? «Я должен заняться своей партией». (...) А какое дело простому налогоплательщику до проблем, связанным с управлением партией «Гражданская платформа» и наведением в ней порядка? (...) Мы занимаем в Евросоюзе третье место с конца по уровню жизни, мы по сути бедняки. Молодые люди не могут найти работу, а в это время премьер-министр заявляет, что он должен заняться делами своей партии», — Владислав Фрасынюк. («Польска», 24-26 мая)

- «67% поляков считают, что Дональд Туск плохо справляется со своими обязанностями. По данным Центра изучения общественного мнения TNS». («Дзенник — Трибуна», 28 мая)

- «Кардинал Станислав Дзивиш сказал, что «Церковь напоминает человеку о приоритете Божьих законов над государственными». (...) «Мы живем в очень неоднородном обществе, где нет единого Божьего закона», — подчеркнул президент Бронислав Коморовский. («Газета wyborcza», 4 июня)

• «В ситуации вокруг концессии для телеканала «Трвам» (о.Тадеуш Рыдзык), на которой настаивает Епископская конференция Польши, дошло до прямого давления на членов Национального совета по телерадиовещанию, давления, которое превысило допустимые пределы лоббирования. (...) Польская католическая Церковь все-таки должна соблюдать законы, конституцию, нормы конкордата. (...) Если парламентарий начинает поддаваться давлению — он нарушает конституцию, в которой определено, что депутат и сенатор независимы, подчиняются только закону и обладают парламентским иммунитетом», — маршал Сейма Богдан Борусевич. («Газета wyborcza», 5 июня)

• «Из интервью Ярослава Качинского «Газете польской»: «Только специальная правовая норма сделает возможным эффективное и скрупулезное расследование. Мы добиваемся принятия специального закона, чтобы дать наиболее смелым и решительным работникам прокуратуры шанс провести следствие, которое не будет тормозиться политической робостью их начальства»». (...) «Только представьте себе специальную отрасль права, созданную с целью доказать покушение, которого не было (...) лишь потому, что этого хочет «смоленская секта». (...) Не нужно слишком легкомысленно относиться к словам Качинского! (...) И советую не отмахиваться от предостережений (...) Качинского». — Вальдемар Кучинский. («Впрост», 3-9 июня)

• «Мы начали воспринимать политическую жизнь как эпизод «тотальной войны всех против всех». У нас так и не получилось обогатить обычную речь выражениями, символизирующими ценность плюрализма и конструктивное сотрудничество политиков», — Катажина Клощинская, секретарь Совета польского языка. («Газета wyborcza», 3 июня)

• «Польская журналистика достигла недоступных прежде вершин. (...) Она выработала доктрину медиа-успеха, почти научную доктрину повышения читаемости определенных газет и рейтинга определенных телепрограмм, которая гласит: «Конфликты и скандалы должны происходить ежедневно». (...) Эта доктрина культивирует вражду и агрессию. (...) Журналисты могут открыто призывать к свержению законно избранной власти. (...) Согласно этой стратегии работу органов самоуправления можно рекламировать только когда она никуда не годится. (...) Из страны, в которой 70% жителей считают себя счастливыми, из страны, которая завоевала признание на международной арене (...) общими усилиями можно сделать край дегенератов. Так открывается прямая

дорога к исправлению ситуации в стране посредством сомнительных общественно-политических проектов, принадлежащих людям с полуфашистской ментальностью», — Стефан Братковский. («Газета wyborcza», 25–26 мая)

• «Доверие Ярославу Качинскому выразило 33% опрошенных, не доверяют ему 46%. Туску не доверяют 48%, доверяют 33% респондентов. (...) Самым большим доверием неизменно пользуется президент Бронислав Коморовский — 66%, второе место занимает экс-президент Александр Квасневский — 47%. Далее следует депутат Рышард Калиш — 45%. (...) Среди не вызывающих доверия фигур лидируют Януш Паликот (ему не доверяют 54% опрошенных) и Антоний Мацаревич (43%). Справедливости ради, однако, заметим, что каждому из этих двоих доверяют 20% респондентов. ЦИОМ, 9–15 мая». («Газета wyborcza», 31 мая)

• «83% поляков считает, что президент Бронислав Коморовский симпатичен, 78% — что он ревнитель традиций, 75% — что он вызывает уважение, 70% — что он хорош собой, 66% — что он интеллигентен». («Дзенник — Трибуна», 22 мая, №1)

• «Поддержка партий: «Право и справедливость» (ПиС) — 30%, «Гражданская платформа» (ГП) — 26%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 16%, «Движение Паликота» — 10%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Новые правые» (Януша Корвина-Микке) — 5%». («Ньюсуик Польска», 3–9 июня).

• «Количество членов политических партий составляет: ГП — 40 тысяч, крестьянская партия ПСЛ (вместе с примкнувшими структурами) — 123 тыс., ПиС — 21 тыс., СДЛС — 36 тыс. (для сравнения — Социал-демократическая партия Германии насчитывает в своих рядах 477 тыс. членов). Прочие партии: «Солидарная Польша», «Движение Паликота» и внепарламентские группировки — насчитывают не более 10 тыс. членов. Таким образом, активное участие в работе польской демократии принимает около 250 тыс. граждан, то есть неполный 1% населения страны». (по материалам «Дзенника трибуна» от 4 июня)

• «Общее количество неправительственных организаций в Польше превысило 80 тысяч. (...) Они служат реальным фундаментом того, что обычно именуется «гражданским обществом». Они открыты, чаще всего не зависят от политиков и крупного бизнеса, доступны всем и служат общему благу. (...) Активно работает уже около 70 тыс. общественных организаций и около 11 тыс. фондов, в их деятельности

принимает участие около двух миллионов человек. Огромная всепольская база неправительственных организаций расположена на портале www.ngo.pl, где можно также познакомиться с подробными новостями общественной жизни Польши». (Витольд Гловацкий, «Польска», 27 мая)

- «Каждый пятый молодой поляк в возрасте до 30 лет не принимал участия в выборах в органы власти, будь то выборы местные, региональные или национальные, за последние четыре года. Еще реже молодые люди участвуют в деятельности неправительственных общественных организаций, следует из последнего опроса, по поручению ЕС проведенного организацией «Евробарометр». В последние несколько лет 22% молодых людей игнорировали выборы. (...) В среднем же по Евросоюзу — 21%. (...) 60% не участвуют в работе неправительственных организаций. (...) В среднем в Европе этот показатель составляет 44%». («Дзенник — Газета правна», 27 мая)

- Из интервью варшавской уборщицы: «Безусловно, хуже всего ситуация выглядит в отделениях банков. Часто это молодые люди, которые недавно переехали в Варшаву. (...) Вести себя не умеют, даже дела свои в туалете сделать по-человечески не могут. Банковские туалеты страшно грязные... Некоторые не могут, стоя над унитазом, нормально сходить по-маленькому. Не знаю, где надо вырасти и в каких условиях жить, чтобы после себя оставлять туалет в таком состоянии». («Дзенник — Трибуна», 27 мая)

- «Комиссия епископата по вопросам католического воспитания обратилась в министерство образования с просьбой назначить встречу для обсуждения вопроса о введении основ религии в качестве выпускного экзамена. Правительство не считает это возможным, так как основы религии не являются основным предметом, а его преподавание осуществляется на базе программы, разработанной и утвержденной Церковью и религиозными организациями». («Тыгодник повсехный», 2 июня)

- «Министерство национального образования решительно отказалось вводить выпускной экзамен по основам религии». («Наш дзенник», 7 июня)

- «Чтобы человек умел мыслить логично, ему нужно преподавать логику. Чтобы он хотя бы прикоснулся к сокровищам человеческой мудрости, ему нужна философия. Для того чтобы быть настоящим гражданином, он должен знать основы права. Если хочет жить до ста лет, быть здоровым

и заниматься сексом, он должен обладать хотя бы элементарными познаниями в медицине. Чтобы иметь много денег, пусть сначала узнает, откуда берутся богатство и бедность. Об этом может рассказать такой предмет, как экономика. Если ему интересны электронные гаджеты, хорошо бы показать ему, как они выглядят изнутри», — проф. Ян Хартман. («Газета выборча», 11-12 мая)

• «Мы пребываем в иллюзии, что нам понятна человеческая природа. На самом же деле мы ее не понимаем. (...) «Просвещенных обывателей» не бывает. (...) Нельзя доверять индивидуальному рационализму. (...) Питать иллюзии относительно рационализма очень опасно, потому что перестаешь обращать внимание на явления иррационального характера, как, например, страсти и эмоции, индивидуальные и коллективные, которые в значительно большей степени определяют структуру нашего мира, нежели рациональные программы», — проф. Мартин Круль («Газета выборча», 8-9 июня)

• «Нынешняя школа — это не более, чем бесполезное дополнение к интернету», — проф. Яцек Голувка («Газета выборча», 1-2 июня)

• «Эту посылку собрали и отправили ученики одной из варшавских гимназий. (...) «У меня слезы на глаза навернулись, когда я ее получил. Особенно растрогал меня сосуд с воздухом Варшавы», — поведал вчера гимназистам 83 летний Юрек Иегуда Гласс. Он родился в Варшаве. (...) В 1944 г. принимал участие в Варшавском восстании. (...) Три года спустя он уехал из Польши в Израиль. «Были времена (после побега из гетто), когда в так называемой «арийской», нееврейской части Варшавы я боялся поляков больше, чем немцев. Во время войны я потерял всех своих родных. (...) Когда был еврейский погром в Кельцах, я слышал, как поляки говорили, что Гитлер не решил еврейский вопрос до конца», — тихо рассказывал он мне, не желая громко распространяться о таких вещах при молодежи. (...) Школьники (...) решили, что приготовят альбом о Варшаве и вышлют его Юреку в Израиль. (...) На стенку стеклянного сосуда с воздухом Варшавы был наклеен фотоснимок дома, в котором жил Юрек. (...) Когда в Варшаву пришел его растроганный ответ, директор школы решила пригласить Юрека в Польшу. Общество друзей общеобразовательного лицея, на базе которого существует эта гимназия, оплатило билет на самолет и номер в гостинице». (Войцех Карпешук, «Газета выборча», 15 мая)

- «Антицыганские песни на выпускном вечере в Познани. (...) Ученые и цыгане протестуют. Ректор самого большого в городе вуза оставил решение вопроса об отмене концерта на усмотрение студентов. (...) Пресс-секретарь Университета им. Адама Мицкевича сообщил, что студенты обладают автономией, поэтому учебное заведение не может влиять на подбор музыкальных коллективов, иначе речь бы шла о цензуре». (Людмила Ананникова, Петр Житницкий, «Газета выбора», 16 мая)

- «Мой почти двадцатилетний профессорский опыт и беседы со многими коллегами из варшавских и других вузов однозначно свидетельствуют, что большинство современных дипломов о высшем образовании — это лишь своего рода «удостоверения» о том, что их владельцы прослушали некий курс лекций, прочитали определенное количество книг, сдали столько-то экзаменов и в состоянии написать (как правило, с ощутимой помощью научного руководителя) исследование на заданную тему. (...) Приходится согласиться, что увеличение количества студентов прямо пропорционально снижению уровня высшего образования, так как не все способны учиться на высоком уровне, а тех, кто действительно способен, немного», — проф. Пшемислав Урбанчик («Газета выбора», 24 мая)

- «Марсианские вездеходы из Польши заняли первое и второе места на важных международных соревнованиях University Rover Challenge, проводимых в США. Победил вездеход Hyperion, сконструированный учащимися Белостоцкого политехникума. Второе место досталось машине Scorpio III — Вроцлавского политехнического института. Команда из Белостока достигла самых высоких результатов в истории соревнований, получив 493 балла из 500 возможных. (...) Это уже вторая победа поляков в истории University Rover Challenge. В 2011 году первое место заняла машина Magma 2, также «белостоцкого происхождения»». («Польска», 3 июня)

- «Растет количество обвинительных приговоров за издевательство над животными и их незаконный убой. В 2001–2002 гг. суды выносили менее трехсот обвинительных приговоров в год, а в 2011 году их было уже 585. (...) Довольно часто уголовные дела закрывают еще на стадии предварительного следствия либо выносят слишком мягкие приговоры». (Павел Рохович, «Жечпосполита», 22 мая)

- «Джо-Энн МакАртур вот уже десять лет фиксирует трагические случаи жестокого обращения с животными, используемыми человеком для опытов, развлечений, производства мяса, шкур и мехов. Ей приходилось работать в

40 странах на семи континентах. В Варшаве, в рамках десятого «Planet+DocFilm Festival», состоялась европейская премьера ее фильма «Мы — животные»». («Газета выборча», 23 мая)

- «В ходе утепления многоквартирного дома в Варшаве бригада рабочих замуровала гнезда стрижей. За их спасение борются защитники птиц и жильцы дома». («Газета выборча», 22 мая)

- «Стройнадзор приостановил работы по утеплению многоквартирного дома в Варшаве, благодаря чему удалось спасти несколько десятков гнезд стрижей». («Газета выборча», 27 мая)

- «Экспертиза констатировала подъем грунта почти на метр и одновременное снижение уровня грунтовых вод. (...) Мелиоративные каналы были засыпаны. (...) У птиц был период гнездования, когда появились грузовики и засыпали журавлиные гнезда, сообщил на суде свидетель, и журавли потом несколько дней искали их, маша крыльями и издавая пронзительный крик, от которого сжималось сердце. (...) Нашлись, однако, сознательные люди. (...) Оба обвиняемых были приговорены к 30 дням ареста. (...) Суд также распорядился — и жители Ревы посчитали это самым важным — привести территорию в первоначальное состояние, вывезти оттуда груды земли и щебня, даже если этим 5-7 тысячам самосвалов придется проделать свой путь в обратную сторону. Приговор еще не вступил в законную силу, но его уже можно считать судьбоносным. Он сигнализирует, что за ущерб, нанесенный живой природе, можно ответить по всей строгости. (...) В это время из Ревы сообщают, что в многострадальный грунт снова вгрызаются экскаваторы и бульдозеры». (Рышард Соха, «Политика», 5-11 июня)

- «Бакланы — это просто беда. В голове не укладывается, что эти птицы вытворяют. (...) Они пожирают мальков размером не больше 30 см в длину, уже исчезли щуки и угри, почти уничтожен окунь. (...) Беречь этих птиц нет смысла, лучше отстрелить как минимум половину их многотысячной популяции», — Ежи Шутковский, владелец пансионата. («Пшеглэнд», 27 мая — 2 июня)

- «Среднестатистический поляк ежегодно съедает около 75 кг мяса, из них свинина составляет 40 кг, говядина, почти 90% которой мы отправляем на экспорт, — 2 кг, остальное — мясо курицы. В среднем мы забиваем полтора миллиона голов скота ежегодно». («Газета выборча», 3 июня)

- «Ежегодно в Польше убивают 600 миллионов животных. Их судьба никого не интересует», — Дариуш Гзыра, общественная организация «Эмпатия» («Сочувствие»). («Политика», 24 апреля — 7 мая)

ПОЛЬСКИЕ СЛАНЦЫ

В польских сланцах может находиться 4,2 трлн. м3 газа, — провозгласило одно из агентств американского правительства. Это на одну пятую меньше, чем оно оценивало двумя годами раньше. «Газпром» возвещает о смерти сланцев.

Тот отчет американского правительственного Агентства энергетической информации (АЭИ, или EIA) двухлетней давности вызвал в Польше эйфорию, так как оценил наши запасы газа в сланцах аж в 5,3 трлн. м3.

Новый прогноз — на одну пятую меньше. Агентство объясняет, что внесло коррективы, приняв во внимание результаты на тех разведочных скважинах, которые были пробурены в Польше за последнее два года.

Даже после этой корректировки прогноз выглядит весьма оптимистичным. Если бы он подтвердился, то газ из сланцев полностью удовлетворил бы наши потребности почти на 300 лет (при существующем уровне потребления).

Другие предсказания — поскромнее. В марте прошлого года государственный Польский геологический институт (PIG, или ПГИ) в предварительном прогнозе оценил, что Польша может располагать в сланцах 1,9 трлн. м3 газа, но наиболее вероятные запасы составляют 346–768 млрд. м3. Спустя четыре месяца Американская геологическая служба (USGS, United States Geological Survey) в своем отчете оценила, что у Польши имеется 116 млрд. м3 газа, однако наиболее вероятные запасы составляют лишь 38 млрд. м3.

АЭИ утверждает, что такие расхождения — это следствие применения разнящихся аналитических методов. Дело дошло даже до конфликта между двумя {упомянутыми} правительственными ведомствами США, поскольку АЭИ обвинило Геологическую службу в том, что та не указала метод оценки запасов в польских сланцах.

— Мы поддерживаем данные из нашего прогноза. Не появилось никаких новых фактов, которые давали бы основания для столь оптимистических прогнозов, как в отчете АЭИ, или же для столь пессимистических, как в отчете Американской геологической службы, — сказал нам директор ПГИ Ежи

Навроцкий. «В своих прогнозах АЭИ использует объемный метод, который позволяет оценить размер запасов геологически. Но это вовсе не прогноз тех запасов, которые можно фактически добыть. Только добычные испытания позволят проверить его истинность», — говорит руководитель ПГИ.

— Новый прогноз АЭИ не окажет воздействия на фирмы, реально заинтересованные изысканиями. Он может, однако, повлиять на те компании, для которых активом является концессия на разведочные работы в Польше. Потому что такой оптимистический прогноз может оказать влияние на оценку стоимости концессии, — заметил {далее} г-н Навроцкий.

Томаш Хмаль из аналитического центра «Институт Собеского» с оглядкой оценивает предсказания АЭИ. «Я был бы счастлив, если бы эти данные подтвердились. Но все подобные прогнозы обременены высоким риском ошибки, — считает он. — Надеюсь, что отчет АЭИ пробудит новый интерес к поиску сланцевого газа в Польше».

В мае отказалась от поисков сланцевого газа в Польше американская фирма Marathon Oil, объясняя, что не нашла месторождений с коммерческими объемами [запасов]. Год назад по таким же причинам спасовал и американский концерн ExxonMobil.

На это уже отреагировал «Газпром», провозгласив о конце сланцев. «Звезда сланцевого газа закатилась. Объемы бурения снижаются до катастрофически низкого уровня, добыча падает, а долги по сланцевым проектам растут. (...) Но европейские сторонники сланцевой революции исправно рапортуют о скором наступлении газового благоденствия в их странах», — читаем мы в новейшем номере корпоративного журнала «Газпрома». Этот концерн насмехается над нами: «Польша моментально объявила себя будущей сланцевой житницей всея Европы. Местные политики делали смелые заявления о том, что их сланцевого газа хватит на 100, а то и на все 300 лет. Из-за океана им кивали и говорили, что надо быть смелее в оценках — сланцевого газа хватит на все 400 лет. И все бы ничего, но это не было подкреплено геологическими изысканиями».

ОЦЕНКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ СЛАНЦЕВОГО ГАЗА В ПОЛЬШЕ

Данные — в млрд. м³

Wood Mackenzie (2010) — 1400

EIA, или АЭИ (2011) — 5300

PIG, или ПГИ (2012) ^[1] — 346-768

USGS, или АГС — 38

EIA, или АЭИ (2013) — 4200

---

1. минимальный и максимальный объем наиболее вероятных запасов

ПАНИ МИНИСТР ТАНЦУЕТ^[1]

Усталый, без замыслов, в последнее время — постоянно в обороне. Это Дональд Туск.

Полная воодушевления и новых идей, всегда в наступлении. Это его самый лучший министр.

Он ей доверяет и относится к ней с симпатией. Вот только она уже однажды отказалась, когда он хотел сделать ее вице-премьером. Быть может, она снова получит такое предложение — в ходе «большой реконструкции» правительства, чтобы спасти «имидж» кабинета. Что тогда?

— Не вижу себя в роли вице-премьера. Я не политик.

— Политика внушает вам отвращение?

— Просто нагоняет на меня скуку, — говорит с улыбкой пани министр регионального развития.

1.

Один из бывших министров в правительстве Туска: «Каким образом в двух словах определить Беньковскую? Любопытный вопрос... Девушка со двора».

— То есть?

— Распускает язык. Говорит как-то про другого министра: «Скажи ему, чтоб он не перд...» Забавно. Но, если с ней договориться насчет чего-либо, слово она держит. Как во дворе — там нет слова «извини».

2.

Кабинет Эльжбеты Беньковской. Она элегантно одета, хорошо пострижена, уверена в себе.

— Вы ругаетесь?

— Ну да. К сожалению, как извозчик! И это, зараза, стыдно.

— Серьезно?

— Серьезно, нет такого ругательства, которого я бы не знала.

Фотокорреспондент делает снимки.

Беньковская: «Этого я не выношу».

— Но выхода нет.

— Знаю, знаю. Впрочем, плевать мне на это.

3.

Как она вошла в правительство? Когда Дональд Туск стал в 2007 г. премьер-министром, он искал кого-нибудь на пост министра регионального развития, ответственного за деньги ЕС.

Его самый испытанный в ту пору соратник, Гжегож Схетына, созывал всех под знамена «Гражданской платформы» (ГП). Силезский барон ГП, Томаш Томчикевич, сказал, что у него есть некто подходящий. Беньковская приехала на собеседование, и ее приняли в команду.

— Во время ужина для министров по случаю принятия присяги выяснилось, что я не знаю практически никого, — рассказывает она.

Дональд Туск вроде бы относился к ней с изрядным холодком.

— Это правда? — спрашиваю я.

— Он попросту не знал меня, я была человеком извне политики.

Сотрудник Туска: «Я спрашиваю: «Дональд, что тебя тревожит? Ведь она же в порядке». А Туск на это: «Ну да, но она ничего от меня не хочет»».

Беньковская: «Я никогда ничего не хотела от премьер-министра. Думаю, что теперь, когда мы познакомились ближе, появилось доверие. Премьер, пожалуй, испытывает ко мне симпатию — Впрочем, со взаимностью. Иногда он говорит, что согласится на что-либо, если я сумею его в этом убедить. И это серьезная ответственность».

Политик из ГП: «Механизм банально прост. Премьер подозрителен, он всегда готовится к заседаниям правительства, проверяет министров. Злится, когда кто-нибудь не в состоянии ответить на какой-то вопрос. Отдавая кому-либо министерство, он требует, чтобы всё было о-кей. Беньковская обеспечивает ему ощущение безопасности. Ведомство действует, не доставляет хлопот. В голове у него

закладка: — Беньковская? Ага, там всё схвачено, бардака не будет».

Бывший министр Туска в шутку: «Во время предыдущего срока на заседаниях правительства три госпожи министерши: Эва Копач, Барбара Кудрицкая и Иоланта Федак — временами начинали нервно вертеться. Когда о делах докладывал другой руководитель ведомства, они вдруг, как по команде, брали сумочки и вставали, словно бы отправляясь в туалет. Было ясно, что идут они перекурить. Туск, если находился в хорошем настроении, смотрел на это сквозь пальцы. А когда бывал взбешен, то реагировал так: «Ну что, вас это не интересует? Выходите?» А Беньковская не курит!

— Когда-нибудь премьер на заседании ставил вас в тупик? — спрашиваю я Эльжбету Беньковскую.

— Бывало. Он задает простые вопросы, и временами оказывается, что они-то как раз самые трудные.

— Например?

— В самом начале моей правительственной карьеры он задал простой вопрос по поводу предпринимателей — в стиле: «Почему что-то там?» Я не знала ответа.

— И что?

— Я сказала: «Не знаю». Могла попытаться говорить таким образом, чтобы никто не понял, но, наверно, вышло бы еще хуже.

— Головомойка?

— Это была общая головомойка всем по вопросу о расходовании средств из ЕС, тогда еще всё шевелилось медленно. Но в целом на моей деланке меня трудно поставить в тупик.

4.

Беньковская начинала «вкалывать» в евросоюзных фондах больше десяти лет назад.

Была рядовой чиновницей в администрации маршала силезского сеймика.

— Когда у кого-то с первого захода уже профессия директора или министра, это плохо. Я писала заявки на деньги из

Евросоюза и носила их в «машинописное бюро» для перепечатки на компьютере.

Лишь со временем она стала начальницей отдела, ответственного за привлечение европейских фондов. Так что знала всю подноготную этой работы от и до.

И сотрудников себе подбирала по аналогичному принципу. Чаще всего тех, кого знала по работе на таком же участке в органах местного самоуправления. Ее бывший заместитель, сегодняшний депутат от ГП Вальдемар Слугоцкий был, к примеру, главой департамента регионального развития в администрации маршала Люблинского воеводства. И вспоминает бывшую начальницу в самых лестных выражениях. Говорит, что заместителям она давала карт-бланш, требуя результатов.

А когда результаты оказывались недостаточными, Беньковская, как утверждают, становится малосимпатичной.

Беньковская: «Это называется делегировать работу. У меня очень хороший коллектив, я в них уверена. Поручаю им задания, и они их реализуют. Но это не означает, будто в министерстве может происходить нечто такое, о чем мне не известно».

5.

Беньковская с самого начала поставила условие, что никто не будет вмешиваться в ее кадровую политику.

В первый состав своего ведомства пригласила Кшиштофа Хетмана, которого знала, когда тот возглавлял департамент регионального развития в администрации маршала Люблинского воеводства.

— Я совершенно не отдавала себе отчета в том, что он из крестьянской партии, — рассказывает она.

Все оставили Беньковскую в покое, так как ее ведомство, хотя через него перекачивались огромные деньги, действовало без проблем.

Вице-премьер Януш Пехоцинский:

— О министре Беньковской я высказываюсь только хорошо.

В ГП она не вступила, но на последних выборах с успехом (примерно 50 тыс. голосов) добивалась сенаторского мандата. И

на вторую победу «Гражданской платформы» отреагировала с энтузиазмом.

— А знаете, почему?

— Слушаю.

— Я — человек довольно эмоциональный. И боялась, что после политических перемен не сумею себя найти. А мне хочется действовать, хочется работать. Возможно, это было глупо, но тогда я рассуждала именно так.

6.

Политик из ГП: «О ее положении в новом правительстве свидетельствует простой факт. Беньковская была кандидатом, не подвергавшимся сомнению. Ее фамилия стала одной из первых, которые проштамповал премьер».

Министр из правительства Туска: «Нет нужды скрывать, что в правительстве она лицо влиятельное. Теперь премьер-министр советуется с ней по многим делам, в том числе и по выходящим за рамки полномочий ее ведомства. Недавно, например, он попросил Беньковскую прокомментировать вопрос о наказаниях для министерства сельского хозяйства, а это не ее забота».

Европейская комиссия добивается возвращения почти 80 млн. евро на поддержку малых хозяйств — ввиду плохого, как она утверждает, контроля за их расходованием.

— Как вы думаете, министр сельского хозяйства выиграет дело перед Европейским судом и отвоюет эти деньги?

— Оно протянется несусветно долго, пожалуй, года два, но мне думается, что да. Однако я располагаю неполными знаниями, так как это «не мой» кусок бюджета.

— Много ли мы получаем таких наказаний или приостановок средств?

— Давайте не дадим пудрить нам мозги. Если речь идет о действующем ныне бюджете, то в целом по всему Евросоюзу средства приостанавливались двести раз, в том числе на польские программы — дважды, а мы ведь берем больше всех денег. Ни в какой из программ доля промахов не превышает 2% израсходованных средств — а этот уровень абсолютно безопасен. Надо радоваться тому, насколько эффективно мы их тратим, и не закатывать истерик.

7.

Когда Европейская комиссия заморозила фонды на строительство дорог (3,5 млрд. зл., из-за подозрений о ценовых сговорах при проведении аукционов), Беньковская вместе с министром транспорта Славомиром Новаком поехала на переговоры в Брюссель.

Беньковская: «Я в таких ситуациях всегда принимаю удар на себя. В Польше действует система, которая выдержала испытания: надзор за всеми деньгами из ЕС осуществляет одно министерство. Таким образом, коль скоро успехи мои, то и проблемы тоже мои».

Телевидение показывало сюжет: она, Новак и комиссар по региональной политике Йоханнес Хан. Новак смотрит куда-то в потолок, а Беньковская, глядя сверху вниз, дает жару Хану.

— Неужто это выглядело таким образом? Я знаю Хана с давних пор, мы даже симпатизируем друг другу. Думаю, я просто излагала ему аргументы. Иногда у меня бывает такая экспрессивная манера выражаться, и я хочу, чтобы меня поняли. В тот момент я была убеждена, что чиновники ЕС нас обидели. Всё это дело не требовало от них такой реакции! Поэтому мне хотелось внятно показать, что я в бешенстве.

Политик из ГП: «Экспрессивная манера выражаться? Она повела себя как мать, чей ребенок вместо пятерки несправедливо получил по контрольной трояк!»

В любом случае дело удалось решить положительно: по истечении двух месяцев деньги разморозили.

— А вы хорошо себя чувствуете в Брюсселе?

— Европейская комиссия — это такое большущее министерство. Чувствую я себя там не слишком хорошо, но нормально и уж наверняка без комплексов. За годы работы изучила большинство тропинок, а многих чиновников знаю со времен, когда руководила департаментом в Силезии. Я продвинулась по службе, они тоже.

— И что вы о них думаете?

— Они располагают огромными деньгами, несопоставимыми ни с какой национальной администрацией. И не отвечают практически ни перед кем. Легкую дрожь они испытывают лишь в тех случаях, когда объяснений от них просит Европарламент.

— Мерзкая бюрократия?

— Разумеется, я не обобщаю, потому что там есть много профессионалов. Но в общей сложности у меня не самое лучшее мнение о брюссельской бюрократии. Она раздувается, начинает существовать сама для себя, не чувствует над собой кнута общественного мнения.

— Не выглядят ли другими чиновники из новых стран ЕС?

— Как раз они зачастую проявляют рвение неофитов. Вместо того чтобы подчеркивать, что у новых стран своя специфика, они ведут себя так, как если бы хотели показать: «Мы — подлинные европейцы».

8.

Быть может, определение «девушка со двора» и подходит Беньковской. Недавно она перед советом министров «эмоционально» беседовала с вице-премьером, министром финансов Яцеком Ростовским. Ростовский в конечном итоге призвал на помощь свою заместительницу: «Попрошу подойти ко мне, поскольку здесь министр Беньковская скандалит!»

Беньковская: «Но я не скандалила, а всего лишь объясняла, что они ошибаются».

9.

Источники, близкие к правительству, говорят, что вице-премьером должна была стать Беньковская, а не Ростовский, который узнал о назначении вечером за день до оглашения. Почему? Потому что Беньковская отказала премьер-министру.

Политик из ГП: «Ее ведомство распределяет фонды, в некотором смысле оно стоит над другими министерствами. По этой причине ее назначение было логичным».

— Действительно ли вы отказали премьер-министру, когда тот предлагал должность своего заместителя? — спрашиваю я.

— Обойдем это дело молчанием. Считаю, что министр финансов — это хороший выбор, — отвечает Беньковская.

— Ну да, но придет очередная реконструкция, на сей раз крупная. Если вы снова получите предложение, чтобы улучшить облик правительства?..

— А вы уверены, что после реконструкции я останусь в министерстве?

— Шутки в сторону! Так вы откажете премьеру?

— Знаете ли, вице-премьер — это функция не для меня. Надо улучшить «имидж» правительства? Но я не люблю раскрутку, не люблю говорить на общеполитические темы.

Похоже, что и во второй раз Туска развернут на выход, причем в тот момент, когда Беньковская может оказаться очень нужной ему.

Политик из «Права и справедливости»: «Без сомнения, она помогла бы Туску. Беньковская — хороший чиновник, профессионал. Вот только она, как огня, избегает текущей политики. Ловко уклоняется от попадания в конфликты и от высказываний по спорным делам, лежащим за пределами ее полномочий.

10.

Когда в процессе переговоров по бюджету ЕС Польша получила на 2014–2020 гг. хорошую сумму порядка 73 млрд. евро, всё правительство торжествовало.

Дональд Туск даже совсем зарпортовался и пообещал, что сядет в свой предвыборный «тускобус» и объедет всю Польшу, чтобы толковать с гражданами о том, на что тратить такие крупные средства. Это должно было стать наступлением, сопоставимым с тем, которое он устроил перед выборами в 2011 г., когда отправился по стране и выиграл выборы для ГП.

Однако Беньковская вроде бы отреагировала удивлением. И так известно, на что должны идти средства. В конце прошлого года она лично приняла участие в 16 совещаниях с сотрудниками органов самоуправления, предпринимателями и чиновниками каждого воеводства. Всё тщательно обсудили. Что же хочет делить Туск?

Я спрашиваю у министра Беньковской, хороша ли идея, чтобы премьер-министр разъезжал и вел разговоры о евросоюзных фондах.

— Думаю, хороша, — отвечает она. — В конце концов, это последний такой большой бюджет. Будет хорошо о нем поговорить.

— Но ведь вы уже объехали все воеводства?

— Туск встречался с администрациями маршалов. Я беседовала с другой публикой — теми партнерами, с которыми общаюсь уже многие годы. Премьер-министр намерен устраивать встречи в малых центрах, с местными депутатами, а также с обыкновенными гражданами.

Проблема в том, что глава правительства пока не находит достаточно сил и запала, чтобы сесть в «тускобус».

11.

На столе в министерстве у нее фрукты и сладости. Беньковская выглядит раскованной, но на самом деле ни на мгновение не теряет бдительности:

— Что вы так смотрите на эти стены?

— Просто так.

— Сейчас объясню: это суденышко на снимке принадлежит пограничной охране. Я его крестная мать. Там — премия Киселя^[2]. Те два рисунка сделала несколько лет назад младшая дочь, а это волк, потому что я люблю волков, а также свиней.

— Ага, но почему волки и свиньи?

— Боже, неужели я должна говорить и про это? Потому что они умные, лояльные и моногамные.

Беньковская признаётся, что у нее пунктик на животных:

— Не могу вообразить жизнь без них. Случается, что в воскресенье мы все устраиваем лежбище в кровати. Звери и мы.

У Беньковской трое детей. Двое взрослых, которые учатся (25 летняя дочь и 24-летний сын), и дочка 12 лет, живущая с отцом в Мысловице. Пани министр, которая замужем 25 лет, ездит домой на уик-энды — тогда она стряпает и выполняет материнские обязанности.

Всю жизнь она успешно справлялась с ролью матери и делающей карьеру чиновницы: «Я всегда была хорошо организованным человеком».

Однако, когда Беньковская впервые сдавала экзамены в Национальную школу публичной администрации, то во время последнего собеседования ее отвергли. Погорела на вопросе, как она сможет управляться, коль скоро у нее несовершеннолетние дети.

Невзирая на этот опыт, она не поддерживает идею гендерного паритета: «Я решительно против и не хотела бы ничем быть обязанной паритету. Карьера — это вопрос не пола, а компетентности. Среди мужчин ровно столько же идиотов, сколько и среди женщин».

12.

Беньковская — востоковед, специалистка по Ирану и говорит на фарси.

— Не буду скрывать, что почти потеряла этот язык, и это очень плохо.

Некий бывший министр: «Спросите у нее, пожалуйста, танцует ли она!»

— Вы танцуете?

— Я балдею на рок-концертах.

Она любительница Балкан, потому что там тепло, классная музыка, классные люди, ну, и довольно близко.

— У вас есть стилист?

— Ну и вопросыки вы задаете!

— Подруги просили.

— Нету, я одеваюсь сама.

Беньковская не любит, когда ее узнают на улице.

Беньковская не любит вопросов на личные темы.

— Таблоиды писали, что у вас есть татуировка.

— А разве это плохо, моя татуировка на что-либо влияет?

— Откуда мне знать? Странно только, до чего вся Польша интересуется вашей татуировкой.

— Странно. Выдам вам: у меня их две! Одна — это солнце!

— Ну, значит, у меня есть новость.

— Пожалуй, да.

---

1. Так называется до сих пор популярная в Польше довоенная кинокомедия (1937) о забавных приключениях двух красоток-близняшек — певички из кабаре и министра охраны общественной морали.
2. Премия Киселя учреждена в 1990 известным писателем и публицистом Стефаном Киселевским (1911–1991, один из его псевдонимов — Кисель) и присуждается ежегодно в трех категориях: лучший политик (в ней отметили Э.Беньковскую в 2011), публицист и предприниматель.

ВУЗЫ ХВАТАЮТСЯ ЗА ИНОСТРАНЦЕВ

Свободные места на бесплатных курсах! Приглашаем абитуриентов для участия во втором наборе! — так в начале осени объявлялись даже самые популярные вузы. Поколение демографической ямы, которое достигло студенческого возраста, не заняло всех мест. Если вузы хотят выжить, они должны искать новые решения. В рекордном 2005/2006 учебном году в вузах было всего почти 1,95 млн студентов, тогда как в 2011/2012 — уже неполные 1,736 миллионов. Упадок многих образовательных учреждений сегодня очевиден. Спасением может стать набор студентов за границей. Кто этого не поймет, выпадет из игры. Но конкуренция огромна, в особенности если учесть, что польские учебные заведения должны бороться за студентов не только друг с другом, но и с самыми сильными игроками на международном рынке образовательных услуг.

Места для иностранцев

Как указывает Образовательный фонд «Перспективы», объединенный с Конференцией ректоров польских высших профессиональных школ в программе «Study in Poland», в Польше до сих пор остается неиспользованным образовательный потенциал, направленный на иностранных студентов. Из данных за прошлый учебный год следует, что их свыше 24 тыс, а в текущем году, по свидетельству Бьянки Сивинской, координатора программы «Study in Poland», это число, вероятно, приблизится к 30 тысячам. Иностранцы составляют сегодня всего лишь 1,39% студентов в наших вузах. А это решительно слишком мало. — Ориентируясь на мировые стандарты и тенденции, мы полагаем, что уже сегодня в Польше должно быть в два раза больше иностранных студентов. До 2020 г. динамика развития должна позволить приезжать в наши вузы даже 100 тыс молодых людей, — утверждает Бьянка Сивинская.

Наибольший интерес вызывают те направления, которые популярны и среди поляков. В медицинских учебных заведениях иностранные студенты составляют в среднем 8,47% обучающихся, а на некоторых даже 10—11%. На этих курсах обучается также и самая большая группа студентов из

развитых стран. Стоимость англоязычных курсов для будущих врачей — 40—60 тыс злотых в год. — На медицинских курсах, преподаваемых по-английски, у нас обучаются студенты из США, Норвегии, Канады, Швеции. Польские вузы имеют предложения высокого уровня, курсы аккредитуются, между прочим, в США, а в сравнении с тамошними учебными заведениями — очень дешевые. Однако число студентов, которые на них зачисляются, ограничено количеством мест на практике в больницах.

Как отмечают эксперты, приезд иммигрантов необходим не только учебным заведениям, но и всей экономике. — Польша должна принять 5 млн иммигрантов, чтобы избежать обезлюдения, а студенты — это лучший вариант, за который мы должны бороться. Мы должны позаботиться о создании им условий для того, чтобы они смогли обучаться и, возможно, остаться в нашей стране, — подчеркивает Эва Кишка, руководитель Отдела сотрудничества с заграницей Гданьского медицинского университета. — Это спасение для экономики, поскольку за ними идут конкретные деньги, не только для учебного заведения. Ведь они должны есть, одеваться, где-то жить, проводить свободное время, их навещают семьи. А кроме того, это наши послы по всему миру.

Азию все еще недооценивают

— До многих высших учебных заведений обязательность набора за границей доходит только сейчас, — говорит Бьянка Сивинская. — Когда в 2005—2006 гг. мы предлагали выезд в Китай, большинство ректоров вообще не принимало этого во внимание. Сегодня поиск абитуриентов не только в странах, граничащих с Польшей, стал уже нормой. По крайней мере, если речь идет о самых больших, лучших вузах, соединенных, к примеру, в программе «Study in Poland». Давайте все же не будем забывать, что до сих пор почти в каждом втором польском вузе нет ни одного иностранного студента.

Китайцы и остальные азиаты — это, впрочем, не очень многочисленная группа приезжих студентов. А жаль: в образовательной экспансии Азии очень выигрывают теперь Европа и США. В Польше учится только 565 китайцев, 533 тайванца, 215 индусов и 197 вьетнамцев. — Набор много лет подряд блокируют препятствия системы, — поясняет Бьянка Сивинская. — Недостает договоренности о взаимном признании дипломов об образовании. Из-за этого мы теряем огромный ресурс, которым пользуются другие страны.

— Сегодня аккредитацию в Китае могут получить лишь единичные направления обучения, — говорит проф. Зофья Высокинская, проректор по международной деятельности Лодзинского университета. — В нашем учебном заведении такую аккредитацию получила экономика, мы хлопочем сейчас о признании информатики, которая пользуется относительно большим спросом. У китайцев есть большая потребность в развитии новых технологий, а также направлений, связанных с Европой, ее юриспруденцией, экономикой и хозяйством.

Испанцы в наступлении

Число образовательных иммигрантов растет у нас все быстрее. Первым импульсом было, конечно, вступление Польши в Евросоюз, а следующим — внедрение болонской системы, унифицирующей международную образовательную систему. Действительно, до 2003 г. число иностранцев, пользующихся предложениями польских вузов увеличивалось, но очень медленно: из данных Главного статистического управления следует, что в 1993 г. их было почти 5 тыс, а 18 лет спустя — около 7,4 тысяч. Между тем уже спустя год после акцессии число обучающихся иностранцев увеличилось до 8,8 тысяч.

Больше всего студентов приезжает к нам из Белоруссии (год назад свыше 6,3 тыс) и Украины (около 3 тыс). Иногда направления образовательной иммиграции удивляют — в 2009 г. в нашей стране училось всего 152 испанца, два года спустя — почти в восемь раз больше. — Возможно, это нарастающий кризис в Испании, где каждый второй молодой человек остается без работы, способствует приезду в Польшу. Обучение у нас все дешевле, а идея сделать карьеру в Польше начинает составлять своего рода новую альтернативу, — объясняет неожиданный интерес к польским учебным заведениям Бьянка Сивинская. А сами испанские студенты на студенческих форумах признают: их привлекли высокий уровень английского и относительно низкая стоимость проживания и обучения. Они приезжают к нам изучать филологию, экономику, политологию. Многие из них заявляют, что переманят знакомых и останутся в нашей стране подольше.

Британского совета нам не хватает

Препятствием в принятии иностранных студентов бывает язык: не все вузы предлагают обучение на английском языке или, к примеру, на испанском, а желающих обучаться по-польски немного. Стоимость проживания и обучения здесь действительно ниже, чем в большинстве стран Евросоюза, но, например, немецкие ланды предлагают бесплатное обучение (у

нас не платят лишь студенты, имеющие польское происхождение). Только три польских учебных заведения — Варшавский университет, Ягеллонский университет и Силезский университет — упомянуты в так называемом Шанхайском списке, занимая, впрочем, места в четвертой и пятой сотне. Образовательный имидж Польши оставляет желать лучшего. А ввиду теперешнего интереса к интернационализации со стороны государства, существующее число студентов — это и так много.

— Трудно соперничать с тузами рынка, которые много лет занимаются набором студентов по всему миру и обладают намного более существенными финансами, опытом и отработанной стратегией в этой сфере, — комментирует Эва Кишка.

В 2009 г. министр Барбара Кудрыцкая заявила о существенных изменениях, которые усилят интернационализацию учебных заведений. И хотя с тех пор число иностранных студентов значительно возросло, члены «Study in Poland» не видят в этом большой заслуги управления по науке. — Набор студентов за границей — это сложная, многоаспектная проблема, заключающая в себе важный интерес государства. Большинство европейских стран, имеет отдельные агентства, заботящиеся об образовательном имидже страны, в Великобритании есть Британский совет, в Германии — Германская служба академических обменов DAAD, во Франции — КампусФранс, в Голландии — НУФФИК. Подобные организации есть у литовцев, латышей, венгров и чехов. Они набирают студентов, рекламируют, обещают стипендии, — подчеркивает Бьянка Сивинская. — У нас до сих пор нет ясной программы студенческого обмена и финансов на ее реализацию. Нет также и стратегии развития высшего образования — что уж говорить об интернационализации польских вузов. Даже у польских посольств и консульств за границей нет отделов, ответственных за образование. Эффективность усилий вузов ограничена, без решений на государственном уровне это по-прежнему партизанщина.

Управление по образованию уверяет, что представляет Польшу на международных образовательных торгах, проводит стипендиальные программы, между прочим, для молодых ученых из стран бывшего СССР. Вместе с тем «продолжается интенсивная работа по составлению стратегического управленческого документа об интернационализации польской науки и высшей школы». Когда точно такой документ должен появиться — неизвестно. Но уже год существует

интегрированная система продвижения польских вузов и инновационных исследовательских проектов за границей, включающая среди прочего конкурс грантов для вузов на инновационные популяризаторские проекты за пределами страны и обучение лиц, ответственных за формирование образа учебного заведения, а также на создание Интернет-портала — информационного пособия о Польше, о предложениях получения образования, условиях и процедурах, необходимых для пребывания и проживания в академических городах.

Сильвия Тага из пресс-службы Министерства науки и высшего образования называет конкретную дату планируемого появления польского органа с рабочим названием Национальное агентство академического обмена, ответственного за интернационализацию, — 2016 год. Ввиду утверждения, что «создание нового агентства будет связываться не с дополнительными финансовыми затратами, а с размещением в одном месте существующих субъектов, действующих в международном масштабе на благо польской науки и высшей школы», можно однако опасаться, что этих усилий будет недостаточно. Создание польской образовательной марки — это инвестиция, а для нее нужны немалые средства.

ОБЗОР ИНТЕРНЕТА

В польском интернете немало страниц, посвященных восточной тематике. Наиболее интересным следует признать сервис «Новой Восточной Европы» (www.new.org.pl) — журнала, выходящего раз в два месяца с 2008 года. Электронная версия носит более детальный характер, нежели бумажная, и в ней можно найти много информации о текущих вопросах политической, общественной и хозяйственной жизни посткоммунистических стран. Самое большое место, разумеется, занимают публицистические тексты о ближайших соседях Польши — России, Украине, Белоруссии. О переменах в политике Путина, нацеленных на усиление лояльности новых российских верхов, пишет Мартин Мончка в тексте «Лояльный патриотизм», а особенным интересом пользователей интернета (как можно видеть по числу комментариев) пользовался текст Якуба Корейбы «В меню Кремля остался только “Искандер”», в котором автор в связи с парадом 9 мая критикует политику бряцания оружием, осуществляемую Москвой. Он утверждает, что такая политика проводится за счет несбалансированного развития других секторов экономики и имеет целью искусственное поддержание блеска имперской мишуры.

Среди недавно опубликованных материалов об Украине заслуживает внимания полемика между Петром Погожельским («Волынь: украинская точка зрения») и Анджеем Бжезецким («Волынь — Украина лежит в Европе»). Первый упрекает поляков, что они целенаправленно стремятся к обострению ситуации в связи с приходящимся на нынешний год 70 летием трагических событий на Волини 1943 года. Польская сторона, дескать, старается не видеть, что у украинцев огромная проблема с собственной историей. Но времена меняются, отвечает Бжезецкий, по вопросу Волини время «льготного тарифа» уже закончилось. Польско-украинские отношения должны базироваться на европейских стандартах, так что больше нет возможности уходить от болезненных и трудных вопросов.

В интернет-сервисе «Новой Восточной Европы» мы обнаружим также ряд интересных текстов, касающихся других регионов: Сильвия Агнешка Билинская («Кавказские споры о меди») описывает напряженность в чеченско-ингушских

отношениях, которые, по ее мнению, могут завершиться поглощением Ингушетии соседней республикой, где правит Кадыров, а Анджей Бжезекский в статье «Персы вступают в игру?» пишет о возможном вмешательстве Ирана в конфликт вокруг Нагорного Карабаха. Кроме того, на странице «НВЕ» регулярно помещается информация об интересных конференциях по восточной тематике. Представлены и смелые медийные инициативы из стран-партнеров — например «Украинский журнал», альманах «Южный Кавказ», украинский телевизионный канал «TVi». На сайте появляется также культурная информация — рецензии на книги и фильмы. «Новая Восточная Европа» в последние годы стала важной инициативой, формирующей польскую восточную политику. Импонирует активное участие молодых авторов — студентов и аспирантов, специализирующихся в этой области, которым журнал предоставляет свои страницы, прежде всего в интернетовской версии, а также активность польских и зарубежных участников форумов, ведущих бурные дискуссии.

Стоит отметить блог «Три черепахи» (www.trzyzolwie.blog.onet.pl), который ведется редакторами «Новой Восточной Европы» Анджеем Бжезицким и Малгожатой Ноцунь. Название блога иронично отсылает к известному высказыванию Бориса Ельцина, который заявил, что Россия стоит на трех китах. В этом блоге мы найдем тексты облегченные, в которых восточные дела трактуются *sum grano salis*, а политические события авторы представляют в категориях абсурда и гротеска.

Следующий весьма важный портал польского интернета, посвященный восточной тематике, — это страница «eastbook.eu», финансируемая министерством иностранных дел Польши, фондом «National Endowment for Democracy» и Вышеградским фондом. Портал работает на четырех языках — польском, английском, русском и украинском. Он сообщает об успехах программы Евросоюза «Восточное партнерство» и ведет интересный информационный сервис. В отличие от «Новой Восточной Европы», рассматриваемые вопросы подаются прежде всего в европейской перспективе, а акцент делается на трансграничном и экономическом сотрудничестве. Интересен текст известного блогера Онника Крикоряна на «eastbook.eu», где подчеркивается значение социальных СМИ, которые сейчас стали одним из немногих мест, где молодые люди, например из Армении и Азербайджана, могут встретиться. Эта программа была создана с опорой на «Project Harmony» — проект, делающий возможным контакты между евреями и палестинцами. В последнее время редакция

«eastbook.eu» открыла культурный сервис, где публикуются рецензии на книги и фильмы.

Правам человека на постсоветском пространстве посвящается страница «Восточный корреспондент» (www.korespondent-wschodny.org), которую ведут силезские журналисты. Они сотрудничают, в частности, с «Мемориалом», порталом «Права человека в России», «Human Rights Watch», белорусской организацией «Вясна», Белорусским Хельсинкским комитетом. На странице ведется информационный сервис, публикуются интервью с правозащитниками и оппозиционерами. В последнее время опубликованы беседы с Алексеем Навальным, Ильей Яшиным, белорусским оппозиционером Андреем Санниковым. Необычайно важны доклады «Восточного корреспондента» о нарушении прав человека. Так, Катажина Квятковская в тексте «Хиджаб несогласия» пишет о школе в Кара-Тюбе на Северном Кавказе, где вспыхнул конфликт между директором школы и местными мусульманами. Поводом был хиджаб — головной убор, закрывающий волосы, шею и уши. А Люцина Домбровская в тексте «Лики насилия по отношению к женщинам, или Повседневность украинской матери, жены и любовницы» подчеркивает, что по официальной статистике две трети украинок испытывают психологическое или физическое насилие. Большинство об этом никогда не заявляет. Причина такого положения вещей — не страх или стыд, что типично для жертв насилия; причина чаще всего — привычка. Женщины, ставшие жертвами домашнего насилия, не уходят от своего мужа-палача, потому что привыкли к такой ситуации. И даже если бросят его, то перенесут ту же схему на свой новый союз.

Одна из самых старых страниц польского интернета — это портал «www.rosjapl.info», существующий с 2001 года. Он был создан с мыслью о тех, кто хочет ближе узнать Россию и Украину, и предоставляет самую широкую информацию об этих странах — об их истории, политике, экономике, особое внимание уделяя практическим советам для туристов, отправляющихся на восток. Большое место в этом сервисе занимает тема музыкальной жизни восточных соседей. Страница «RosjaPL.info» имеет характер интернетовской энциклопедии и, к сожалению, не содержит текущей информации. Зато бурлит жизнью ее форум (www.rosjapl.info/forum/). Почти ежедневно сюда добавляются посты на сюжеты, касающиеся путешествий, фильмов, музыки, литературы, языковых вопросов. Форум — это важное место встреч интернастов, интересующихся Россией и Украиной.

Совершенно оригинальная инициатива в Интернете — блог «Россия в литературе» (www.rosjawnliteraturze.blogspot.com), функционирующий как платформа, обобщающая выписки из других блогов. Блог объединяет свыше тридцати пользователей, которые ведут собственные страницы литературных рецензий. В течение нескольких лет его существования авторы опубликовали свыше двухсот (!) рецензий на книги русских авторов — современных и XIX–XX веков, а также поляков, пишущих о России. Только о творчестве Бориса Акунина было написано двадцать текстов. Среди последних публикаций доминируют разборы детективов Александры Марининой и Дарьи Донцовой. Мы найдем здесь также рубрику «Прочитано по-русски», в которой познакомимся с российскими издательскими новинками, еще не переведенными на польский язык. Что до польских авторов, то мы обнаружим в блоге рецензии на книги Вацлава Радзиновича «Гоголь во времена Google'a» и Игоря Мецика «14:57 на Читу». Интересен также разбор романа Юзефа Мацкевича «Дорога никуда». Пользователь Fileta пишет: «Почти в каждой крохе публицистики видно, что Мацкевич оценивает явления и людей, принимая во внимание их отношение к коммунизму, и именно в «Дороге» мы находим источник этой граничащей с навязчивой идеей установки. «Дорога в никуда» — это редкий пример группового психологического романа. Мы наблюдаем группу людей, подвергающуюся серии воздействий со стороны новой власти».

Страница «Русская рулетка» (www.rosyjskaruletka.edu.pl) создается студентами Силезского университета, объединенными в научном кружке русистов. Она носит характер культурного сервиса, где публикуются рецензии на книги, фильмы, события музыкальной и театральной жизни, анонсируются культурные мероприятия.

Следует отметить блог Анны Лабушевской «Семнадцать мгновений России» (www.labuszezewska.blog.onet.pl), журналистки «Тыгодника повсехного», специализирующейся на российской тематике. Как и в случае блога «Три черепахи», Лабушевская пишет о российской политической действительности с юмором и иронией, высмеивая ее абсурдность — например заинтересованность вопросами бессмертия, которую в последнее время выказывает Владимир Путин.

Свыше 6,4 млн. зрителей посмотрели представленный Польским телевидением сериал «Анна Герман», который в рейтингах опередил таких рекордистов, как «Л. как любовь»

или «Ранчо». Понятно, что на волне этой популярности в Польше стали появляться блоги. Например, очень интересный annagerman.blog.onet.pl, который ведет пользователь Tys, где можно найти анонсы мемориальных концертов, основанных на репертуаре певицы («Быть может, где-то еще...» — концерта в Варшаве 30 мая 2013 г. с участием британского Королевского симфонического оркестра и солистов), ее пластинок, выступлений, музыкальных спектаклей («Путешествующая Эвридика. Воспоминание об Анне Герман» в исполнении Агнешки Бабиц). Автор блога представляет книгу «Танцующая Эвридика. Анна Герман в воспоминаниях» — биографию певицы, составленную из воспоминаний ее близких, друзей, сотрудников, где о травмирующем детстве рассказывает мать, о первых шагах в музыкальной карьере — друзья юности и коллеги, о несчастном случае и лечении — врачи, об истории любви — муж и друзья семьи. Кроме того в блоге помещены снимки Анны Герман, тексты ее песен, ссылки на видеоматериалы и статьи о певице.

Более сенсационный характер носит блог «anna-german.bloog.pl», автор которого особо останавливается на собственной концепции, касающейся онкологического заболевания музыкальной звезды и ее конфликтов с семьей. Значительной популярностью в сети пользуется блог «Анна Герман. Необычайная жизнь белого ангела» (www.annagerman-niezwyklyzycie.blogspot.com), автор которого публикует неизвестные подробности из жизни певицы, анализирует ее рост и слух, представляет тексты песен. Конечно, в польском интернете появилось множество высказываний, посвященных Анне Герман. Имеет смысл привести отзыв пользователя Camil на форуме «filmweb.pl»: «Возможно, этот сериал не до конца держится правды, быть может, изменяет некоторые факты из жизни Анны Герман... Но спасибо русским за этот прекрасный фильм, потому что благодаря ему я узнала, кем была пани Аня, узнала ее прекрасные песни. А польские СМИ что до сих пор сделали? В нынешние времена мы именно через СМИ можем чем-то заинтересоваться, а наши СМИ о ней забыли. Я восхищена Анной Герман и ее прекрасной музыкой благодаря русским». А вот пользователь Joanbielsko пишет: «Не понимаю, почему такой восторг от этого фильма. Не буду говорить о невыносимых длиннотах, о тошнотворной приторности, невероятных психологических и исторических ляпах (в последней серии генерал Ярузельский объявляет военное положение, Анна выбегает из дома, а там прекрасная весна, почти лето (sic)), об упрощениях, сентиментальности в самом дурном смысле этого слова, — хуже всего во всем этом то, что трагическая жизнь главной героини преобразилась в

глупенькую мыльную оперу под охи и ахи даже и требовательной публики».

При случае имеет смысл вспомнить о странице «Русская музыка» (www.muzykarosyjska.pl), которую ведет музыкальный журналист Михал Бобер. Страница возникла в 2007 году как блог, но вскоре преобразилась в главное место встреч любителей русской музыки. Автор старается участвовать во всех русских музыкальных событиях в Польше, чтобы потом описать их на своей странице. Ему удалось провести интервью с такими артистами, как Дима Билан, Валерия, Лев Лещенко, Николай Расторгуев, Нино Катамадзе и многими другими. Страница «muzykarosyjska.pl» — это первый, главный, добросовестный, формирующий общественное мнение источник информации на тему русской музыки в Польше. Среди недавно помещенных текстов следует отметить рецензию на альбом «Жить в твоей голове» Земфиры и интервью с музыкантами Сергеем Смольяниновым и Павлом Фроловым из группы «Третий Рим». Кроме того, на странице «Русская музыка» мы всегда найдем анонсы выступлений российских музыкальных коллективов в Польше.

ЖИЗНЬ В КЛЕТКЕ

— Каким вы были отцом?

— Неважным. Даже плохим.

— Потому что политика была важнее семьи?

— Потому что мало бывал дома и не посвятил дочери достаточно много времени. И она в своей книге это показывает. Но вы знаете: или — или. Либо семья, либо служба. Я был министром обороны. Поездки, учения, полигоны, много работы, занятость. Дома я был гостем. И я чувствую неудовлетворенность.

— Вашей дочери Монике 50 лет.

— Знаю. А мне будет 90. А военный мундир я надел в 1943 году. Окончил военное училище на территории Советского Союза, в Рязани. И армия стала для меня домом, семьей, всем. Люблю армию в любом ее воплощении. Только через 20 лет родилась дочь.

— А вы хотели сына.

— Жена хотела. А я обрадовался дочке. Знал, что дочь ближе к родителям.

— Сильнее любит?

— Не в этом дело. Просто ближе.

— Тогда почему вы обращались к ней «Густав»?

— Потому что она, когда родилась, была пухлой, и я называл ее «Путя», потом Путя превратилась в Гутю, а Гутя — в Густава. Я не знаю, по этой ли причине Моника назвала своего сына Густавом. Своему внуку я подарил два пистолета, расверленные, чтобы не было никаких искушений. Один еще с фронта — трофейный немецкий вальтер, другой — подарок Хуана Карлоса, короля Испании, — красивый, инкрустированный золотом и перламутром, с надписью для меня. Еще оставляю ему две сабли. Одна фронтовая — я ведь был командиром конной разведки, мне полагалась сабля, а другая — подарок. Правда, Густав говорил, что дед даст ему только,

когда помрет. Дал раньше (смеется). (Входит Барбара Ярузельская.)

— **Дочь пишет, что вы были недовольны ее рождением.**

Б.Я. Что же в этом странного? Я мечтала о сыне. Хотела сына.

В.Я. А я дочку. (Похлопотав немного, пани Ярузельская выходит.)

— **Вы знали, что жена и дочь соперничали за ваше внимание?**

— Я не осознавал этого.

— **«Есть только одна королева» — так говорит дочь о вашей жене.**

— Моя жена была красивой, независимой, образованной женщиной. На нее всегда оглядывались. Моника же была таким цыпленком, и не было надежды, что станет хорошенькой, хотя теперь она красивая женщина.

— **Вы были уже зрелым мужчиной, когда стали отцом.**

— Мне было 40.

— **Вы боялись, что не справитесь с воспитанием дочери, не сумеете дать ей образование?**

— Я об этом не думал. Мне было важнее, какой я подаю ей пример — положительный или отрицательный. Она знала, что у меня трудная работа, требующая самоотдачи и чувства ответственности. У меня была выправка, которая в значительной мере была результатом суровой солдатской жизни, однако ее элементы Моника переняла. Кроме того, я не пью, не курю.

— **Вы думаете, что этого достаточно для воспитания? Ваша дочь пишет об одиночестве...**

— Конечно, недостаточно. Она пишет, что недостаточно. Но ведь есть же люди, которые воспитываются вообще без отцов и вырастают порядочными. Тут нельзя обобщать. Думаю, что моя дочь... Видите ли, я горжусь своей дочерью. Считаю ее умной, толковой и самостоятельной. А сейчас открытием для меня стал ее писательский талант. В этой книге она не притворяется, она откровенна. И когда пишет обо мне — тоже. Даже о военном положении пишет отстраненно. Не сглаживает, не смягчает. Метко описала наши совместные официальные

заграничные поездки и людей, с которыми мы тогда встречались. Моника была в гуще очень важных для страны дел. Участвовала во многих разговорах, училась, вырабатывала собственное мнение.

— А вы когда-нибудь мечтали, чтобы дочь пошла по вашей коммунистической стезе?

— Я никогда не впутывал ее в политику. Конечно, ситуация была для меня двусмысленной, так как мои подчиненные вовлекали в партию свои семьи, а я ничего не делал, чтобы склонить свою дочь к вступлению в партию. Она осознаёт, что не была в морально трудной ситуации. Карты были открыты.

— Не впутывали, потому что знали, что не стоит?

— Нет. Я уважаю женщин в политике, но считаю, что на этих ответственных постах мужчины справляются лучше, потому что не обременены большими обязанностями, связанными с рождением и воспитанием детей. Только не надо понимать так, будто я против женщин в политике. Хотел бы, чтобы их было как можно больше. Однако я знал, что политика — не для Моника. Кроме того, ее хрупкость, болезненность не способствовали бы политической карьере. Она хотела быть психологом. Я уговаривал ее заняться полонистикой. Я сам был лучшим полонистом в классе. Впрочем, вместе с Тадеушем Гайцы.

— Она пишет, что мама называла ее «дохлятиной»...

— В шутку, поймите. Моника была очень болезненным ребенком. В книге дочь говорит о робости, о том, что не слишком хорошо училась. У нее были внутренние проблемы, характерные для подросткового возраста.

— Эти проблемы возникали не только по причине взросления. Вы тоже были причиной, господин генерал.

— Да, в значительной степени это так.

— Вы были и остаетесь для нее горбом, который она несет через всю жизнь. Она так пишет в книге.

— Однако она не произносит это тоном страдальческим, с претензиями.

— Но всё-таки вы признаёте, что взвалили этот горб, этот груз на ее плечи?

— Признаю. И она шла с этим грузом, в клетке этой фамилии. Но никогда от этой фамилии, от меня, не отстранялась. Она ведь изучала полонистику, а это была среда в целом оппозиционная. Но она никогда не шла по течению, не сказала: «Отец согрешил, совершал ошибки». Старалась быть нейтральной.

— Однако сама она признаёт, что если бы не фамилия, то в начале 90-х, верно, не получила бы работу в «Твоем стиле».

— Потому что эта фамилия была и грузом, и облегчением старта одновременно. Но она не имела бы особого значения, если бы Моника сама не проложила себе дорогу. Она говорит, что в кругах, связанных с модой, она известна гораздо больше, чем я. (Смеется)

— Во время военного положения она переехала, не хотела жить с вами.

— Говорили, что она сбежала из дома, сбежала от меня. Это неправда. Не сбежала. Стала жить у друзей. У нее было свое мнение по поводу военного положения, однако оно не влияло на наши родственные отношения. Я знал, что, когда вернусь домой, жена и дочь всегда будут со мной, что не будет вопросов: «Что же ты сделал и почему?» и т.п.

— Такой вопрос никогда не звучал?

— Нет, никогда. Конечно, он мог быть спрятан где-то в голове. Я восхищаюсь Моникой, что у нее было столько силы характера и ума, что в тех трудных для нее обстоятельствах она смогла найти свое место, утвердиться в группе, снискать уважение своего окружения. Я в то время не мог ей помочь, потому что меня не было дома.

— Потому что ночи вы проводили в основном в совете министров.

— Это я сообщил ей о трагедии в шахте «Вуек», о расстрелянных шахтерах. Для меня это было страшно и неожиданно. В обращении от 13 декабря моя просьба о том, чтобы не пролилась кровь, прозвучала как мольба, даже молитва. Когда это случилось, я чувствовал себя, как будто получил обухом по голове. И я считаю это великим моральным грузом, который висит на мне и на тогдашней власти.

— После недавней смерти Маргарет Тэтчер шахтеры в Великобритании устроили праздник.

— Когда я умру, может, тоже будут праздновать.

— **Вы подливаете масла в огонь, принимая приглашение на Конгресс левых.**

— Лешек Миллер и Александр Квасневский очень меня уговаривают. Я сказал, что если хватит сил и здоровья, то приму приглашение. Прочитал сегодня, что Дуда, шеф «Солидарности», сказал: если будет Ярузельский, то он не приедет. Значит, позвоню Миллеру и скажу, что у него есть выбор. Я считаю, что гораздо важнее, чтобы на этом Конгрессе был шеф «Солидарности», а не моя символическая — что-то вроде цветка в петлице — фигура. Миллер не должен смущаться. А кроме того, я не выношу церемоний. Вы знаете, что меня уговаривают по случаю моего 90-летия организовать что-то, какие-то встречи в Сейме, конференции. А я никогда этого не любил. Должностей тоже не любил, потому что это связано с церемониями. Тут вспоминается шутливое стихотворение Боя-Желенского «Юбилей». До сих пор жалею, что согласился стать министром обороны. Я ведь был главой Генерального штаба и эту работу считал очень важной. Гомулка рявкнул, и я подчинился, ну и таким образом оказался в большой политике.

— **То есть вы хотите сказать, что если бы не Гомулка, не было бы военного положения?**

— Нет. Если бы не я, то кто-нибудь другой бы его ввел. А если бы не ввел, то все кончилось бы страшной бойней.

— **А когда вы узнали, что ваша теща тайком крестила вашу дочь?**

— Постфактум. Спустя годы. Она внушила Монике, что этот пан в черном облачении, который полил ей голову водой, это такой парикмахер.

— **Вы рассердились?**

— Нет. Я отнесся к этому как к чему-то естественному. Я знал, что она определится с мировоззрением, когда станет взрослой. Своего сына она тоже крестила, скажем так, по секрету. Я считаю, что не стоит этому противиться. Я тоже крещеный. Кроме того, я шесть лет провел в гимназии отцов-марианов. А теперь вы видите — я далек от религии, от Церкви. Но воинствующим атеистом никогда не был. Я неверующий, хотя очень уважаю исторические заслуги Церкви и моральную сторону евангельского учения; у меня было восемь бесед с

Иоанном Павлом II, которые я очень ценю, и множество — с примасом Глемпом. Кстати, заметьте, какой парадокс: примас был из бедной рабочей семьи, ходил в социалистическую школу, принадлежал к социалистической организации — и стал примасом Польши, а я, родившийся в помещичьей семье, выпускник католической гимназии, член молодежного марианского братства, стал первым секретарем партии, называемой немного «на вырост» коммунистической. Помню полуфеодальную Польшу — видел халупы с земляным полом, довоенную бедность, старух, которые целовали руку моего отца, а передо мной ломали шапки, называя «паничем». Моника пишет, что я был горд, когда через много лет после войны видел жителей тех хибар и их потомков уже образованными и самостоятельными.

— Она пишет и о коммунистических генералах, почти вельможах.

— Слово «вельможи», наверное, не использует. Но, действительно, некоторым людям власть кружит голову. До войны была такая шутка: жена проводника ширококолейки и жена проводника узкоколейки. Мне это никогда не нравилось.

— А вы знали, что пани Секула сказала вашей дочери: «А, это ты? А твоя мама такая красавица».

— Да, ужасная неловкость. Подозреваю, что внешность она унаследовала от меня. Правда, когда я был молодым парнем, мне не приходилось жаловаться на свою внешность. Теперь другое дело. Время берет свое. Сегодня я услышал чудесный анекдот. Рассказать? Лежит покойник в гробу. Кто-то говорит его жене: А как хорошо выглядит! — Ну да, потому что последние две недели перед смертью провел в Кринице. И еще один расскажу. Звонит телефон. Это квартира генерала Ярузельского? — Да, отвечает моя жена. — Я застал генерала? — Пока да. — Как это «пока»? — Потому что вот-вот вынесут. (Генерал смеется.)

— Вашей дочери уже несколько раз сообщали о вашей смерти.

— Мне тоже. Как там говорилось у Марка Твена: слухи о моей смерти оказались несколько преждевременными. В моем случае уже, может быть, совсем немного.

— Помните, пожалуйста, что мы с вами договорились побеседовать по случаю 90-летия.

— А сейчас говорили о дочери. Она всегда была независимой. Независимо думала, независимо жила.

Беседу вела Магдалена Ризамонти

ДОЧЬ ДИКТАТОРА

— *Всегда воспринимала отца как личность печальную, угнетенную и как бы отсутствующую. У меня было ощущение, что он взвалил на себя что-то очень тяжелое, что-то, чего я до конца не смогу понять и чего он мне не объяснит, — говорит Моника Ярузельская.*

— Ты переживаешь, когда о тебе говорят: дочь диктатора?

— Нет, ведь это правда. Конечно, с поправкой на некоторую риторичность. Я также смирилась с тем, что эта ассоциация будет сопровождать меня всегда. Впрочем, я никогда не была как Павлик Морозов, не хотела отречься от отца. Или выступить против него. Это не значит, что у меня не было сильной потребности в обособлении и самоидентификации. Моя фамилия должна была быть моей, а не моего отца.

— Ты никогда не думала о том, чтобы ее сменить?

— Нет, ведь это было бы бегством от собственной идентичности, а у меня есть ощущение непрерывности моей жизни. Непрерывности дружбы, отношений, которые я выстраивала. И что? Порвать со всем этим? Уехать? Спрятаться?

— И ты вошла в мир моды...

— Потому что это была безопасная ниша. Область, в которой никто не мог бы сказать, что я чем-то обязана отцу. Ну, и отец не сильно мог в это вмешиваться.

— И не в последнюю очередь имело значение, что там не говорилось о политике. Я понимаю, что твоя книга «Товарищ паненка», которая вышла 17 апреля в издательстве «Червоне и чарне» («Красное и черное»), рассказывает именно о том, как дочь диктатора пытается добиться независимости.

— Мне нравится такой отзыв.

— Книга такая деликатная.

— Не старайся меня спровоцировать. Она сдержанная. Что, впрочем, соответствует моему характеру. Однако внимательный читатель найдет там многое.

— Объявили военное положение...

— Это так нужно?

— Не любишь говорить об этом?

— Ненавижу. Во-первых, потому что свою собственную жизнь я строила и строю на основах, не связанных с тем, что произошло в декабре 1981 года. А во-вторых, для меня это было чем-то вроде травмы.

— Травмы?!

— Конечно, я не ощущала физической угрозы. То есть не была в ситуации, в какой находились дети арестованных, у которых в квартирах шли обыски. Но для меня это тоже было ужасным временем. Под окнами стоял БТР. Отец по телевизору говорил какие-то странные вещи, которых я не понимала. Мама была разбита и растеряна. А я совершенно не знала, в чем дело. И одновременно чувствовала, что это тесно связано с моей семьей.

— Как это — не знала?

— Отец ведь нас не информировал. Он позвонил 16 декабря. По правительственной линии, потому что все остальные были отключены. Я сняла трубку, и тогда он, таким изменившимся голосом, что я едва его узнала, сказал: «Доченька, случилось страшное. Погибли люди». У меня подогнулись ноги, потому что по его тону я сделала вывод, что на него свалилось бремя, которое скажется и на всей моей жизни. Так и вышло. Потому что дети от родителей наследуют ненависть.

— Но зачем он тебе это сказал?

— Потому что я бы все равно узнала.

— Да, но наверняка о многом он молчал, а тут вдруг — раз! Такое сообщение. (Пауза) Вы больше об этом не разговаривали?

— Я вообще довольно редко виделась с отцом, а в то время он даже не приходил домой ночевать. Спустя годы я узнала от Метека Раковского, которого очень любила, что отец тогда вызвал его к себе и сказал, что как только войдут русские, пустит себе пулю в лоб. И Метек должен поступить так же. Не знаю, какие у него были планы насчет меня.

— А вообще тебе кто-нибудь что-то объяснил?

— Не слишком много. Мы в семье вообще не были особо разговорчивыми и открытыми. Отец не рассказывал мне о своих делах, не делился эмоциями, и я точно так же не говорила о своих. Никогда! Приведу тебе пример. Когда я училась в начальной школе — я и в книге это описываю, — мне всегда приходилось выступать на утренниках. Я была некрасивой, тощей, неуклюжей, но меня всегда назначали на главную роль. А я это ненавидела.

— **Начальство считало, что раз ты дочь генерала...**

— Теперь я тоже это понимаю, но тогда я сильнее всего чувствовала некую неловкость ситуации. Особенно когда видела детей, которые на сцене прямо расцветают. И которые мне завидуют, потому что тоже хотели бы выступить в главной роли. А я от всего этого просто заболела. Говорила я об этом родителям? Нет. Спрашивали они меня? Тоже нет. Сейчас мы бы назвали это сильной эмоциональной заброшенностью. Во всяком случае, я знаю, что сын не любит выступать, потому что как только начал, то пришел ко мне в кровать и сам признался. И я начала с ним говорить об этом, прорабатывать, осваивать страх. Но тогда было другое время. «Дети и рыбы голоса не имеют» — так говорилось.

— **Но почему всё же не рассказала?**

— Это не было принято... А может быть, не хотела их разочаровать. Может быть, чувствовала, что, будучи дочерью генерала, должна выделяться. Папа такой мужественный. Солдат. Фронтовик. Министр. Мама такая красивая. Темпераментная. Может, я осилю хотя бы это: «Край красы и симфоний, и в окне — пеларгоний, край и угля, и стали, сосен, нежных азалий...» [Моника цитирует строки Галчинского из стихотворения «Отчизна»; здесь даны в переводе С.Я.Шоргина. — Пер.]

— **И чем всё кончилось?**

— В конце седьмого класса, когда я снова должна была участвовать в представлении, меня вдруг осенило: притворюсь, что потеряла сознание. Упала. И это была моя самая лучшая роль, потому что меня до конца школы оставили в покое. И благодаря этому случаю я поняла две вещи. Во-первых, что я могу рассчитывать на себя и собственный ум. И что слабость, в том числе притворная, может быть оружием.

— **А помнишь тот момент, когда ты заметила, что обладаешь властью? Ведь эта история именно об этом.**

— Это у моих родителей была власть. Это они были королевской четой, а я была в стороне.

— Правда, что боповцы возили тебя в школу?

— Это была военная охрана, не БОП [Бюро охраны президента]. Эти парни мне были очень близки. Можно даже сказать, что заменяли мне отца. Я любила с ними поболтать, а они мне доверяли.

— А ты?

— И я тоже.

— Одинокая?

— Выходит так. Однако этот разговор мне немного неприятен, а то получается, что я была очень заброшенным ребенком.

— Эмоционально — мы вроде уже сошлись на этом.

— Это правда, но, с другой стороны, у меня было ощущение огромной заботы, если говорить о здоровье. Это заслуга мамы. Стоматологи, ортодонты, аппараты. Корректирующая гимнастика. У меня было сильное искривление позвоночника... Каникулы... Всё прекрасно организовано. То есть я была эмоционально заброшена, но у меня был созданный мамой домашний уклад. Здоровья и учебы. Этот уклад служил мне опорой.

— Мама?

— Когда родители познакомились, мама была танцовщицей. А когда поженились, стала изучать историю искусств, а потом германистику. Защитила по ней диссертацию и сначала работала в университете, а потом, уже до пенсии, в Институте прикладной лингвистики. Я очень ею гордилась. Особенно когда была маленькой. Потому что все говорили: «Какая у тебя красивая мама». Но это не была такая терпеливая, теплая, домашняя мама.

— Вернемся в 80-е.

— Опять?!

— Тебе тогда кто-нибудь говорил о «Солидарности»?

— Дома — скорее нет. Впрочем, я тогда жила другой жизнью, ведь я была в выпускном классе, поэтому, сам понимаешь,

подготовка к экзаменам, общественная жизнь, первые влюбленности.

— Друзья, подруги ничего тебе не говорили?

— Чувствовалось настроение, и об этом говорилось...

— О чем?

— Ну, что есть «Солидарность»... Среди моих знакомых было много таких, которые не особо ценили моего отца. И уж, конечно, ту систему, которую он создал и которой управлял. Но в то же время правда в том, что они не давали мне это почувствовать.

— А тебе не хотелось знать, что думают люди? Не хотела выработать собственное мнение?

— Хотела, и это было очень трудно. Потому что когда тебе -надцать или даже двадцать с чем-то лет, то существует очень большая потребность в таком поляризованном видении. Вот черное, а вот белое. Ну и, с одной стороны, у меня был отец, все эти генералы, которым я говорила «дядя», а с другой — знакомые, у которых были совершенно иные взгляды. И я существовала в этих двух мирах, всё более враждебных друг другу. И одновременно пыталась быть по отношению к обоим лояльной. И так я научилась принимать амбивалентность.

— Принимать амбивалентность?

— Жить с ощущением, что неизвестно, кто прав. И это осталось моим принципом до сих пор, то есть мне вообще неважно, что кто-то прав. У меня нет взглядов. И когда я размышляю об этом, то прихожу к заключению, что взгляды — это какая-то попытка рационализации собственных эмоций, которые хочется обосновать. Чем сильнее эмоции, тем сильнее механизмы рационализации, то есть тем радикальнее становятся взгляды.

— У тебя, правда, были знакомые, которые...

— Мой тогдашний парень носил бороду, резистор [радиотехническая деталь, сопротивление, которую во время военного положения прикрепляли к одежде в знак сопротивления режиму. — Пер.] и принадлежал к Независимому объединению студентов.

— И с этим резистором приходил в дом семейства Ярузельских?

— Ну, разумеется. И это действительно были два мира, которые друг в друга проникали. Они и до сих пор переплетаются. Через несколько месяцев после смоленского крушения отец как раз лежал в больнице, я зашла его проведать, и он говорит: «Не угадаешь, кто был у меня только что». — «Кто?» — «Брат Марии Качинской. Пришел навестить Ядвигу Качинскую и по случаю заглянул ко мне». А брат Марии Качинской, то есть шурин президента Леха Качинского, был полковником польской армии во времена ПНР. И вот так для меня выглядит мир.

— А может, если бы ты позволила себе иметь собственные взгляды и предъявила бы их, люди перестали бы связывать тебя с отцом?

— Очень возможно, но мое отношение к отцу не позволяло и не позволяет мне выступить против него.

— Тебе 50 лет.

— А ему 90.

— И что?

— Жив (смеется).

— У тебя действительно нет собственного мнения о военном положении?

— Я задаюсь вопросом, что произошло бы, если бы отец, вместо того чтобы его ввести, подал в отставку? Считали бы его героем или, может, трусом?

— А ты кем бы его считала?

— Дезертиром.

— Потому что всю жизнь шел так и вдруг испугался?

— Да.

— Ты говорила с отцом об этом?

— Нет.

— А вообще хотела бы с ним об этом поговорить?

— Не знаю. Пожалуй, нет.

— В ПНР как только кто-то заводил речь о Польше, о свободе, то в каком-то смысле разговор сразу переходил на твоего отца.

— Верно, и в связи с этим случались ситуации, когда кто-нибудь меня спрашивал, когда отменят талоны на обувь.

— Я имел в виду другое.

— Конечно, и так тоже случалось. Даже очень крепкие выражения по адресу отца. Бывало и так, что, попадая в общество новых людей, которые не знали, как при мне себя вести, сама травила анекдоты о «Ярузеле», чтобы дать понять: при мне можно.

— Тебя обижало, что кто-то уничижительно говорил о твоём отце?

— Не совсем, потому что это свидетельствовало о доверии ко мне. Я просто искала контактов с людьми, которые достаточно критично относились к моему отцу: считала, что такие трудные знакомства — настоящие. Что такому человеку действительно нужна я, а не карьера в Союзе социалистической молодежи.

— Ты когда-нибудь ссорилась с отцом?

— Никогда. В принципе всю жизнь ощущала, что сочувствую отцу. Что он такой человек, на которого я не могу нападать.

— Бедный?

— Именно.

— Но почему?

— Не знаю, но я всегда воспринимала его как личность печальную, угнетённую и как бы отсутствующую. Знаешь, у него была такая полупутливая манера говорить мне: «И что там твой старый, хворый отец». Даже когда ему было 50 лет, так ко мне обращался. И это рождало у меня какое-то такое чувство, что шутки шутками, но он действительно тот, кого я не хотела бы огорчить.

— Жалость?

— Скорее, сочувствие. Что он взвалил на себя что-то очень тяжелое, чего я не смогу до конца понять и чего он мне не объяснит. А потом, когда смотрела на него уже с точки зрения

взрослого человека, то видела такого маленького Войтуса, которого усаживают за стол завтракать и он не может выйти, пока всё не съест. Остальные домашние уже пришли обедать, а он все сидит с тем завтраком. А потом едет в гимназию отцов-марианов. Валит лес в Сибири. Тащит гроб с останками отца. А потом старается из этого всего вырваться, попадает в армию, именно такую и никакую другую, и идет уже дальше...

— Как?

— Становится офицером, продвигается, делает карьеру...

— ...тут-то, как понимаю, и начинаются проблемы.

— Да, потому что этического уже значительно меньше, но если увидеть того Войтуса... Для меня важно мыслить человеком, а не политикой.

— То есть ты не бунтовала?

— Видишь ли, я не делала этого еще и потому, что когда выезжала на каникулы, в Крым, на Кавказ, и видела всех этих маршалов, этот Варшавский договор, то понимала, какая в этом сила. И не только моего отца, но и тех, кто еще сильнее его. И, значит, я была в центре циклона, то есть каким-то образом в безопасности — но с осознанием, что возможности бунта с моей стороны нет никакой. В столкновении с Варшавским договором не больно-то много было у меня шансов.

— А у тебя есть какие-нибудь воспоминания о тех встречах Варшавского договора?

— Ну, например, такие. Были мы в Крыму и вместе с внучками маршала Куликова, который тогда возглавлял Варшавский договор, разглядывали тех всяких маршалов и генералов, как они там пресмыкаются: «смотри на его жопу». И в смех.

— Что ты думаешь о детях диктаторов? Например, о молодом Киме?

— Думаю, что мы ходим по краю, но ничего. Думаю, что дети Кима или Каддафи выросли чудовищами, но ведь действительно у них не было выхода. То есть единственным выходом, если бы они это осознали или даже если бы имели на это шанс, было бы самоубийство.

— Если бы осознали что?

— Что они обречены на повторение. Ведь что может сделать внук Ким Ир Сена? Взбунтоваться? Сказать «нет»?

— Нет.

— Но он ведь не может этого сделать.

— Почему?

— Ты был в Корее?

— Ты была.

— И потому знаю, что там нельзя сказать «нет». И уж особенно когда находишься на вершине власти. Дочь Ратко Младича, когда узнала о геноциде, совершенном по приказу ее отца, покончила с собой.

— Ты не любишь говорить о таких вещах?

— Ненавижу.

— Потому что это как будто о тебе?

— В какой-то мере.

— Ты читаешь газеты, смотришь телевизор, не боишься узнать о чем-то страшном, чего не знаешь?

— Это такое обычное дело, что я привыкла. Помню, поехала как-то на море. Зимой. В отель. Возвращаюсь с прогулки, легла на кровать, расслабилась, включила телевизор, а там: ИНП выяснил, что агент Вольский... И вот я должна утром спуститься к завтраку, и знаю, что все опять будут на меня смотреть. И речь уже не идет о моем дискомфорте, только о том, что я создаю проблемы другим. Потому что они тоже должны как-то выйти из положения.

— Звучит так, будто ты хочешь сказать, что для мира было бы лучше, если бы ты исчезла.

— Как-то раз мой знакомый сказал, что для меня было бы лучше, если бы отца расстреляли. Потому что тогда люди по большей части мне бы сочувствовали.

— Печально.

— К счастью, при всем этом случаются и трагикомичные ситуации. Было как-то время, что отец все время был в суде, СМИ это показывали, я смотрела, а Гутя играл где-то рядом. А

чуть позже, я как раз была на кухне, и вдруг Гутя кричит: «Деда! Деда!» Я прихожу и вижу, что по телевизору показывают зал судебных заседаний, и там какой-то бандит. Но Гутя увидел суд и решил, что это связано с дедом.

— А вообще ты довольна, что наступил перелом?

— Была очень довольна, многие годы. Но сейчас, во время кризиса, когда капитализм показал довольно неприятное лицо, то когда думаю о своем ребенке, безработице, наших будущих пенсионерах, абстрагируясь от того, чья я дочь, мне представляется, что с некоторых точек зрения ПНР была безопаснее.

— Почему?

— Потому что была более предсказуемой.

Беседовал Томаш Квасьневский

ОПЫТ НОВОЙ

Передо мной лежит изданный под редакцией Войцеха Боровика и Томаша Кучборского альбом «Н как НОВА. От свободного слова к свободе. 1977–1989». Я перелистываю страницу за страницей, внимательно приглядываюсь к каждому снимку и, надо признать, чувствую ностальгию и зависть к временам подлинной общности. Конечно, представление о ней есть некое построение моего сознания, истосковавшегося по временам — несмотря ни на что — более предсказуемым, чем нынешние, где безработица, карьерная гонка, планы на отпуск, не сбывшиеся из-за нехватки средств (и не представленные наглядно в виде фотографий в фейсбуке), всё больше изолируют людей друг от друга. Да, я ощущаю всю фальшь моих иллюзий, но это не меняет сути дела, во мне по-прежнему говорит ностальгия. Знаю, что не я один подвержен этому недугу. В различных своих мутациях он преследует все новые поколения и разные слои общества.

НОВА (Niezależna oficyna wydawnicza, Независимое издательство) начала свою деятельность с выпуска ежеквартального литературного журнала «Запис». Шел 1977 год, и, верно, немногие верили в то, что в Польше когда-нибудь перестанет существовать цензура. Тем не менее события июня 1976-го (подавление рабочих демонстраций) явственно показывали нежизнеспособность коммунистической системы в Польше. Этот факт, как и возникновение КОРа (Комитета защиты рабочих), оказывавшего помощь репрессированным, стал импульсом для развития неофициального издательского движения. Появились многочисленные подпольные издательства. По оценкам, с 1976 по 1989–1990 гг. в независимом издательском движении вышло 6500 книг и 5500 наименований периодических изданий. Самым крупным подпольным издательством, не только в Польше, но и во всем блоке социалистических стран, была НОВА. Под ее маркой выходили Анджеевский, Стрыйковский, Конвицкий, Новаковский; издавались Милош, Солженицын, Замятин, Оруэлл. Кроме того, велась и фонографическая деятельность — «Нова-кассета». В ее рамках записывались и распространялись кассеты с литературными программами, репортажами, песнями авторов, связанных с оппозицией. В более поздний период эта деятельность расширилась до записи фильмов на видеокассеты — «Видео-нова». Несмотря на репрессии, аресты

и негласный надзор ГБ, особенно усилившиеся после введения военного положения в Польше 13 декабря 1981 г., издательство вело свою подпольную деятельность вплоть до отмены цензуры (1990). Более того, НОВА в то время выплачивала своим авторам и сотрудникам гонорары. В 1986 г. был создан страховой фонд, средства которого были предназначены для поддержки семей арестованных. В 1993 г. издательство было приватизировано. НОВА приняла название «Супернова» и сосредоточилась на выпуске литературы фэнтези. Ее главным хитом стала сага о Ведьмаке Анджея Сапковского.

Это был очень сжатый рассказ об истории НОВой и феномене независимого издательского движения. Остановимся на 1990 годе и его последствиях. Нет уже цензуры, каждый может писать, что его душа пожелает. Можно издавать что угодно и кого угодно. Смысл существования НОВой, разрушавшей прежнюю издательско-информационную монополию социалистической власти, пропадает. Революция закончена. Начался этап свободы слова и строительства демократического государства. Революционеры расходятся по домам, находят себе другое занятие, какую-то работу, хобби. Сообщество постепенно исчезает. О нем остаются грустные воспоминания, легенды, нередко споры, кому причитается звание нестигаемого борца. Послереволюционное время кое для кого оказывается несчастливым; действительность берет свое, и прежним бунтовщикам приходится надевать костюмы и сбривать бороды — что мы и видим на приложенных снимках. Есть и те, кому не удастся найти себя в реальностях свободной Польши. Профессия подпольного печатника потеряла свое значение, нужно менять квалификацию, а ореол оппозиционности тут совсем не в помощь. «Некоторые представляли, что мы станем таким же колоссом, как ПИВ (польский Госиздат), — говорит Мирослав Ковальский, — что всё останется по-прежнему, на рынке не будет конкуренции, а к нам, с учетом наших заслуг, будет особое отношение. Оказалось, что мы никому не нужны». Стало ясно, что невидимая рука свободного рынка безжалостно карает всех, кто положил весь свой капитал на счет мученичества. Кроме того, спрос на элитарную литературу и публицистику падает. Изданий, достигавших во времена цензуры тиражей в 5000 экземпляров, в новых реалиях продается едва ли по 600. Капитализм, рыночная экономика оказываются не слишком благоприятными для сообщества; давая ощущение независимости, они в то же время выталкивают тех, кто по разным причинам не в состоянии найти себе место в новой действительности. Свобода и уверенность не всегда идут рука об руку.

Но это не единственная проблема, которую принесла с собой свобода. С перспективы лет видится, что условия, в которых возникла НОВА, и связи, которые объединяли создававших ее людей, невозможно воспроизвести в реалиях суверенной Польши. Речь идет не только о факте банкротства издательства в его прежней форме — это выглядит нормально в эпоху конкуренции, — но об утрате неких ценностей. На четвертой странице обложки каждого издания НОВой можно прочитать один из основных ее программных принципов: «Независимое издательство, не представляя никакого политическое течение, желает служить разнообразным творческим инициативам». Эта декларация в свете нынешних мировоззренческих баталий кажется утопической. Печальной альтернативой для тех, кому надоело такое положение вещей, нередко становится безразличие и уход из общественной жизни, проявляющиеся в недоверии к политикам, низкой явке на выборах, отвращении к сотрудничеству.

Однако история может многому научить в жизни. Поэтому в завершение мне хотелось бы в несколько патетическом духе провозгласить такой постулат: давайте гордиться тем, что у нас было крупнейшее независимое издательство в коммунистическом блоке. В те трудные времена нам удалось организовать, объединиться.

И КАК НОВА. ОТ СВОБОДНОГО СЛОВА К СВОБОДЕ. 1977–1989

Хенрик Вуец: Мирек Хоецкий сказал, что должно появиться Независимое издательство, не правительственное, а наше, независимое. Идея оппозиции была такой: мы не боремся с коммуной в лоб, не готовим вооруженное восстание, но разваливаем ее изнутри. Раз они блокируют нам доступ к свободе слова, мы сами будем печатать тексты, нам не разрешают писать в газетах, так мы сами начнем издавать газеты. Нам не позволено оказывать помощь официально — будем сами создавать организации, которые займутся помощью. Вот такой был метод.

Войцех Боровик: НОВА была общественным движением. У нас (...) на самом деле различные мероприятия и инициативы проходили независимо друг от друга, хотя и под вывеской НОВой. Разного рода группы предлагали что-то. (...) Не было какой-то единой издательской программы НОВой, хотя в отдельные моменты были группы, состоявшие из разных людей, которые старались координировать это дело. Может быть, именно поэтому достижения НОВой столь внушительны.

Северин Блумштайн: В НОВой были споры, насколько она должна быть политической, а насколько литературной, вне злобы дня. Двигателем издательской формулы НОВой, принесшей ей славу, был Адам Михник. Он продавил публикацию Милоша вопреки мнению части руководства, не хотевшей печатать поэзию, а лишь гнать антикоммунистическую литературу и перепечатывать «Культуру». (...) НОВА вышла за пределы схемы «если мы можем напечатать что-то запрещенное, то печатаем».

Петр Швайцер: Еще с начала 80-х я участвовал в заседаниях редколлегии, то есть начал влиять на издательскую политику НОВой. Хотя в присутствии Адама Михника никто не имеет большого влияния. (...) Было известно, что есть вещи, которые выпустить нужно. Я помню долгие разговоры с Михником по поводу издания Юзефа Мацкевича^[1], писавшего, что Адам — советский агент. Неудивительно, что у Адама не было большого желания издавать его книги.

Эва Милевич: Моя квартира вскоре стала таким местом, где я открыто продавала книги, в милиции об этом знали. Это было,

как говорили Мирек Хоецкий и Конрад Белинский, попыткой пробиться к открытости. Распространители получали у меня по 10 разных книг, заказывали конкретные наименования на следующий раз. Это происходило по два раза в неделю. Я не держала все книги в одном месте. Когда приходили с обыском, то находили не всё.

Марек Табин: Я занимался распространением для НОВой. Книги получал у пани Зофьи Банецкой и у пани Дольняк, так как у них были оптовые склады. Я книги развозил. Сначала все было бесплатно, потом мы начали брать деньги. «Информационный бюллетень» и некоторые книги оплате не подлежали. Когда я ехал к родным в деревню, в Жешувское воеводство, тоже вез с собой книги. Их там брали очень охотно, но об оплате не было и речи. Деньги за книги давали добровольно: если кто-то был не при деньгах, то и не платил.

Анджей Роснер (издательство «Кронг»): Нас от НОВой при всей симпатии отличала тактика конспирации. НОВА шла путем взаимопроникновения салонов и технических групп, что я считал большой ошибкой и что отозвалось 13 декабря. Из «Кронга» посадили только троих, а из НОВой почти всех — несколько десятков человек. Литературные салоны были под надзором, довольно легко можно было попасть под слежку, оказаться в числе подозреваемых ГБ. Это было опасно. Опасным было и то, что сделала НОВА в 1981 году. Они устроили себе штаб-квартиру в помещении регионального правления «Солидарности» на Мокотовской ул., что привело к плохим последствиям.

Марек Боровик: Во времена «Солидарности» велись споры, как следует действовать НОВой: открыто или подпольно. Позиция большинства из нас была такой, чтобы НОВА функционировала с опорой на «Солидарность». У нас были свои отделения в Урсусе, на Мокотовской, а также на Шпитальной. Если имеешь такие возможности и можно что-то делать лучше и эффективней — значит, надо это делать. В связи с этим, некоторая часть оборудования и бумаги сохранялась на черный день, чем и воспользовались наши коллеги, которые в первые дни военного положения сумели избежать ареста.

Конрад Гловик: Первое, что я печатал во время военного положения, уже на второй день, был «Тыгодник военный». Я печатал его где-то поблизости от Фильтровой улицы в квартире на чердаке. Это была обычная квартира. Когда я там появился, всё уже было подготовлено для печати, была бумага и гектограф. Гектограф стоял на тахте, чтобы не так шумел.

Томаш Кучборский: Во время допроса, в результате которого я был обвинен в попытке свержения прогрессивного строя, а также братских союзов и посажен под арест на Раковецкой, мой сын Лукаш проснулся и сбросил прикрывавшее его одеяльце, показав непрошеным гостям свой подарок на день рождения: бело-красную пижамку с красиво надпечатанным логотипом «Солидарности» на груди. После допроса патрульный солдат, сопровождавший гэбэшников, поправил «калашникова» и, забирая меня в неизвестность, сказал моей жене: «Какие красивые глазки у вашего сыночка»... И добавил: «А как классно одет»! Кажется, при этом он незаметно подмигнул...

Богумил Селевич: По прошествии лет оказалось, что в нашей среде были агенты, например Павел Миклаш. Он сотрудничал с несколькими издательствами, печатал книги на машинах МВД. Сидел с нами в интернировании, в 1968 г. был в тюрьме. С 1968 г. он был агентом, вербовал людей. Как мы позже узнали, Миклаш всё время писал на нас доносы, из-за него люди попадали в тюрьму. Ничто не указывало на то, что он агент, он нам нравился, был нашим другом. О том, что он доносил, мы узнали два года тому назад из материалов Института национальной памяти.

Адам Гжесяк: Мой брат, Богдан Гжесяк, в конце 1979 — начале 1980 г. попал в тюрьму по громкому делу о краже копировального аппарата. ГБ посадила еще Мирека Хоецкого, были акции протеста, голодовка в Подкове-Лесной. Об этом сообщила «Свободная Европа», и Мирека признали политзаключенным. Во времена нашей деятельности гэбэшники обращались с нами очень любезно. В случае, если бы кто-то меня обидел, «Свободная Европа» через пять минут уже подняла бы хай, что, мол, избили оппозиционера. Думаю, поэтому у меня не было негативного опыта с ГБ. Они приходили к нам на Жолибож, где я жил вместе с братом и его женой, и устраивали небольшой кавардак. После очередного визита мы договорились, что прочитанные книги лежат на этажерке. Они приходили, забирали книги, которые были уже прочитаны, несли их на Жеромского в комендатуру, и получали премию... за конфискацию оппозиционной литературы. И так годами мы шли друг другу навстречу.

Стефан Братковский: Я слышал мнение, что ГБ не относилась серьезно к подпольным издательствам. Но я бы не сказал, что это было так. За некоторыми из коллег гонялись очень тщательно и старались их поймать. Может, руководство и не настаивало, но усердие капитанов было огромным. Поэтому трудно судить однозначно.

Анджей Зозуля: НОВА была первой и самой крупной. Почти все, кто позже вел издательскую деятельность, прошли через НОВую. Каждый из нас участвовал в технических работах. Я печатал трафареты (...) Печатник — это было мужественно: конспирироваться, уходить от хвоста, — это захватывало.

Рышард Латецкий: НОВА была моей жизнью, коммуна была такой скучной, а тут — действие. На самом-то деле я не был очень уж политизированным, может, во время военного положения, но раньше нет. Но мы жили этим, пили водку, ездили то туда, то сюда. Это был парадокс, что, когда уже было полегче, ГБ больше не преследовала нас так, чувствовалось смягчение, нам, подполью, стало труднее. Люди уже были утомлены, и им просто не хотелось ничего делать. Всё труднее было найти квартиры, распространителей. Я тоже был утомлен. Но я был профессиональным революционером, я жил на это, зарабатывал этим деньги.

Мирослав Ковальский: Мы подсчитали, что с НОВой сотрудничает 200 человек. Гжегож Богута придумал термин, что это общественное движение, а не классическое издательство. Но НОВА должна была стать профессиональной. Произошло жесткое столкновение части общественного издательского движения с действительностью. Некоторые представляли, что мы станем таким же колоссом, как ПИВ, что всё останется по-прежнему, на рынке не будет конкуренции, а к нам, с учетом наших заслуг, будет особое отношение. Оказалось, что мы никому ни для чего не нужны. Цензуру ликвидировали через год после «круглого стола». Появились частные издательства, которые перехватили часть наших авторов. Единственный, кто остался нам верен, это Ярослав Марек Рымкевич. Остальным было безразлично, в каком издательстве их печатают.

-
1. Речь идет о Юзефе Мацкевиче (1902–1985), прозаике и публицисте. Его тексты печатались, в частности, в парижской «Культуре» и лондонских «Вядомостях». В 1987 НОВА выпустила его книгу «Дорога в никуда». — Ред.

Наталья Горбаневская

Рышарду Криницкому^[1]

И смолкли толки,
когда заговорил поэт в ермолке —
минималист.
И стихов осколки
просыпались на летний лист
многоточиями.

Text

1. На семидесятилетие и в честь книги «Начало перечеркнуто. 22 стихотворения. 1965–2010»

ТОВСТОНОГОВ

Он был ребенком до конца дней и до конца дней был мужчиной. Беспомощный и полагавшийся на женщин в повседневной жизни, в мужских делах он достигал далеких горизонтов. Посещал дальние страны и не видел улиц родного города. Когда-то, живя в здании театра, целых два года не выходил на улицу. Не чувствовал в этом потребности. Был любителем и знатоком искусства, знал галереи всего мира, однако свой автомобиль обвешивал невероятными штуковинами. Покупал пиджаки, напоминавшие оперение экзотической птицы. Иногда даже их носил.

Все его постановки, те, которым он посвятил недели и месяцы упорной работы, и те, которые обязаны были ему замыслом и окончательной редакцией, а осуществлялись, по российским обычаям, режиссерами-ассистентами, приобретали облик, по которому их можно было узнать с первого взгляда. Русские воспринимали его как режиссера современного и интеллектуального. Можно и так это определить. Решающим всегда остается мнение своей публики. Я считаю, что его театр выходил за рамки этих определений. Он был смесью чувственной выразительности и барочных, подчас брутальных эффектов. Проявлением славянского лиризма и южного, необузданного сценического инстинкта. Благодаря этой субстанции достигались тот широкий охват, мощная проникновенность и аутентичное впечатление, каких не могут обеспечить театральная сцена современность и интеллектуализм.

Когда я впервые столкнулся с театром Товстоногова, я был уже сформировавшимся человеком, который много пережил и достаточно много видел в своей жизни. Я уже утратил впечатлительность молодости, благодаря которой художественные произведения и спектакли запоминаются на всю жизнь, а переживания глубоки, изменяют нашу душу и формируют взгляд на мир. Однако несколько спектаклей, увиденных тогда и позже, глубоко меня потрясли. «Мещане», «Дачники», «Три сестры» и один из последних — «История лошади» — остались в моей памяти наравне с прекраснейшими постановками, которые мне посчастливилось видеть в молодые годы. Остались вместе с образами несравненных актеров БДТ, труппа которого могла соперничать

с лучшими коллективами всей Европы. Ведущие артисты этой труппы, мастера своей профессии, ничем не уступали прославленным мировым звездам и, возможно, превосходили их в умении соединять игру в ансамбле с индивидуальной виртуозностью. Ведь, по крайней мере в моем понимании, сыгранный, сцементированный ансамбль, воспитанный и направляемый режиссером столь явно выраженной индивидуальности и такого масштаба, был наиболее мощной и постоянной притягательной силой БДТ. Правда, этот режиссер был также постановщиком, который, очистив сцену от натуралистического мусора в современных пьесах, и в классическом репертуаре отказался от оперных котурнов. Он обращался к лучшим традициям московского театра двадцатых-тридцатых годов и взял у Станиславского то наипценнейшее, что было связано с актерской игрой.

Австрийский гений театра Рейнхардт говаривал, что масштаб актера зависит от индивидуальности. То же можно сказать о режиссере и руководителе театра. Индивидуальность Товстоногова дала образ его театру, сформировала его актеров, делала выразительным то, о чем он хотел сказать. Мы знали, в наилучшем значении этого слова, чего можем ожидать, поскольку мерой был его долг перед самим собой. Поскольку в художнике наряду с детской впечатлительностью и наивностью было место и для горячего политика, и для страстного гражданина с сильным общественным темпераментом. В России шестидесятых-семидесятых годов определение «гражданская позиция» парадоксальным образом означало не конформизм, а всё то, что можно было, не навлекая на театр громов небесных и не рискуя, что спектакль будет снят властями с репертуара, утвердить или протащить нелегально, пользуясь поддержкой общественного мнения (поскольку хотя и в ограниченной степени, но оно существовало), благодаря дипломатии, изворотливости, личным отношениям, игравшим огромную роль, наконец, благодаря поддержке некоторых политиков. В Советском Союзе театр играл роль, которую можно сравнить с ролью арены в римском Колизее. Даже некоторые высокопоставленные партийные деятели ходили в театр для собственного удовольствия и невольно ущемляли его и без того ограниченные права. С другой стороны, зрительская элита строго оценивала с точки зрения своего рода оппозиции — возможно, следовало бы сказать, не преуменьшая, общественной благопристойности — позицию постановщика.

Товстоногов, и он сам не раз об этом говорил, не ощущал в себе призвания к мученичеству. Люди театра, если и бывают

мучениками, становятся ими обычно невольно, не по своей охоте. Товстоногов восхищался Солженицыным, однако не завидовал его лаврам, доставшимся слишком дорого. В конце концов, он не был писателем. Он любил сиюминутный эффект, жар противоборства с публикой. Как прирожденный человек театра, он не пренебрегал почестями. Не уклонялся от знаков официального признания. Не уклонялся и от риска, когда совесть и темперамент повелевали ему рисковать. Не раз и не два был на грани катастрофы, как в случае с «Горем от ума», например, когда он поместил на сцене цитату из Пушкина, согласно которой (цитирую по памяти) «быть молодым, иметь страсть, талант и родиться в России — это беда» [имеется в виду, конечно же, «Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом!» — Пер.]. После этого спектакля, который навлек громы на театр и возбудил гнев самого Хрущева, репертуар пополнился ранее задуманной к постановке пьесой Брехта, автора, которого прежде в России не ставили и неизвестно, вполне ли благонадежного^[1]. На генеральной репетиции появился член политбюро, пятый или шестой после Самого. Поваяло грозой, когда он спросил: — А почему этот Гитлер держит руки на причинных местах? — Потому что Гитлер так и делал, — ответил я. Функционер посмотрел строго: — Но советский зритель к этому не привык, — тут он сделал паузу и посмотрел еще строже, — и привыкать не должен! — со значением поднял палец и вышел.

— Что будем делать, — спросил я. — Ничего, — ответил Товстоногов, — он так вынужден на всякий случай.

В другой раз оказалось, что в «Нашем городке» Уайлдера есть неожиданные религиозные акценты. До этого времени я их не замечал. Товстоногов, видевший пьесу впервые в Нью-Йорке, тоже не заметил этих небезопасных акцентов. Однако когда с ленинградской сцены прозвучал вопрос, обращенный к сегодняшним зрителям из отдаленного на тысячелетие будущего, вопрос «а помните ли вы, что это была христианская религия?» — зал замер. Стояла мертвая тишина, и цензура, неизменно присутствующая на открытом прогоне, встревожилась не на шутку. Георгий Александрович бывал легкомысленным. Иногда, думаю, его легкомыслие происходило из нежелания принимать в расчет опасности, из веры в свою звезду, иногда, когда речь шла о делах более важных, чем те, о которых я вспоминаю, — из страсти художника и гражданина, из увлеченности задачей, которая в данный момент заполняла его жизнь. Талант, умение, сила личности и толика везения, которая всегда присуща настоящему таланту, позволили ему до конца уходить живым

из всех капканов. И так же до конца, торгуясь с властью, ведя переговоры с сильными мира сего, он оставался верен тому, что составляло сущность его деятельности.

В частной жизни Товстоногов был очаровательным человеком. Неутомимый рассказчик анекдотов и хохм, он остро ощущал сюрреализм советского бытия, поддерживая суть рассказа актерским дарованием высокой пробы и искренним смехом, которым обычно сопровождал заключение. Любил беседы, насыщенные историями и обсуждениями: о Боге, о происхождении русского языка, об искусстве, театре, о Сталине, которому очень точно подражал, об актерах и актерстве, кино, фигурах политического истеблишмента, всё разыгрывая, о художниках, танцовщиках, режиссерах, встречах с великими людьми и т.д., и т.п., пока рассвет не окрасит Невы и не сведут мостов на реке, чтобы гости могли вернуться в квартиры и гостиницы, расположенные на другом берегу.

Когда собрание было многолюдным, по особому поводу, Товстоногов, сын русского дворянина и при этом грузин (его мать была княжной; все грузины принадлежат к аристократии, но она была настоящая княжна, и Товстоногова, как он сам говорил, приветствовала толпа на вокзале или в аэропорту Тбилиси не как знаменитого режиссера, а как сына своей матери), так вот, во время таких банкетов Товстоногов никогда не упускал случая произнести тост — красивый, длинный, по всем правилам ораторского искусства и, как приличествует мастеру, с неожиданной концовкой.

Вспоминая о ком-то близком, в большей или меньшей степени вспоминаешь и собственную жизнь. Избежать этого трудно. В моей жизни Товстоногов сыграл двойную роль: позволил мне войти на богатую традициями русскую сцену, отдав в распоряжение ведущий театр, свою несравненную труппу, окружив заботой и поддерживая советом; и одарил меня чем-то еще более ценным: своей дружбой, которая продолжалась до конца его жизни и продолжается еще до сих пор в моем сознании. Нас соединил случай, похожий на тот, который соединил мою судьбу с личностью Карла-Хайнца Штроукса, выдающегося человека театра и друга, открывшего мне широкую дорогу на немецкие подмостки. Бывает, что случай предопределен. Оба эти человека принадлежат к небольшой группе людей, которым я в жизни особенно благодарен, оба — это придает связям, о которых я говорю, особую ценность, делая их в то же время особо деликатными, — принадлежат к народам, отягощенным большой виной в отношении моего народа. Я отдавал себе отчет в том, что творческая деятельность

в Германии, как и в России, особенно если речь идет о человеке моего поколения, в глазах многих моих сограждан могла считаться и, возможно, считалась делом сомнительным. Если же я не обращал на это внимания, как многие польские артисты, то это было мое личное решение, не имевшее ничего общего с нравственностью. Другое дело — дружеские связи. То, что связывало меня — и до сих пор связывает — с друзьями, я считаю важнее и превыше всех прочих обязательств. То, что Товстоногов был русским режиссером (на долю русским, к Грузии поляки всегда питали скорее теплые чувства) делало наш союз еще более ценным, поскольку требовало преодоления помех, с которыми нелегко и никогда не было легко справиться.

Как-то раз, это было в 1968 г. после премьеры польской пьесы «Два театра», Георгий Александрович по своему обыкновению поднялся с рюмкой в руке, чтобы провозгласить тост. Чтобы понять смысл этого тоста, нужно знать, что в то время театр, которым я руководил, и я сам имели некоторые затруднения, мелкие, но досадные, связанные с политическими перипетиями в Варшаве. Их суть не имеет значения. Существенно лишь то, что в ПНР, впрочем, как и в СССР, никогда нельзя было понять, как (и когда) небольшие проблемы становятся большими, а большие — огромными. Примеров тому было предостаточно. О своих затруднениях я Товстоногову, естественно, ничего не рассказывал, но это не значит, что он не был осведомлен о ситуации в «привислинском крае».

Послепремьерный банкет, традиционное торжество, проходил в здании театра. На премьере присутствовала польская делегация, поскольку спектакль входил в программу фестиваля польского искусства в СССР. Были и партийные деятели. (— Он из «этих»? — спросил меня Товстоногов, приглядываясь к одному из гостей. — Откуда вы узнали? — удивился я, поскольку данный товарищ выглядел почти по-европейски. — По глазам, — ответил Георгий Александрович и через мгновение показал выражение лица, присущее функционерам всего мира слева и справа, скрытое под улыбкой, философским раздумьем, административной заботой и административным восторгом. Он был действительно превосходным актером и умелым подражателем.)

Помню вступительные слова: «Сегодня родился спектакль...», потом начался монолог, с виду далекий от темы, как часто бывало, посвященный на этот раз дружбе. Круглым путем, с извилистыми переходами и разнообразными остановками, не обходя вниманием представление, актеров, публику, речь все

больше уклонялась в сторону автобиографической рефлексии. Я слушал с возрастающим интересом, пытаюсь отгадать, к чему клонит говорящий, а вместе со мной слова, которые наутро наверняка станут темой разговоров в Москве, Ленинграде, а может и еще дальше, слушали актеры и гости. Говорящий тем временем явно приближался к заключению, начиналась кода. Он говорил что-то вроде «потому что судьба человека бывает разной. Вот, например, я; сегодня я режиссер, может, даже не из худших, меня радует признание земляков, меня и наш театр знают и в мире, в Германии, Польше, Англии, в Америке, во многих других странах. Кроме того, как вы знаете, я художественный руководитель этого не последнего в России театра, то есть мне в общем повезло. Ах да, я еще и педагог и, сейчас только вспомнил, директор государственного театрального института, готовящего артистов для всей страны; и что ж, хотя я и не состою в партии, я член Верховного Совета этого государства, наверняка занимаю еще несколько постов и должностей, которых в данный момент не вспомню. Ну и какое отношение это имеет к дружбе? Ведь именно о дружбе я тут с вами хотел поговорить. «Сегодня на телеге – завтра под колесом», говорит пословица, и здесь судьба ни для кого не делает исключений. Этого люди и боятся. А я не боюсь. Уверяю вас, у меня нет причин бояться. Ничего не боюсь, потому что у меня есть друг. Он живет за две тысячи километров отсюда, его зовут Эрвин Аксер, и горе тому, кто осмелился бы коснуться хоть волоса на моей голове — знаю, Аксер бы его не пощадил».

Заключение, как всегда, было неожиданным. Не только для меня. По возвращении в Варшаву оказалось, что проблемы были вызваны недоразумением. Никаких проблем вообще не было. Было немного стыдно, потому что происшествие говорило о положении в моей стране красноречивее слов, и осталась благодарность, не столько за результаты неожиданного вмешательства, сколько за доказательство настоящей дружбы. Товстоногов, рассчитывая на эффект своего выступления, не мог в полной мере исключать, что сам окажется под колесом. В Москве заправляли люди, которые ценили послушание и не выносили вмешательства в политику даже в мелких вопросах. Я же, разумеется, не мог отплатить Товстоногову столь же результативным доказательством дружбы. Для него это не было тайной.

10 сентября 1991

---

1. Насчет того, что Брехта в СССР до этого не ставили, Аксер

ошибся. — *Пер.*

ЧЕХОВ НА ПОЛЬСКОЙ СЦЕНЕ

В 2010 г. в издательстве Люблинского университета им. Марии Склодовской-Кюри в была выпущена книга Ирины Лаппо «Театр Чехова в Польше». Настоящий подарок историкам театра: исследование охватывает практически все значительные постановки пьес русского драматурга, с переменным успехом появляющихся на польской сцене с 1903 года. Вдохновляющее чтение для историка литературы, подсказывающее ценнейшие и нетривиальные исследовательские приемы, так как автор сознательно расширяет горизонты исследования, охватившие «одновременно литературоведческий, философский, эстетический, антропологический и этнолингвистический контекст». Необъяснимое молчание критиков оправдывает появление этой рецензии, запоздавшей на три года. Рецензии, не опирающейся ни на специальную театроведческую базу, ни даже на интуитивный опыт театралов. И все-таки мне кажется, что универсальность этой книги обязывает к «понимающему чтению» каждого, кто хотя бы раз смотрел на свое отражение в зеркале чеховской драматургии.

Ирина Лаппо поделила свое исследование на три части, иллюстрирующие, главным образом, «конъюнктурные циклы» (внеатеатральные и даже внелитературные факторы, отвечавшие ожиданиям читателей и зрителей, оправдывают использование этого термина), определяющие основные этапы чеховского присутствия на польской сцене. В предисловии автор пишет: «Отправной точкой для разговора о бытовании Чехова в польской театральной культуре была информация о премьерах. Количественные данные в хронологическом порядке позволяли выстроить закономерность, наглядно увидеть, на какие исторические отрезки приходилась мода на Чехова, а на какие — умалчивание, что всегда объяснялось культурными, общественными и политическими преобразованиями. Будучи по сути метафорой, деление книги на три части — огонь, вода и медные трубы — имеет в своей основе хронологический характер, зато внутренняя структура отдельных частей опирается на попытку выделить и обозначить стратегии истолкования».

Собственно, описание преимуществ отдельных разделов книги, отражающих символическое испытание драматургии Чехова

«огнем и водой», понимаемого в культуре как проверка физической и моральной выносливости, испытание «медными трубами», то бишь славой и признанием, сводилось бы к пересказу содержания книги. Для рецензента это особенно рискованная попытка, не укладывающаяся в вышеупомянутые категории. Честнее всего было бы спрятаться за текстом Лаппо, процитировать избранные фрагменты, дабы читатель заранее мог представить, что именно он найдет на страницах книги. А найдет он, безусловно, гораздо больше, чем этого можно было бы ожидать, только исходя из скромного названия. Собственно анализ разворачивается — как и при оценке всевозможных иных культурных явлений — от одного переломного исторического момента к другому, среди которых особое место занимает год окончания войны со всеми вытекающими последствиями, навязавшими искусству реалистическую модель, а также 1989 год, ознаменовавший для Чехова в Польше тот самый период «медных труб».

«Испытание водой — это начало приключений Чехова на польской сцене. Всё видится нечетким, словно сквозь толщу воды. Залитые слезами контуры плаксивых персонажей размыты, очертания бесформенны», — пишет Лаппо. Это водянистое восприятие, однако, резонировало в польском театре еще несколько десятков лет. Как собственно во времена дебюта, так и после войны, только уже в значительно трансформированном виде, постановки пьес Чехова осложняли их отчетливый «русский акцент»: «Годы российского владычества спровоцировали своеобразную аллергию на творчество недавнего «оккупанта», так что ярко выраженный русский колорит сослужил пьесам Чехова плохую службу».

Когда после 1945 г. этот самый русский колорит пытались использовать в политических целях, следовало сначала дать пьесам надлежащее истолкование, правильно расставить идеологические акценты. По мнению Ирины Лаппо, важную роль в этом сыграл В.В.Ермилов, автор научно-популярной монографии «Антон Чехов». «Целью Ермилова было доказать, что Чехов — «наш» писатель, народный, свой, полный оптимизма». Так что все режиссерские попытки прочесть тексты русского драматурга прошли через несколько последовательных фаз: реалистическую, гротесковую, экзистенциальную, пока в 80-е годы главный вопрос «как играть Чехова?» не сменился вопросом гораздо более сложным «зачем?». Лаппо пишет: «Ответ труден и неочевиден, ибо он напрямую зависел от того, находит ли произведение отклик в современной эпохе, имевшей явные сложности с политическими аллюзиями. В трагические, бесплодные,

лихорадочные, политизированные 80-е годы этот поиск резонанса в сегодняшнем дне сводился к универсализации прочтения пьес Чехова».

Собственно весь послевоенный период, несмотря на разнообразие сценических трактовок, выдающихся, безупречных и недооцененных спектаклей, Лаппо, суммируя, определила как «испытание огнем», когда драматургия Чехова проверялась на «податливость относительно интерпретационных требований времени, идеологии и художественной моды», что дало в итоге положительный результат. В новых политических условиях, символизировавших для Чехова эпоху наивысшей славы и никем не оспариваемого признания, русский драматург был подвержен последнему испытанию — испытанию «медными трубами». В 2010 году Лаппо подводит итог: «В общей сложности уже в свободной независимой Польше создано около сотни постановок. (...) Никогда выбор текстов не был таким равномерным».

Театральная многогранность Чехова — это своего рода совокупность индивидуальных режиссерских концепций, в той или иной степени прилегающих к текстам пьес. Относительно большая режиссерская свобода не снимает, однако, проблемы «двойного авторства», которая всегда сопровождает трактовку переводного текста. Этому вопросу Лаппо уделяет довольно много внимания, не ограничиваясь очевидными проблемами, такими как старение переводов или непереводаемость отдельных понятий и слов, вписанных в конкретную языковую картину мира. Блестящие главы, обозначенные как «отступление от темы», представляют из себя по сути неповторимую аналитику явлений, которые, оставаясь на втором плане, совокупно создают условия для усвоения чеховского наследия в Польше.

Кроме знаменитого сконденсированного толкования разницы в понимании «судьбы» в польском и русском языках (которые содержат различные коннотации целого комплекса явлений), Лаппо затрагивает производные проблемы — к примеру, обращает внимание на «родовые» различия у польской и русской интеллигенции, в силу которых перевод русского слова «дворянство» на польский язык как «шляхта» (как этого требуют словари) слишком упрощает ситуацию, во многом стирая границы общественной иерархии. «На польских землях по-другому теряли и проматывали состояния и усадьбы, иначе складывались судьбы обедневшей шляхты — иначе, чем у Чехова, и очень часто в зависимости от того, под чьим ярмом

оказалась конкретная польская территория после разделов Польши».

В контексте анализа такого явления, как универсализация классических пьес Чехова, автор выделяет не только переводческие, но и транснациональные проблемы. В зазоре между «ополячиванием» героев (когда Яша превращается в очень свойского и близкого Кубуса) и довольно стереотипной трактовкой их образов на фоне лубочных декораций польский зритель может увидеть «своего» Чехова. Значит, классик снова «наш», только уже без того инструментария, который служил ему подпорками в сороковых и пятидесятых годах XX века.

Отдельного упоминания, безусловно, заслуживает в высшей степени безукоризненный стиль книги Ирины Лаппо. Изящный, изысканный польский язык удивительно подходит к внешне простому, но при этом чарующему и универсальному миру Чехова, в котором «обычные люди обедают, носят костюмы, а в это время складывается или, наоборот, рушится их счастье. Всё как в жизни».

ТРИ СЕСТРЫ

Радужная черточка на экране пульсировала, уменьшалась, ускользала, отдаваясь всё дальше, и наконец исчезла, растворившись в темных глубинах кинескопа. Это Заморский по моей просьбе выключил телевизор: мне как-то не хотелось смотреть трансляцию боксерского матча после «Трех сестер» Чехова. На этот раз я была в гостях у пана Стефана. Я позвонила ему рано утром, чтобы спросить, не посоветует ли он мне хорошего телемастера, а то мой телевизор, после того как в его недра многократно погружались «золотые руки» местных умельцев, решительно отказывался подчиняться. А мне страшно хотелось починить его сегодня же.

— Видите ли, пан адвокат, сегодня в Телетеатре показывают «Трех сестер» Чехова. Я не переживу, если пропущу этот спектакль. Я так люблю Чехова, и я обожаю эту пьесу.

— Даже не знаю, получится ли, пани Барбара, — ответил Заморский. — Боюсь, сегодня отловить пана Казя, моего личного телемастера, мне не удастся. Вот он действительно настоящий профессионал. У него полно заказов, и он целый день бегают по клиентам. Но у меня есть к вам предложение. Если вам до вечера не удастся запустить аппарат, приходите ко мне. Ивоны не будет, она поехала на какой-то фестиваль музыкальных театров. Посидим вдвоем, поболтаем, посмотрим спектакль.

Звучало очень заманчиво. Тем более что я была в курсе нового приобретения Заморского, которое он сделал по просьбе своей прекрасной Ивоны. Заморские одними из первых в Варшаве стали владельцами чудесного цветного телевизора. Мне, само собой, было страшно интересно, как выглядит телекартинка в цвете. Однажды я уже наблюдала красочные телетрансляции в каком-то доме отдыха, и ассоциации у меня были самые что ни на есть кулинарные: борщ, шпинат, яичница.

К счастью, с тех пор техника значительно шагнула вперед, и эффект на этот раз оказался потрясающим — цвета были пастельные и натуральные. Мы делились впечатлениями от спектакля, вспомнили давнишнюю постановку «Трех сестер» в Театре вспулческом и сравнивали игру сценического трио (Липинская, Миколайская и Мрозовская) с телевизионной тройкой актрис (Щепковская, Зейтек и Янда). Я была

сторонницей театральной постановки, зато настроение, которое создавал на экране режиссер Александр Бардини, подходило мне идеально и казалось намного более чеховским, нежели трактовка Эрвина Аксера, предпочитаемая Заморским.

— Меньше нежностей, больше рационализма, — заявил он.

Я же была совсем иного мнения.

— Грустный иронист Чехов разоблачает главную цель жизни Ирины, Ольги и Маши, показывая всю несбыточность их мечты о возвращении в Москву, пан Стефан. Это ведь и вправду не мечта, а неосуществимая блажь. Но в их растерянности перед миром он подсказывает им выход — посвятить себя работе. Это звучит прозаично, особенно для нас, сегодняшних, но все-таки смягчает удар. И здесь всё зависит от интонации. Как интонации актрис, так и того, кто их направляет и поддерживает. Примут ли они всё это безропотно, как промысел Божий, или смогут разглядеть некое подобие надежды? Бардини, вслед за Чеховым, словно бы утешает сестер, Аксер же остается безучастным, критическим наблюдателем. Но отчего же вы предпочитаете холодное наблюдение эмоциональному, деятельному участию?

— Я мог бы ответить на ваш вопрос красивой общей фразой, но будет лучше, если я проиллюстрирую свою мысль примером. Когда-то в молодости жизнь преподала мне один печальный урок, обошедшийся моей психике довольно дорого. Признаюсь, тот экзамен я провалил, но кое-какие важные выводы всё-таки сделал.

— Но почему же провалили, пан Стефан? Я не представляю вас в роли проигравшего. Разве что молодость, отсутствие жизненного опыта... С кем не бывает.

— Вот именно, молодость. Но, как утверждает в одном из своих стихотворений Красинский, молодость — это скульптор, ваяющий жизнь, и след его резца остается навеки. Расскажу вам мою историю о трех сестрах. Я знал когда-то таких трех сестер, пани Барбара.

— Они тоже жили в провинции, были несчастливы в любви и мечтали переехать в Варшаву, думая, что там сбудутся все их мечты?

— Нет. И этим они отличались от чеховских сестер. История их жизни могла бы служить неплохим продолжением повествования Чехова о тех провинциальных плаксах, чем-то

вроде альтернативы. А также хорошей иллюстрацией того, что ни в Москве, ни в Варшаве, ни где бы то ни было еще счастье человеку не гарантировано. Ибо мои три сестры жили как раз в Варшаве.

Это случилось за девять или десять лет до Второй Мировой. Вспомните ту старую Варшаву — узкие улочки, плотную застроенные домами с флигелями, дворики-колодцы... Современных варшавских улиц, напоминающих скалистые каньоны, не было тогда и в помине. Вместо них было много зелени: на краю тротуаров, у самой мостовой, росли деревья, многие из которых были уже старые, с буйными кронами, и жители нижних этажей жаловались на то, что в их квартирах слишком мало солнца. Зато эти люди безошибочно ориентировались во временах года. В те времена почти для любого варшавянина лето ассоциировалось исключительно с зеленеющим за окном каштаном или кленом — на отдых из города уезжали далеко не все, а провести отпуск за границей могли себе позволить и вовсе единицы. В Польше летом поехать особо было некуда, здравниц в стране было мало, и поездка туда стоила больших денег. В деревнях часто не было электричества и горячей воды. Оставались пригороды Варшавы, и летом там были толпы не хуже, чем на Маршалковской. Так что многие люди вообще не уезжали из города. Тоску по дикой природе им кое-как компенсировали деревья у подъезда, сирень во дворе возле часовенки с фигурой Богородицы, а также прогулка в любом из парков в погожий воскресный день. Главными приметами осени для обычного жителя столицы были желтеющие, увядшие и опадающие листья уличных деревьев, хотя, как это вообще свойственно нашему климату, солнца и тепла осенью иногда было больше, чем летом. И когда в этих солнечных лучах, а вечерами в свете фонарей, деревья перед домами пылали, словно большие золотые шары, люди доставали из сундуков и комодов зимнюю одежду, развешивая ее на балконах, чтобы выветрился нафталин. Этих деревьев нынче нет, как вы прекрасно знаете, пани Барбара, они сложили свои головы, как и люди, во время войны — что от них, право, осталось?

Мне было восемнадцать, и я был готов присягнуть, что каштаны еще никогда не цвели так пышно, как в том году. Волшебные деревья, волшебные цветы моей ранней юности, осенявшие университетскую аллею, когда я учился на юриста. Как же мне не хватает их теперь, когда я иду Краковским предместьем мимо знакомых кованых ворот. Еще один статный каштан рос перед самым окном комнаты, которую я снимал у некой докторши, бездетной вдовы.

Я был молодым человеком без гроша в кармане, родители мои умерли рано, и опеку надо мной принял мой дядя по отцу. Он управлял каким-то большим имением в Познанском воеводстве. Там, у дяди, я познакомился с Магдаленой, героиней моего рассказа «Харон из Бжозова». Она работала в усадьбе горничной, пока не вышла замуж за странствующего каменщика, с которым переехала в окрестности Варшавы. Дядя был ее давним ухажером. Деньги он, однако, считать умел и совершенно меня не баловал. Он хотел, чтобы я, как и он, занимался сельским хозяйством: было бы кому передать дела на старости лет. Правда, при всей моей любви к природе она оставалась для меня местом прогулок и сбора грибов, не больше. Поэтому я выбрал юриспруденцию. Профессия юриста предоставляла довольно широкий выбор вариантов для жизненного старта.

Об общежитии ничего было и думать: желающих там поселиться всякий год оказывалось куда больше, чем мест. Поэтому я стал квартирантом докторши и за скромную, хоть и чуть выше обычной, плату получил в свое полное распоряжение светлую и уютную комнату со стороны фасада, на втором этаже дома на одной из боковых центральных улиц.

Само собой, ни один провинциальный юноша не может устоять перед губительным обаянием большого города. Но какие из искушений довоенной Варшавы были доступны мне, скромному пареньку, у которого к тому же почти не было знакомых в столице? Я ходил в театр, пользуясь специальной скидкой для студентов, так что билет обходился мне в полтора злотых. Иногда я отправлялся в кино, заплатив за билет 50 грошей. Случалось, угощал симпатичную подружку мороженым. Ну, и еще, конечно, галерея «Захента», парк в Лазенках. Однако уже поход в филармонию символизировал серьезные финансовые проблемы. На танцы в «Адрию» мне пойти было не в чем. Вечернего костюма у меня не было, а современные дискотеки тогда никому и не снились. Что мне оставалось, кроме вечерних чаепитий в компании докторши? Книжки, радио, которое тогда было еще совсем никудышным и слабым. Политикой я не интересовался, и столкновения между левыми и правыми были для меня темным лесом. Кроме того, я всегда придерживался взглядов, которые обычно называют либерально-демократическими, — то есть на дух не переносил фанатизм, нетерпимость, национальные, религиозные и все прочие предрассудки. Я полагал идеальным такое устройство, при котором каждый человек без всяких ограничений может всецело посвятить себя любимому делу с пользой для себя и общества. Одержимые политикой горячие головы единодушно

признали меня недалеким увальнем и оставили в покое, а я сосредоточился на учебе, решив не терять драгоценного времени и поскорее освободиться от дядюшкиной опеки.

Возможно, мой рассказ изобилует подробностями. Мне бы, однако, хотелось, чтобы вы прочувствовали мою тогдашнюю ситуацию. И поняли, почему однажды вечером, загрустив в одиночестве, отложив в сторону учебник римского права, я подошел к окну, чтобы взглянуть на улицу. Меня тянуло к людям, в жизнь, которую я пока что так мало знал.

В том доме я был связан по рукам и ногам огромным количеством запретов. Докторша не позволяла мне открывать настежь окна, чтобы пыль и запах выхлопных газов не летели в комнату. Занавески должны были быть задернуты, а по вечерам, когда в комнате зажигалась лампа, к занавескам добавлялись тяжелые плотные шторы, чтобы любопытные соседи не разглядывали обстановку комнаты и ее жильцов. Она определенно перестаралась с неприкосновенностью своей частной жизни и могла бы повторить вслед за англичанами: «Мой дом — моя крепость». Хотя, как мне впоследствии пришлось убедиться, в чем-то она по-своему была права.

Кроме того, от нее так и веяло желчью и нафталином. Поэтому я, как бы на зло хозяйке, отдернул занавеску и выглянул на улицу. Движение было не слишком интенсивным, наступала эта вечерняя пора поздних обедов и ранних ужинов, матери уже звали домой детей, заигравшихся на улицах и во дворах. Какой-то чиновник с портфелем брел, устало волоча ноги. Дворник подметал тротуар. Старушка переходила улицу, ведя на поводке собачонку, та поднимала лапку, орошая узкую полоску газона. А над ним, прямо напротив меня, рос каштан. Чудесное зеленое облако, украшенное башенками цветов, словно новогодняя елка свечами. Я загляделся на этот каштан, который был в самом расцвете, поскольку на дворе стояло начало июня.

В ту же секунду мои глаза поразил блеск. Это в окне, расположенном как раз напротив моего дома, зажгли свет. Окно было широко открыто, а занавески раздвинуты, поэтому всё, что происходило в комнате, было отчетливо видно. Посередине комнаты стоял массивный, дубовый стол, вокруг которого сидели три женщины. Над столом, накрытым белой скатертью, очевидно, для вечернего чая, светилась люстра в шелковом абажуре, обтянутом кремового цвета шелком с толстой длинной бахромой — такая тогда была мода. Мне показалось, что передо мной картина в раме; причиной тому было небольшое пространство между двумя пышными

ветвями дерева. В кроне каштана, который разделял фасады обоих наших домов, возникло что-то вроде отверстия — через него-то, лишенного веток и листьев, я и мог детально разглядеть всё, что делалось в комнате.

— То, о чем вы рассказываете, пан Стефан, напомнило мне одну сцену у Колдуэлла в его «Божьем слуге». Там фермер придумывает себе развлечение: садится перед узкой щелкой в стене хлева и через это отверстие разглядывает пространство, расстилающееся за стеной. Конечно, на луга, поля и леса можно взглянуть и иным способом, просто выйдя за порог. Привычный пейзаж, который герой знает на память во всех подробностях. Но когда он смотрит на него сквозь отверстие в стене, тот кажется ему совершенно другим, таинственным, непривычным, манящим и, как следствие, более красивым. Мы еще в детстве открываем для себя эту игру. Ребенок сворачивает ладошку в трубочку и, как в подзорную трубу, смотрит на окружающий его мир. Видит лучше, отчетливей, что делает этот мир гораздо привлекательней. Я думаю, что это и есть главный, основной и такой элементарный принцип искусства. Не только живописи, но и театра, а также, в определенном смысле, литературы. Взглянуть на фрагмент реальности, освобождая его от прочей окружающей шелухи. Взять в рамку, отсечь лишнее. Думаю, что, если бы не эта особая, скажем так, визуальная композиция, вы бы не обратили внимания на это освещенное окно либо только мимоходом скользнули бы по нему взглядом.

— Вы правы, пани Барбара. Так и было. Я отошел от окна и снова уселся за римское право. Возможно, я был немного смущен, что повел себя нескромно и, сам того не желая, фактически подглядывал за незнакомыми соседками. Но эта сцена, невольным свидетелем которой я стал, рассматривая ее, словно через подзорную трубу, как вы изволили выразиться, была несколько безличной, неперсонифицированной. И в определенном смысле — абстрактной. Ведь не смущают нас картины на выставке, сцены в кинофильмах, даже если они резки и несколько откровенны. Это окно было похоже на киноэкран, и оно притягивало меня как магнит. Я не мог от него оторваться.

— Может быть, эти дамы были настолько привлекательными,
— шутливо предположила я.

— Да ну что вы! — воскликнул Заморский, решительно протестуя. — Как раз наоборот, ужасно некрасивые.

— Я не сказала «красивые», пан Стефан, но «привлекательные». Женщина может быть некрасивой, но в то же время очаровательной, изящной, сексуальной. Еще Оскар Уайльд говорил: оставим красивых женщин мужчинам без воображения.

— Ничего подобного, пани Барбара. Они были просто уродливы. Ни очарования, ни изящества. Извините за это слово, но передо мной сидели страшилища. Несимпатичные, отталкивающие страшилища. И, возможно, именно это уродство и зачаровало меня до такой степени, что я не мог отвести от них взгляд. Ничего особенного они не делали — пили себе чай, мазали булочки маслом, ели черешни. Одна из них повесила себе грозди красных черешен на уши, словно сережки. Остальные смеялись до упаду и от радости хлопали в ладоши, а я как юноша наблюдательный сразу заметил, что у всех трех большие, оттопыренные уши, словно у летучих мышей. На вид им было около тридцати, для меня это были уже старухи. Двигались они неуклюже. Одна из них прихрамывала, что стало заметно, когда она обходила стол, доливая в чашки воды из чайника. Другая сидела, сильно ссутулившись, но когда она встала со стула, спина ее не распрямилась, вдобавок она была маленького роста и худая, как щепка. Третья, кажется, совсем плохо видела, так как брала черешни из большой хрустальной миски почти на ощупь. Не знаю, как долго стоял бы я в окне, не замеченный соседками из дома напротив, в сгущающихся сумерках, но тут в дверь постучали. Хозяйка звала меня к ужину. Прихлебывая чай цвета соломы, я спросил ее о жильцах квартиры, расположенной напротив моего окна. Докторша действительно держала круговую оборону против возможного вмешательства в ее домашние дела, но зато знала буквально всё о своих соседях, и сплетни на их счет были ее излюбленным занятием. «Кикиморы? — спросила она, обрадовавшись, что старательно собираемая информация наконец пригодится. — Все вокруг их так называют. Три кикиморы. Но какие богатые! Тот дом целиком принадлежит им, он достался им от отца. Скряга был невероятный, за грош удавится, а уж какой у него был нюх на разные делишки, где можно выторговать лишний злотый, — вечно держал свой длинный носище по ветру. Поговаривают, что давал деньги в рост. Эти длиннющие острые носы у девиц — тоже папочкино наследство. Мать была ничего себе, но издевался он над ней ужасно. Ругал почему зря, случалось, что и бил. Бесило его, что рождаются одни девчонки, мол, непорядок. В конце концов, она не выдержала и сбежала с каким-то циркачом, что ходил по дворам и на коврике разные фортели выделявал, а девок отцу оставила. А имена-то у них какие, смех один. Ту кривую коротышку зовут Лилиан, все

зовут ее Лилей. Вторая, у которой одна нога короче другой, — Виолетта, то бишь Виола. А третья, полуслепая, это Роза. Целый букет. Но люди привыкли. Их старик умер, сердце не выдержало два года назад, когда один его должник застрелился. Вот и живут себе девицы одни в целом доме, и неплохо живут, да только замуж никто не берет».

Вернувшись в свою комнату, я вновь подошел к окну, не зажигая свет, но сеанс уже кончился. В окне трех сестер было темно. Только на балконе в рассеянном свете уличного фонаря были видны очертания фигурки в розовом платье. Это близорукая Роза стояла, опираясь локтями о перила балкона и приглядываясь к цветущему дереву. У комнаты, кроме окна, был еще и балкон; раньше я этого не заметил.

На следующий вечер я корпел над римским правом. Через несколько дней мне предстоял экзамен, а профессор Кошембар-Лысковский поблажек не давал. Раз за разом я бессмысленно повторял: «*Lex retro non agit*» — закон обратной силы не имеет, а сам думал: «Интересно, что они сейчас делают, эти кикиморы?»... Окончательно застрял я на ригоризме и перфекционизме древних римлян, которые так педантично упорядочили мир, беззаботно изваянный древними греками. «*Crimen non potest non esse punibile*». Как это правильно, — вертелось у меня в голове, — преступление не может оставаться безнаказанным. Я должен запомнить это правило на всю жизнь и следовать ему всегда, не делая никаких исключений. Я погасил настольную лампу и подкрался к окну. Не подошел, а именно подкрался, как вор, как тот, кто собирается совершить мерзкий поступок. Да я и был вором — я крал у трех сестер их частную, личную, интимную жизнь. Я приподнял край занавески. В окне горел свет, шторы были раздвинуты, как и в первый раз, так что я снова мог во всех подробностях рассмотреть комнату, которая, очевидно, служила столовой, и сестры проводили здесь время по вечерам. Близорукая Роза расставляла цветы в вазе. Это был душистый горошек. Она постоянно меняла их композицию, недовольная результатом. Хромая Виола листала иллюстрированный еженедельник — кажется, «Святовид». Маленькая Лиля шила. Вроде бы она шила платье, во всяком случае, это было нечто воздушное и белое. Время от времени она вставала, прикладывала к своей крохотной фигурке сшитые лоскуты и уходила. Наверное, к зеркалу, которое находилось вне поля моего зрения. Возвращалась она довольная и снова принималась за дело.

Я долго смотрел на них, а когда они ушли, погасив лампу, мне сделалось не то скучно, не то грустно.

Так продолжалось все следующие дни, точнее вечера. Я не мог и не хотел сдерживать свое любопытство, попав от него в зависимость. Я говорил себе: «Кретин, и что такого сверхъестественного ты там нашел? Три уродины каждый вечер занимаются самой обычной, прозаической чепухой, а ты пялишься на них, словно на трио одалисок! Мало, что ли, смазливых девок в университете, на которых смотреть и в самом деле приятно?»

Что я знал тогда о любви, пани Барбара? В принципе ничего. У меня уже было до этого некоторое количество женщин, но все эти сближения были так мимолетны и поверхностны, что я и понятия не имел, чем должны быть настоящие отношения между мужчиной и женщиной. Мне казалось, что весь мой прошлый опыт — не «то». И что от женщины моей жизни меня всё еще отделяет гигантское количество времени и пространства. Не приведи Господи, я и в мыслях тогда не допускал, что этой женщиной может быть кто-то из них, одна из трех сестер-каракатиц. И всё-таки — сейчас, по крайней мере, мне так кажется — их вид вызывал во мне подсознательное эротическое возбуждение.

Заморский встал с кресла, подошел к полке с книгами и взял одну из них, маленькую, в черной обложке. Открыл на том месте, где была закладка, и сказал со снисходительной усмешкой:

— Вы тут вспомнили одну сцену в «Божьем слуге» Колдуэлла. И правильно сделали. Я часто мысленно возвращаюсь к тому юношескому приключению, о которой сейчас вам рассказываю, и кровавые реалии американского Юга, которых в этой книге так много, однажды, уже после войны, помогли мне разрешить неясную для меня загадку моей страсти, одержимости, помешательства, даже не знаю, как это назвать. Когда я глядел в то освещенное окно, я превращался в соляной столб, и целый мир переставал для меня существовать. Потом наступал прилив физического наслаждения, вернее, его подобие. Весь следующий день я слонялся отупевший и раздраженный, из последних сил дожидаясь вечера, чтобы снова подойти к окну и подглядывать из-за занавески за моими тремя сестрами. Потому что я уже считал их моими. Вот послушайте, что пишет Колдуэлл:

— «Не было на свете другой такой девушки, открытой и неуловимой, как этот мир, — сказал Симон. Слезы

наворачивались у него на глазах и падали на стиснутые ладони. — Выглянуть бы через эту щелку, да и увидеть ту девушку один-единственный раз, тогда и умереть не жалко. Сколько живу, никогда не смотрел на мир через ту чертову щелку. И вот сижу теперь и смотрю вокруг, и ничего не происходит, только думаю всё время о той девушке. И мне постоянно кажется, что вот сейчас я прикрою глаза, и снова ее увижу, и так мне на сердце от этого делается, словно смотрю я прямехонько в небо». А Том, который придумал эту игру — смотреть на мир через щелку в стене, отвечал ему: «Ей-Богу, не знаю, что делал бы без этой щелки. Высох бы весь от тоски да ноги протянул — так бы был безутешен. Потому человек и завел себе такую привычку — что ни день, придет сюда, сядет и смотрит. И вроде бы ничего особенного не видит, всё это можно увидеть и с улицы, но мне это как раз не важно. Не человек тут решает, что он увидит, а что не увидит через эту щелку, но он может сидеть себе целый день и смотреть вот так на реку да на забор. И сам не знает, что тут такого — может, и нет в этом ничего, если вдуматься. Но знает он, не знает — какая разница. Сядет, прижмется к глазом к щелке в стене, и вот ему уже кажется, что небо совсем не так чертовски далеко, как он раньше думал»...

— Значит, это было небо вашей юности, пан Стефан, — шепнула я, когда он закончил читать.

— Вне всякого сомнения. И моя мечта о той одной-единственной девушке, которой еще и в помине не было и которую я еще не знал. А то, что они были странные и некрасивые, эти три сестры, совершенно меня не волновало. Я вообще перестал замечать их уродство.

— Так вы познакомились с ними? — нетерпеливо спросила я. — Вам удалось встретиться с ними лично?

— И да, и нет, — ответил он загадочно. — В один из вечеров я себя выдал. Я так изголодался за день по знакомому зрелищу — а желание постоянно наблюдать за этим освещенным окном стало похожим на самый настоящий голод или даже похоть, — что встал у своего окна и отслонил занавеску, забыв при этом выключить свет. Так что они тоже могли меня видеть. И они меня увидели.

Я перепугался. Вне себя от ярости и отчаяния из-за собственной неосмотрительности, я уже было решил, что они сейчас бросятся к окну и балконной двери, задерживая шторы. Но ничего подобного не произошло. Сестры продолжали с оживлением беседовать и пить чай. Я, разумеется, не мог слышать, о чем они говорили. Ведь особенностью этих

ежевечерних спектаклей было то, что передо мной разыгрывалась пантомима. Действие без звука, без слов. И это только добавляло ситуации очарования. Ведь, как известно, тайна гораздо увлекательнее собственной разгадки.

В принципе ничего не изменилось, хотя в то же время изменилось очень многое. Три сестры, очевидно, посчитали, что мое наблюдение за ними может оказаться своеобразным, не лишенным привлекательности, развлечением в их серой монотонной жизни старых дев. Не знаю, нравился ли я им. Возможно, нравился. В конце концов, я был симпатичным парнем, высоким, стройным, темноволосым. Лицо мое покрывал свежий загар: каждое воскресенье я плавал по Висле на байдарках. Не исключено, что молодой мужчина их заинтересовал. Но самое главное — изменилось мое отношение к ним. Элемент тайны, иллюзии, мечты был утерян, но прекратить свои наблюдения я всё равно не мог, и не только по причине глубоко засевшей во мне привычки. Место прежних сильных ощущений заняло новое, не менее мощное чувство — жалость. Я жалел трех одиноких кикимор, которых то и дело поднимают на смех окружающие. Когда они шли по улице, дворовые мальчишки бегали за ними, хулигански передразнивая хромую походку Виолы, неуверенные движения Розы, мелкий шаг Лилиан. Сестры не реагировали, но им наверняка было обидно. Разве не чувствовали они себя обойденными этой жизнью, причем не по своей вине? Что ж, думал я, гулять так гулять. Теперь я умышленно вставал у окна так, чтобы меня было видно. Я даже давал сестрам понять, что мне интересно, чем они заняты, высовывался из окна, словно зритель из театральной ложи, пытающийся бросить под ноги примадонне букет роз. Правда, я не дарил сестрам цветы, но зато отдавал им самого себя — внимательного и терпеливого наблюдателя.

Удовольствие от игры мало-помалу набирало силу. Становилось видно, как искусно поставлены эти маленькие спектакли, разыгрываемые для одного зрителя, которым был я. Расчет в них делался на то, чтобы подчеркнуть всё очарование женственности. Особой изобретательностью эти жанровые сценки не отличались — приемы были самые примитивные. Три сестры устраивали себе пышные чаепития, танцевали вокруг стола. Иногда одна из них усаживалась в кресло, а две другие делали ей какую-нибудь изысканную прическу. Благодаря этим манипуляциям я заметил, что у сестер были длинные, но при этом довольно жидкие и редкие волосы неопределенного, песочного цвета, словно вылинявшие на солнце. Троица также инсценировала камерные показы новых

моделей одежды и даже завела себе круглый аквариум с рыбками и клетку с канарейкой, которую заботливо кормила, вместо того чтобы дать ей вечером спокойно поспать. И что самое интересное — они ни разу не взглянули в мою сторону, словно меня вообще не существовало. Это напоминало один театральный прием: чтобы подчеркнуть естественность актерской игры и сделать ее независимой от настроения зрительного зала, между сценой и зрителями устанавливают стеклянную перегородку. Актеры не видят зрителей, зато зрители прекрасно видят актеров. Голоса актеров хорошо слышны зрительному залу, но ни один звук из зала не долетает до сцены. Таким образом, актеры как бы отрезаны от остального мира и чувствуют себя наедине с самими собой. И всё, что между ними происходит — разыгрывается словно в вакууме, на периферии. Возможно, это дает эффект большей свободы, позволяет глубже сосредоточиться... Так или иначе, сестры в своих театральных постановках пользовались именно этим приемом. Со временем в пьесе появился дополнительный акт — они считали деньги. Да, пани Барбара, именно считали деньги. Выдвигали из недр стола большой ящик и вываливали на скатерть кучи банкнот и горсти монет, раскладывали их, сортировали и тщательно подсчитывали. Точнее, первая сортировала, вторая записывала, а третья, Лилиан, укладывала деньги обратно в ящик стола. Хотели произвести на меня впечатление, показать, что они очень богаты? Или их самих забавляла мысль, что деньги позволяют им быть выше остальных? Быть может, богатство прибавляло им уверенности в себе, поднимало самооценку, гарантировало душевное равновесие, которое было таким нестабильным по причине их редкостного безобразия и отсутствия всяких перспектив на обретение личного счастья в обычном понимании этого слова? Не знаю.

Когда днем я случайно встречал их на улице, они делали вид, что не знают меня. Однажды я вежливо поклонился сестрам, но поклона в ответ не последовало. Они лишь с удивлением взглянули друг на друга, пожав плечами.

Однажды вечером, решив разыграть сестер, я не стал зажигать в комнате свет и спрятался за занавеской, сделав вид, что меня нет дома. Сестры были этим явно расстроены и подавлены. Быстро убрали чайный сервиз со стола, погасили лампу, и в окне стало темно. И как же они обрадовались, когда на следующий день снова увидели меня в окне напротив.

Цветы каштана опали. На земле расстился сочный бело-красный ковер, который жалко было топтать ногами. Во дворе

расцвел худосочный жасмин. Я сдал экзамены и даже как-то совладал с римским правом, пусть и не самым успешным образом. Пришло время собирать чемоданы и отправляться в путь. Дядя торопил меня всё настойчивей, приближалась пора урожая, и я был нужен моему опекуну в качестве бесплатной рабочей силы. Но я все откладывал да откладывал отъезд, сам не знаю, почему. Первое очарование моего оконного романа с тремя сестрами постепенно миновало. Осталась лишь привычка, наподобие тех, что заставляют человека всякое утро отправляться в ванную, умываться, бриться, читать газеты. Навык, подпитываемый неуловимой жалостью, сочувствием, которые я испытывал по отношению к кикиморам. Но случается, что привычка надоедает и начинает мешать жить. Со дня на день я откладывал отъезд так, словно ждал чего-то. Что-то должно было произойти, только я не знал, что именно. В ожидании события я тосковал, и вдруг почувствовал, что мне хочется покинуть представление и навсегда уйти из театра.

В итоге я твердо решил, что на следующий день уеду. Это было в первые дни июля, в городе сделалось душно, начиналась жара.

Наступил, как я сам себя убеждал, последний сеанс — на столе трех сестер алела малина, аппетитно румянилась земляника. Виола, прихрамывая, кружила вокруг стола. Лилиан вышивала. А Роза...

Роза, нарушив сценарий, вышла на балкон. словно бы с грустью посмотрела на каштан, лишенный своего королевского великолепия. Оперлась локтями о балюстраду, точь-в-точь как тем вечером, когда я впервые подглядывал за сестрами — и вдруг вместе с балюстрадой, искусно окованной причудливыми цветами в стиле модерн, рухнула вниз. Ее отчаянный крик слился воедино с грохотом разбившейся о тротуар металлической конструкции.

В первую минуту, оглушенный, парализованный, я не мог сдвинуться с места. Когда же я сбежал вниз по ступенькам, на улице уже было полно народу. Второй этаж, не так уж и высоко, чтобы разбиться насмерть. Но Роза погибла — головой она ударилась о бордюр, а тяжелая балюстрада переломила ей позвоночник. Она лежала с неестественно изогнутыми плечами и коленями, ее жалкие жиденькие волосы рассыпались во все стороны, и глаза неподвижно смотрели на ветви каштана. Она была похожа на сломанную куклу.

На следующий день я уехал — точнее сбежал. В конце концов, это дело меня совершенно не касалось, я лишь как единственный свидетель подписал в полиции протокол о

несчастном случае, где говорилось, что даму никто не толкал, и она не прыгнула с балкона сама с целью лишить себя жизни.

Что-то, тем не менее, осталось во мне после пережитого — осталось и не давало покоя. Словно мутный осадок на дне того, что люди обычно называют душой. Неясное, туманное впечатление, что всё не так, как должно быть. Было ли мне жаль Розу? Откуда мне знать? Из всей троицы я симпатизировал ей больше всех. Как и я, она любила этот старый каштан, стиснутый по бокам каменными стенами домов. Хотя что-то нас связывало.

Когда я вернулся с каникул и автоматически подошел вечером к окну, первым, что бросилось мне в глаза, был тот самый каштан. Он горел рыжеватым золотом. Несколько листьев, кружа, медленно опадали на тротуар. Сквозь ветви, однако, ничего нельзя было разглядеть: окно было темным и не собиралось откликаться на призывный блеск моей настольной лампы.

Чашка чая с докторшей все прояснила. Через месяц после смерти Розы Виола отравилась газом. Говорили разное. Одни — что, мол, она оставила чайник на газовой плите, заснула, а вода закипела и залила горелку. И когда Лилиан, выгуливавшая собаку, вернулась — чтобы не так тосковать после смерти Розы, сестры завели маленькую собачонку, — Виола была уже без сознания, и спасти ее не удалось. Другие утверждали, что это было самоубийство. Виола очень любила близорукую Розу, самую младшую из сестер, почти калеку, и окружала ее чутким вниманием и заботой. Видимо, поэтому Виола и не смогла себе простить, что в свое время не настояла на ремонте давно проржавевшей балюстрады.

Лилиан осталась совсем одна, но, кажется, это ее не слишком печалило. Она привела в порядок квартиру, выбросила старую мебель, купила новую, современную, стильную. Накупила книг. Сидит и читает целыми днями, ну и еще ходит гулять с этой своей шавкой. По вечерам слышно, как у нее играет патефон, мелодии одна веселей другой.

Что ж, подумал я, вот и нет больше театра за ветвями каштана. Оно и к лучшему. Я должен учиться, я не могу второй раз осрамиться, как давеча в июне. Я не буду морочить себе голову тремя кикиморами и их доморощенными комедиями. И все-таки было немного жаль — вот только непонятно, жалел ли я тех двух сестер или мне страшно не хватало собственных иллюзий?

На следующее утро я столкнулся на улице с Лилиан. Она выгуливала собачку, это был карликовый пинчер, девочка, и Лилиан называла ее Флор. Черное платье подчеркивало непропорциональную фигуру Лилиан, ее бледное лицо с острыми чертами. Если еще и действовали на меня хоть как-то колдовские чары удивительных вечеров, проведенных «в компании» трех сестер, то теперь они развеялись окончательно, стоило мне встретить при безжалостном утреннем освещении, лицом к лицу ту, что осталась на воображаемой сцене совсем одна. По обыкновению я собирался пройти мимо, не поклонившись. Но на этот раз все сложилось иначе. Актриса пантомимы вдруг обрела голос. Лилиан остановилась и посмотрела мне прямо в глаза.

— Мы ведь знакомы, правда? — голос у нее оказался неожиданно приятный.

— Хм, — буркнул я не слишком учтиво. — Не знаю, можно ли это назвать знакомством. Скажем так, мы знаем друг друга в лицо.

— С вашей стороны было не больно-то вежливым подглядывать за нами, — смело парировала она с мягкой укоризной.

Я не остался в долгу:

— Но вы, кажется, были не против. Я даже смею полагать, что эти сеансы нравились и вам, и вашим сестрам.

— Не будем об этом, ладно? — грустно улыбнулась она, а мне отчего-то сделалось неловко и стыдно. Я смущенно забормотал: — Простите, у меня не было возможности выразить вам свои соболезнования. В смысле... мне очень жаль.

— Успокойтесь. — она презрительно пожала плечами. — Мы терпеть друг друга не могли. Они были те еще мерзавки. Я только теперь это поняла, когда стала жить одна. Нам ведь хорошо, правда, Флор? — она наклонилась и погладила собачку.

— Тогда... прошу прощения, — пробормотал я и поклонился, давая понять, что спешу и должен идти.

— О нет, нет, пан Стефан. Вас ведь зовут Стефан, правда? — она ухватила меня за рукав. — Мне очень многое нужно вам сказать. Точнее, предложить.

Я удивленно уставился на нее и молчал. Что может мне предложить девица Лилиан?

— Я сейчас вам всё объясню, только умоляю, выслушайте, не перебивайте меня. Стефан, Стефусь, Стеф... — так мы вас называли. — Она говорила горячо и сбивчиво, так что я бы и не смог прервать ее торопливую речь. Лилиан вся дрожала, глаза ее лихорадочно блестели, на щеках вспыхнул румянец. — Мы втроем влюбились в вас без памяти, с самого первого вечера, когда увидели вас в окне. Вы были для нас принцем из сказки. Такой красивый. Такой молодой. Но нас было трое. А вы один. Но сейчас... Сейчас я одна. Мне так нужен кто-то, вы понимаете, так нужен. И я хочу, чтобы этим кем-то были вы. Я не так стара, как выгляжу. Я умею вести хозяйство. Я угождала бы вам во всем. Я очень, очень богата. Вы, я знаю, сирота на иждивении у дяди. У вас нет денег, это видно. Вы не ездите на такси, не гуляете с девушками, одеты вы скромно. Вы хотите быть адвокатом, а чтобы основать свое бюро, нужны деньги, много денег. Я дам их вам. И ничего не попрошу взамен, только будьте со мной.

— Но позвольте, — воскликнул я резко. — я пока что не собираюсь жениться. Я только перешел на второй курс университета...

Других аргументов в этот момент мне в голову просто не пришло.

— Ну так никто вас и не заставляет жениться. Просто живите со мной. Вы не будете ни за что платить. А я буду заботиться о вас. Вам у меня будет лучше, чем у этой старой ведьмы, у докторши. Правда, Флор? — она снова призвала собачонку в свидетели. — И я завещаю вам всё свое состояние, ведь у меня больше никого нет. Дом и все сбережения. Хороший доход. — закончила она деловито...

Я вздрогнул. Какова перспектива!

— Нет! — крикнул я громче, чем следовало. — Нет. Это невозможно, исключено. Мой дядя никогда на это не согласится. И я... и я тоже не согласен.

— Не согласны? — жалобно спросила она. В ее карих, близко посаженных глазках блеснули слезы.

— Нет! Тысячу раз нет! — я снова запаниковал.

— А вы подумайте, я вас не тороплю, вдруг потом согласитесь. Может быть, пройдет время, и я вам понравлюсь. Вы привыкнете.

— Нет! Никогда! Никогда!

Видимо, не только эти слова, но сама их интонация вкупе с выражением моего лица убедили Лилиан, что она окончательно отвергнута, а добыча ускользнула из ее маленьких, но цепких ручек. Ее охватила безудержная ярость. Она ударила меня в грудь твердым кулачком и вскрикнула:

— Тогда зачем... зачем я их убила?

Я отскочил назад, словно испугавшись, что и меня насмерть поразит ее роковой удар. Должно быть, мою физиономию в ту секунду искажил невообразимый ужас.

Она отошла в сторону, что-то бормоча про себя. Мне казалось, что она повторяет жалобным шепотом:

— Зачем, зачем... зачем я их убила?

Я убежал. Убежал на лекции что было сил. Вечером собрал чемоданы, потом, выдумав какой-то идиотский повод, заплатил докторше за три месяца вперед, чтобы покрыть убытки, и с наступлением темноты уехал. Ночь я провел у приятеля, а потом выхлопотал себе место в общежитии.

— И вы никогда больше не встречали Лилиан?

— Как вы, наверное, догадываетесь, я старательно обходил ту улицу стороной, и не ее одну, а всю околицу. В 39-м, во время бомбежки, дом трех сестер сгорел. Я даже не знаю, спаслась ли Лилиан или погибла под его обломками.

— А почему вы назвали это происшествие экзаменом, на котором вы провалились? Не много ли самокритики? Ведь вы в сущности не сделали ничего дурного.

— О, эта история научила меня очень многому. Я раз и навсегда запретил себе вмешиваться в чужие судьбы, если для этого нет серьезного повода. Нельзя вторгаться в чью-то жизнь ради мимолетного каприза. Ведь это мое чрезмерное любопытство в сочетании с душевной пустотой втянуло трех сестер в опасную, как оказалось, игру. Всегда нужно думать о другом человеке, если мы не хотим сделать ему больно и мучиться потом угрызениями совести. Мы же сначала покуролесим как следует, а потом плывем себе дальше, не оглядываясь назад, не думая о тех, кого оставили один на один с их отчаянием, обманутых в самых смелых надеждах, готовых на все. Я пошел на поводу у собственных прихотей, и в этом заключалась моя ошибка. Второй вывод. В тот момент, когда меня разоблачили, я должен был отказаться продолжать игру. Но я дал волю чувствам. Мне стало жаль уродливых бедняжек, я хотел сделать им что-

нибудь приятное из жалости. А нужно было взглянуть на ситуацию трезво и отступить, и как можно быстрее. Пережили бы как-нибудь, до этого они справлялись и без меня. Жили бы себе дальше спокойно, неважно, было им хорошо вместе или нет. Вот почему сегодня, пани Барбара, я предпочитаю спокойное, трезвое, объективное наблюдение заботливому утешению и деятельному сочувствию. А третий вывод, весьма для меня неприятный, состоит в том, что я оказался трусом. Я сбежал. Конечно, пойдя я тогда к прокурору и заяви о двойном убийстве, мне бы пришлось нелегко. Он имел бы все основания спросить: «А вы откуда об этом узнали, молодой человек? То, что вам бросила в лицо не слишком уравновешенная особа, очевидно истеричка, еще не может служить доказательством. Мы можем возобновить следствие, но сомневаюсь, что найдутся веские доказательства, на которых можно выстроить обвинение. Да ведь и вы сами дали показания относительно первого убийства, сообщив нам, что это был несчастный случай. Ведь так?» И прокурор был бы прав, но у меня хотя бы совесть была спокойна, коль скоро я попытался не дать преступлению остаться безнаказанным. Я же наизусть выучил древнеримскую максиму: «*crimen non potest non esse punibile*». Преступление должно быть наказано. Вот почему, дорогая пани Барбара, я не берусь за дело, если у меня нет уверенности, что мой клиент невиновен. Исключения я делаю лишь для тех случаев, когда вижу трагическое стечение обстоятельств, в значительной мере смягчающее вину обвиняемого.

— Я понимаю, пан Стефан, — тихо промолвила я. — Но я хотела бы уточнить еще одну деталь. Вы намекнули, что образ трех сестер в определенный момент как бы заменил вам женщину. Ту, единственную, существовавшую в ваших мечтах. И тут такое разочарование, катастрофа и самый настоящий шок для молодого человека. Обабившаяся женственность, ни с чем не считающаяся жестокость, способность идти к заветной цели по трупам — неважно, идет ли речь о мечте всей жизни или о заведомо несбыточной блажи. Вот почему вы так долго оставались холостяком.

— Думаю, дело в этом. Какое-то время я боялся женщин, сторонился их. Травма осталась надолго, но не навсегда, моя дорогая, не навсегда...

Взгляд Заморского задержался на фотоснимке Ивоны, стоявшем на столе в рамочке.

— К счастью, — пробормотала я.

В коридоре раздался звонок. Заморский отправился открывать дверь. Издалека до меня уже доносились радостные приветствия. Серебристый голосок Ивоны сообщал, что ее номер получил на фестивале «Золотую незабудку».

1980

Из книги «Czy pan istnieje, panie mecenasie?»

Барбара Гордон (наст. имя Лариса Зайончковская-Мицнер, 1918-1987), журналист и прозаик. Выпустила свыше десяти детективных и бытовых романов, а также сборник рассказов «Где же вы, господин адвокат?» (1985), главный герой которых часто проводит следствие по собственной инициативе, насколько это оказывается возможным в рамках господствовавшей в те годы системы.

СПАСЕНИЕ АТЛАНТИДЫ

Вацек проснулся весь в поту и удивился, что заснул. Но ему что-то снилось — значит, он в самом деле спал.

Снился ему пан Киловский и какая-то синева; пан Киловский затаскивал его в эту синеву со словами: я тащу тебя, потому что у тебя голубые глаза, а мне всегда нужно что-нибудь голубое, лазурное — даже после смерти. Вацек начал убегать, но ноги были такими тяжелыми, словно в кухне у печи всё еще стоял упырь. Пан Киловский схватил Вацека за голову, голове было очень больно, боль воняла.

Он протер глаза. Светало. Начиналось воскресное утро. Возле кухонной печи не было никакого упыря, а пан Киловский давно разлагался на элементы. Однако что-то все-таки воняло.

Он вспомнил о тлеющих косах и о том, что это — политическое дело. Затем промыл глаза холодной водой из-под крана — это немного отрезвило — и подумал: раз политическое, значит косы панны Влади как пить дать отрезали папанины Наши.

Папаня все время ждал их. Ждал еще тогда, когда закапывал под сломанной сосной мундир и пилотку, в которую спрятал револьвер. Ждал и здесь, на этой золотоносной немецкой земле, где золота не находили, зато иногда можно было нахапать разных разностей — даже пани Киловской досталась швейная машинка марки «Зингер» и стенные часы с боем.

Многие нахапали — только не папаня.

Он сразу заявил, что не ворует чужое имущество и достаточно насмотрелся, как женщину с ребенком выгоняют из квартиры, чтобы он мог там поселиться. Но где же ему с семьей еще селиться? Не о такой Польше он мечтал.

А теперь, когда ему приходится жить под чужим именем, они заходят в захваченную чужую квартиру и располагаются в ней, как все переселенцы. Ту мебель, которая здесь стояла, он брать не хотел, но и не отказался от нее. А то что же делать: вынести эту на улицу и принести другую, из другой квартиры? Ведь она тоже раньше была немецкой.

Вацек нахапал не слишком много: попил того компота, который женщина с ребенком, как называл папаня швабку и ее

потомка, оставила в кувшине на столе. Из этого кувшина еще торчали воткнутые ею флажки. Флажки емугодились.

В ящике шкафа он нашел елочные шарики, брошку в виде цветка эдельвейса, зеленый ежедневник и стеклянные сосульки.

Сохранить шарики и сосульки ему не удалось — ими восхитилась бабуся:

— Смотри-ка, я таких еще не видела: птички, цветочки, а какая прекрасная верхушка с колокольчиками! И эти сосульки. Ничего подобного не было даже в моей семье — стеклянные сосульки! Жаль, что до Рождества еще далеко, это будет отлично смотреться на зеленой елочке. У этой женщины был хороший вкус!

Ежедневник был неисписанный. И неизвестно, для чего он был нужен. Если сын этой швабки, в смысле этой женщины, ничего в нем не записал, то что же было записывать Вацеку? Он написал для пробы: майонез жопа — потому что бабуся нашла яйца и хотела сделать из них майонез, но ничего не получилось, пришлось выбросить этот майонез на помойку.

Папаня рассердился, когда прочитал запись в ежедневнике:

— Во-первых, ты еще не умеешь писать и только пойдешь в школу, а во-вторых, откуда мой сын знает такие нехорошие слова?

Еще больше он разнервничался, не найдя пистолетов господина Вондера там, куда их спрятал.

— Куда подевались эти проклятые пистолеты? Еще, чего доброго, всё раскроется. И дождемся мы не Наших, а какого-нибудь погрома.

Но пистолеты не нашлись. Они лежали в надежном месте: на чердачке под колыбелью, стоявшей на расшатанной половой доске, — вместе с брошкой и зеленым календариком, в котором, после того как приехал Шлеха, Вацек записал: Шлеха любит яблоки.

Скорее на горе рак свистнет, чем ты найдешь эти пистолеты, — радовался про себя Вацек, поглядывая на папаню.

Тот перестал их искать и вскоре после этого стал шахтером.

— Ну а кем же мне еще быть, мама? Никакого ремесла я не знаю. Здесь даже Франко или Тито стали бы шахтерами. Забойщиков тут мало, никто без профподготовки под землю не лезет, а если уж лезет, то кадровики человеку в бумаги нос не суют. Кроме того, шахты старые, в них скапливается метан, каждую смену кого-нибудь убивает, никто этот метан заранее обнаружить не может, так что, когда взрываешь динамитом стену в забое, грохот стои и ит! И вполне можно лишиться жизни.

Он начал возвращаться домой с подведенными угольной пылью глазами. Бабуся встречала его как чудом спасшегося и смеялась: — Ты выглядишь точь-в-точь как довоенная актриса.

Папаня отвечал ей: — Вы, мама, не имеете права ничего знать о довоенных актрисах. Вы — безграмотная крестьянка, и таких плодов цивилизации, как кино, в глаза не видели.

— И не увижу, — отрезала бабуся. — Я привыкла к порядочному кино, где люди страдают, как в жизни, а не к такому, где ребята веселятся с Любовью Орловой, а страданий не существует. Мне об этом фильме соседка Бакледова рассказывала.

— Т-с-с, — унял ее папаня. — Здесь даже у стен могут быть уши. Надо уметь всё это переждать.

И он переживал, ожидая десанта и надеясь, что когда, наконец, придут Наши, всё вернется в норму: они смогут пользоваться своими именами и фамилиями, а бабуся вдобавок к этому — французским языком.

Вацек не верил в этот папанин десант. Не верил он и в Наших, а бабуся строго контролировал — не становится ли она иногда, кроме воскресений, Аделаидой Зауэр. Он предпочитал, чтобы люди в кожаных плащах не занимались ими — ему не хотелось исчезнуть как прошлогодний снег.

Кроме того, его злило, что папаня всё ждет и ждет, а другие тем временем виллы занимают и золотых рыбок в аквариумах разводят, как Франек Сокальский. Отец Франека ничего не ждал, разве что должности в Центре, а потом посольской резиденции в какой-нибудь в меру теплой стране. Франек хвастался этим: — Нет, брат, я здесь долго не задержусь. У меня впереди золотые горы, а не этот городишко. Здесь слитки золота на улицах должны были лежать — и где они? У моего отца глаз-алмаз, ушки на макушке, он знает, чего хочет. И никогда не ошибается.

В этом Вацека не нужно было убеждать, он и так знал, что отец Франека Сокальского никогда не ошибается.

Зато папаня постоянно ошибался и хватался за голову: — Не может быть, чтобы посадили Окулицкого и Татара. Не может быть, чтобы у нас прижилось стахановское движение — разве можно вырабатывать больше двухсот процентов нормы? Не может быть, чтобы власти не знали, что народдохнет с голоду. Как можно уничтожать крестьян, да еще и называть их единоличниками и кулаками? Зачем же тогда некоторым из них давали землю по реформе? Не может быть, чтобы вас учили, что религия — опиум для масс. Для каких масс? Что такое эти массы? Не может быть, чтобы в школе вам твердили, что всё изобрели русские, включая радио, телефон, лампочку, стекло или фарфор. Не может быть, чтобы людей убивали по приговору трибуналов. Не может быть, чтобы Запад не знал, что творится в коммунистическом лагере, и верил, что здесь царят свобода и демократия. Не может быть, чтобы людей сажали за то, что они враги народа, — да и что такое этот народ? Как можно так разрушать экономику и человеческий потенциал? Не может быть, чтобы ответственные должности занимали люди без подготовки и образования. И чтобы мой собственный сын не молился по вечерам.

Больше всего он ошибся, когда сказал: — Ладно, пускай ловят и сажают таких людей, как я, — это еще понятно. Но чтобы своих? Сажать? Это уже совершенно невозможно. Ведь не устроят же они суд над директором госхоза и его женой. Это же их люди!

Но они устроили. Приехали за ними рано утром (еще и пяти не было), окружили домик дополнительной цепью солдат и увезли.

— Директор с женой кричали: мы не виноваты! Только кто же их будет слушать? — говорил инвалид Сухоцкий пану Стасюлеку, сидя в пивной. — Жаль мне директоршу, — сказал он после десятой бутылки пива. — Непоседой она была, просто любо-дорого.

Он разболтался, хотя обычно молчал как замшелый камень: — Дома не могла усидеть, вечно бегала с фотоаппаратом и всё фотографировала: например, окрестных мужиков, как они в кооператив записываются. Заодно покупала то одно, то другое — даром не брала: то какие-нибудь немецкие стенные часы в розочки, то немецкую чашечку с крышкой как виноградная кисть, то тарелки с надписью «Мейсен». Но особенно она до картин была охоча — таких, на которых природа и люди

невинно голые. Как-то раз даже купила, — тут Сухоцкий сплюнул, — танцующую пару. На картонке эта пара была нарисована. Он прилизанный, в черном костюме — директорша сказала, что это не костюм, а смокинг. Ни в чем не упрекнешь. Зато она! Дамочка эта танцевала в коротеньком черном платье, чулочках, ну и вообще. А из-под платья из-под этого торчали трусики. Кружевные. Черные. Так высоко ноги задирала.

Сухоцкий был у директора госхоза «Заря» за прачку, уборщицу и кухарку. Соломорезка оттяпала ему ногу, но директор пожалел своего работника.

— Теперь у нас Народная Польша, — сказал он Сухоцкому, — и ты не будешь жить чужой милостью как батрак. Теперь ты будешь у меня убирать, стирать и гладить, потому что жене некогда, а у тебя, как у всякого гражданина, даже такого, с деревянным протезом, есть право на труд — это тебе гарантирует возрожденное отечество.

Сухоцкий любил работать у директора: ему не нужно было ни о чем беспокоиться, всё ему было сказано — что и как и когда должно быть готово. Кроме того, в домике никогда никого не было, а если возвращались директор и его жена, то слушали радио или пластинки, читали газеты или даже книги.

— Я там как король жил, — сказал Сухоцкий пану Стасюлеку в пивной. — А вы, — махнул он рукой в сторону пьющих пиво, — никогда королями не будете, курва-хрычи. Так бы вас назвал один мой знакомый, Слюжинский. Я там по натертым полам ходил. И, как секретарша какая-нибудь, всё трогал, даже фотоаппарат, хотя директорша это не больно-то любила. Не трогай, говорит, а то сломаешь, лапа у тебя слишком тяжелая. Да только я не сломал. Вы бы сразу сломали, курва-хрычи, если б вам аппарат разрешили потрогать.

И все было бы хорошо, и Сухоцкий по-прежнему ковылял бы на деревянном протезе и чистил вилки, точил ножи и мелко, как можно мельче, резал укроп у директора и его жены, если бы этой жене не пришло в голову сфотографировать едущую в Легницу колонну советских войск.

Вскоре после этого она сама отбыла в колонне под конвоем.

— Не может быть, — говорил папаня. — Взяли директора и его жену? — он посмотрел в потолок. — Боже, когда, наконец, придут Наши? Если они уже своих берут, то, может, самое время прийти Нашим и победить ослабленного противника.

Только раз папаня перестал думать о Наших и о том, что он живет среди чужих пейзажей, в чужом краю и пользуется чужим добром, и начал строить дом на берегу Затопленного озера. И это чуть не кончилось плохо! Он так разошелся с этим строительством, что чуть не раскрыл свое истинное лицо. А ведь сколько раз твердил бабуся: — Мама, скрывай свое истинное лицо. Еще придет время его раскрыть.

Затопленное озеро находилось в нескольких километрах от городка. Оно было окружено лесом. По дороге до него можно было добраться, только идя мимо вонючей лисофермы.

С одной стороны над озером нависал высокий песчаный обрыв, из которого торчали переплетенные корни деревьев. С другой стороны берег был низким и доступным.

На этом берегу, в нескольких метрах от поверхности воды, возвышалось загадочное сооружение — не то доменная печь, не то башня.

Когда они в первый раз туда пришли, и Вацек проскользнул внутрь через отверстие у подножия этого сооружения, он аж за живот схватился — прямо как лесник при виде качающихся на верхушках сосен панны Бесядецкой и панны Тымоневич. И, как тот лесник, сел на землю.

Башня изнутри была черной, стеклянистой, твердой и сужалась к дырявой крыше. Снаружи она казалась ниже. Через дыру в крыше видны были плывущие облака. Сооружение покачивалось, как какое-нибудь дерево, а кроме того, в нем прыгали жабы.

Эти жабы и покачивание башни вывели Вацека из себя. Он проскользнул туда в надежде успокоиться, пока никто его не видит. Как в прачечной. Его разозлило, что он целых два часа должен был идти с папаней и паном Киловским, прежде чем им удалось найти в глуши это Затопленное озеро.

Он начал как можно скорее вылезать, но застрял в узком проходе, и папаня с паном Киловским должны были вытаскивать его — как акушерка мертвого младенца из живота пани Бакледовой.

— Что тебе какая-то жаба? Не горюй, — засмеялся папаня. — Жаба не носорог, не забодает.

Пан Киловский поддакнул ему в тон: — Сейчас мы ее вытащим, эту жабу. Жаба с возу — кобыле легче.

Вацеку пришлось бежать аж под ольху, чтобы пописать: мочевой пузырь разболелся от страха и отвращения к этим жабам. Между тем папаня с паном Киловским обезумели.

Они начали кататься по берегу, хохотать как умалишенные и перекрикивать друг друга:

— Жаба шла на побывку домой, по болоту дорогой прямой.

— Как у дяди жабы было семеро детей, было семеро детей, было семь сыновей.

— Я у жабы во бору грибы, ягоды беру. Жаба простыла, на печи застыла.

— На жабе и шапка горит.

— Как жабе седло.

— Из жабы оглобли не сделаешь.

— Лучше с умным потерять, чем с жабой найти.

— Что там, жаба моя, в политике? ^[1]

— Материализм и жабокритицизм.

— Роль политики в превращении жабы в человека.

— Призрак бродит по Европе, призрак жабы.

Потом они встали, вытянулись по стойке смирно и пропели на два голоса: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов! Кипит наш разум возмущенный и жаб на смерть вести готов».

И закричали, поднимая над головой сжатые кулаки: — Да здравствует и процветает народная жаба!

— А если утопить ее в озере? Нечего так процветать.

Пан Киловский аж согнулся пополам от смеха. Затем, не обращая на Вацека ни малейшего внимания, они начали бегать друг за другом, резвиться как дети, драться на кулачки, пускать блинчики по поверхности воды, а в конце — строить дом.

— Эх, Казик, как бы нам здесь жилось...

— Да, Ясек, если бы мы построили здесь дом, из этой башни вышла бы отличная труба центрального отопления.

— А здесь была бы веранда.

— А здесь мастерская. Нет, мастерская пусть лучше будет там — мне нужен покой.

— А здесь спальня, а здесь кабинет. А тут комнаты для гостей.

— А там ванные. Десять...

— А там Лувр.

— И галерея Уффици. И еще твоя кофейенка, Казик. Это озеро — твой залив Ангелов. Посмотри, какое над ним лазурное небо.

— А здесь, Ясь...

— Какой из меня Ясь! Брат ты мой...

— А из меня какой Казик?..

Вацек оцепенел. Они сюда пришли рыбу ловить, а не дома строить и свои имена выдавать. Может, у башни и нет ушей, но почему знать, кто может прятаться в лесу.

— Пойдемте-ка лучше отсюда, а то еще берег обвалится, — крикнул он.

Папаня и пан Киловский опомнились и посмотрели на озеро, словно увидели его впервые.

— С какой стати ему обваливаться? — угрюмо сказал папаня. — Раз мы пришли рыбу ловить, так и будем ловить. Правда, пан Киловский?

— Истинная правда, пан Брыляк.

Они уселись на берегу и забросили удочки. Однако вскоре рыбалка им наскучила. Рыбы не желали клевать ни на черешню, ни на извивавшиеся половинки червяков, ни на еще шевеливших крылышками мух, ни на неподвижные крошки хлеба.

Они лениво подплывали и так же лениво уплывали обратно — большие, разжиревшие.

Пан Киловский пригорюнился: — Что это за незнакомый вид рыб? И почему они ничего не жрут? Может, правду говорят, что здесь людей утопили?

Озеро было овеяно мрачной легендой. Уцелевшие местные вроде бы рассказывали, будто когда-то на этом месте стоял завод зеркального стекла и будто земля под ним неизвестно почему осела, а на месте завода появилось Затопленное озеро. А каменные контрфорсы, различимые под поверхностью воды, — это остатки утопленного состояния.

Другие говорили, что местные могут говорить что угодно, а они знают свое: озеро не называлось бы Затопленным, если бы его дно не опустилось на невероятную глубину, потому что немцы хотели проложить здесь какой-то туннель.

Третьи доказывали, что, раз это озеро такое бездонное, в нем топили трупы расстрелянных. Правда, никто не знал, кто кого расстреливал: немцы ли свозили сюда узников, или, может, русские немцев.

Однако все сходились в одном: берег вокруг озера ненадежный. Раз в нем что-то когда-то утонуло — неважно, завод, или какой-то туннель, или трупы расстрелянных, — значит, катаклизм в любой момент может повториться.

Никто в этом озере не купался. Никто не ловил ленивую рыбу — слишком далеко. Только для папани с паном Киловским оно было не слишком далеко. Они говорили, что, когда желудок сводит от голода, человек не смотрит на километры. Но они сами убедились, что рыба в этом озере действительно не клюет, и ретировались.

Во дворе они распрощались, и каждый вернулся к себе: пан Киловский к своей чахотке и завещаниям, папаня — к своим Нашим. А Вацек поскорее побежал в прачечную, чтобы, наконец, успокоиться после мучительных переживаний.

Перевод Никиты Кузнецова

-
1. Парафраза знаменитой цитаты из «Свадьбы» Станислава Выспянского: «Что там, сударь мой, в политике?» — Пер.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Зита Оришин (1940 г.р.) дебютировала в 1970 г. романом «Наяда». Следующие книги подтвердили отмеченный критиками талант писательницы. В 1970-е — 1980-е гг. Оришин включилась в независимое издательское движение, была соредактором подпольного ежеквартального литературного журнала «Везване» («Вызов», «Призыв»), опубликовала микророманы «Черная иллюминация» (1981) и «Мадам Франкенштейн» (1984). В 1990 г. издала книгу «История болезни, история скорби». В 2012 г. вышел ее роман «Спасение Атлантиды», чье повествовательное пространство связано с двумя мирами: утраченным прошлым польских «кресов» и создаваемым послевоенным настоящим на бывших немецких землях в Нижней Силезии. Опасаясь привлечения к ответственности за политически подозрительное прошлое, семья берет чужую фамилию. Отец, пытающийся заново устроиться в условиях чуждой, навязанной системы, живет слабеющей надеждой на освобождение, на приход «Наших»: «Папаня все время ждал их. Ждал еще тогда, когда закапывал под сломанной сосной мундир и пилотку, в которую спрятал револьвер. Ждал и здесь, на этой золотоносной немецкой земле, где золота не находили, зато иногда можно было нахапать разных разностей — даже пани Киловской досталась швейная машинка марки «Зингер» и стенные часы с боем. Многие нахапали — только не папаня».

Реконструкция мира, о котором прежде литература молчала, представлена во всё более многочисленных произведениях писателей, родившихся в конце 30-х гг. прошлого века: в «Плюмаже» Мариана Пилота, «Доме под лютней» Казимежа Орлоса. Это мир великого послевоенного переселения народов, переездов и изгнаний, жестокого насаждения нового строя. Как у упомянутых авторов, так и в романе Оришин мы сталкиваемся с повествованием от лица ребенка, но не прямым, ибо оно накладывается на осознание последовавших перемен. В «Спасении Атлантиды» такое взаимопроникновение двух перспектив — текущего опыта и исторической отстраненности, детской наивности и зрелых раздумий — подчеркивается специфическим языком повествования, его отчетной функцией, разговорностью, непосредственностью: «Вацек не верил в этот папанин десант. Не верил он и в Наших, а бабуся строго контролировал — не

становится ли она иногда, кроме воскресений, Аделаидой Зауэр. Он предпочитал, чтобы люди в кожаных плащах не занимались ими — ему не хотелось исчезнуть как прошлогодний снег». Бабушка, довоенная интеллигентка, не может даже официально использовать свое «изысканное» и не подходящее к нынешней роли имя, о чем ей напоминает сын: «Вы, мама, не имеете права ничего знать о довоенных актрисах. Вы — безграмотная крестьянка, и таких плодов цивилизации, как кино, в глаза не видели». Ответ бабушки столь же язвительно-остроумен, сколь драматичен: «Я привыкла к порядочному кино, где люди страдают, как в жизни, а не к такому, где ребята веселятся с Любовью Орловой, а страданий не существует». Любопытно, многие ли читатели сумеют понять намек, кроющийся в этой фразе. Кто в Польше еще помнит фильм «Веселые ребята»?..

Впрочем, именно в построенных таким образом фразах рассказчицы и ее героев заключается убедительность повествования Оришин: отсылки к действительности («кожаные плащи», «веселые ребята») не всегда формулируются прямо, порой их приходится разыскивать под поверхностью слов. Но благодаря этому слова приобретают ценность устного, живого, погруженного в те времена рассказа. Этот слой книги Оришин несомненно свидетельствует о выдающихся писательских способностях автора. Литературная и историческая правда дополняют друг друга и обнажают абсурд идеологизированного мира, символом которого становится надпись, волею судьбы оказавшаяся под окном одной из героинь книги: «Да здравствует и процветает народная власть!» Такая ситуация продолжается вплоть до возникновения «Солидарности» и самоироничного замечания матери, которая говорит Грете, описывающей мрачную действительность ПНР: «Это важно. С этим нужно бороться, но, может, и что-то позитивное писать. О том, что будет, когда мы свергнем эту систему. О том, что сделать, чтобы «осколок, образ дней»^[1] превратить в стекло радости, не мешающее глазу». Разумеется, эта фраза выходит за рамки романа — по крайней мере, на первый взгляд. Ведь нужно помнить о том, что писательство Греты — это поиски себя, попытка прийти в себя после времени молчания и лжи, возвращение к формированию своего самосознания. Лишь тогда может возникнуть перспектива, позволяющая «писать что-то позитивное».

А пока стоит заглянуть в опубликованное в «Высоких общах» («Высоких каблуках», 2013, №19) интервью с Оришин, где она комментирует ситуацию, в которой сама оказалась после войны: «Как только мы приехали под Валбжих, русские солдаты

привели нас в наш новый дом. Там еще были предыдущие жители. Немка кричала своему сыну: «Майн Готт, майн Готт!» — и рвала волосы на голове, а я думала: «Шла бы ты отсюда, гитлеровское отродье». Я помнила рассказ о своих тетках с Подолья, вывезенных в Сибирь в течение двух часов только потому, что они были «польскими панями», и в то же время наблюдала, как сама кого-то выгоняю. Когда мы вошли в дом, на столе еще стояли свежий компот и теплый суп. Я сразу начала оглядываться в поисках игрушек».

---

1. Кшиштоф Камиль Бачинский. «Золотой, с прожилком белый...» Пер. Александра Ревича.

НЕОХВАТНАЯ СТИХИЯ

Профессиональные читатели Достоевского обычно (более или менее сознательно) делятся на два лагеря. Для одних Достоевский — великий певец христианства и автор слов о спасительной силе красоты. Другие, продолжая линию, начатую Михайловским, замечают прежде всего темную, трагическую сторону писательства автора «Бесов». В число этих других следовало бы включить и одного из самых интересных польских читателей Достоевского — Чеслава Милоша.

Когда Милоша спросили, почему он (несмотря на то что уже несколько лет читал лекции о Достоевском) не написал о нем книги, он, говорят, ответил, что это была бы книга о недоверии. Действительно, позиция недоверия почти к каждому образу, содержащемуся в литературном творчестве автора «Бесов», — один из основных показателей подхода Милоша в его коротких очерках и записанных беседах, посвященных Достоевскому^[1]. Похоже, что за этим подходом недоверия скрывается столько же глубокой зачарованности «проклятыми вопросами», поставленными Достоевским, сколько и ужаса перед его весьма верными диагнозами относительно будущего России и Европы. С другой же стороны (всё-таки и у подхода недоверия должен быть свой негативный аспект), следует вспомнить и о раздражавшей Милоша и неустанно возвращавшейся у Достоевского неприязни к полякам, тесно связанной у русского писателя с империалистическими и православными установками.

Стоит напомнить, что подавляющее большинство письменно закрепленных высказываний Милоша о Достоевском либо сделаны во время его пребывания в США, либо прямо вытекают из его американского опыта. Трудно найти более сложные обстоятельства коммуникации: польский политэмигрант, объясняющий американским студентам, в чем состоит феномен русского прозаика XIX века. Вероятно, по этой же причине Милош сосредотачивается на Достоевском прежде всего как на авторе нескольких текстов: «Бесов», «Братьев Карамазовых», «Записок из Мертвого дома» и «Дневника писателя». А точнее говоря, исследует социально-исторические механизмы, которые в конечном счете, по мнению Милоша, привели к октябрьской революции («Бесы»); проблему *unde malum* («Братья Карамазовы»); глубоко укорененный в русской

ментальности механизм покорности власти (под этим углом зрения поэт писал о «Записках из Мертвого дома»); и, наконец, сегодня довольно спорные религиозно-исторические взгляды Достоевского, которые он выражал на страницах публицистического «Дневника писателя». Поразительно, что в размышлениях Милоша не появляется такая важная в изучении Достоевского эстетическая проблематика, а также более широкое рассмотрение этической проблематики и вопросов поэтики Достоевского (несколько бравурно Милош отвергает методологию Бахтина). С другой стороны, в более ранних текстах Милоша появляется совершенно новаторская идея истолкования. В эссе «Земля Ульро» он предлагает сравнить некоторые фрагменты онтологических размышлений Достоевского с теософским подходом Эммануэля Сведенборга.

В общем, имеет смысл перечитать самые любопытные высказывания Милоша о Достоевском.

Достоевский, «поляки» и цареславие

Милош, в 1960-е годы взятый на кафедру славистики в Беркли, так описывал свое личное отношение к писательству Достоевского:

«Преподавая Достоевского, я черпал извращенное удовольствие из того факта, что принадлежу к категории людей, которых он особо не переносил, и даже видел в этом некоторую выгоду в смысле более легкого понимания его мотивов. Вдобавок я родом из того же самого Великого Княжества Литовского, откуда, по всей вероятности, вела свой род семья, получившая фамилию от поместья Достоево близ Пинска, полученного в XVI веке. Это было пограничье двух религий — православия и католичества. Одна ветвь семьи совершила, с точки зрения писателя, двойную измену отрыва от народа: перешла из православия в католичество и заговорила по-польски вместо здешнего восточнославянского диалекта. Впрочем, и с прямыми предками не всё было в порядке: родной дед Достоевского был священником, да только не православным, а грекокатоликом».

Неприязнь к полякам, которую Достоевский постоянно подчеркивал, несомненно принадлежала к тому, что больше всего раздражало Милоша в наследии русского писателя. Слова об «извращенном удовольствии», пожалуй, достаточно передают эмоциональную температуру милошевского прочтения. В коротком очерке «Достоевский» [на русский язык переведено под названием «Преподавая Достоевского» — см.: Наталья Горбаневская. Мой Милош. М., 2012] Милош прямо говорит об этом:

«Знакомство с поляками датировалось у него пребыванием на каторге в Омске. Там отсиживали свои сроки участники заговора ксендза Сцегенного 1846 года. Единственные образованные люди в остроге, с ними он мог разговаривать по-французски. (...)

Джозеф Франк, автор самой полной, трехтомной монографии о писателе, приписывает встрече с поляками ключевое значение, так как тогда, одновременно с возвращением к религии, наступило обращение Достоевского в русский национализм. Гордость поляков, их непризнание закона чуждой власти, их уверенность в своей невинности, их отталкивание от союзников, неграмотных преступников, — всё это контрастировало со смирением русских, убежденных, что наказание им положено, ибо они согрешили. Русский мужик трогал чувства Достоевского с детства, был для него синонимом физической силы, ни с чем не считающейся отваги, в том числе и в преступлении, характеризовался смирением и терпением, а при этом обладал отцовско-опекунскими чертами. Поэтому к насильникам и убийцам, своим союзникам, Достоевский относился не так уж просто. Кем бы они ни были — не чужим их судить. Чтение Евангелия и погружение в стихию России шли у него параллельно, здесь лежат истоки его войны с отравленной Западом интеллигенцией во имя православного народа. Поляки в остроге послужили катализатором внутренней перемены. В них воплотилось то, что чуждо».

Я позволила себе для начала привести длинную цитату из Милоша по одной важной причине. В процитированном отрывке ясно видно, почему собственно Милош был так сильно задет негативным польским лейтмотивом у Достоевского. Речь идет отнюдь не о чувстве национальной солидарности, которое мы на первый взгляд могли бы усмотреть у Милоша. Кстати, сам поэт не раз весьма негативно высказывался об исторических и общественных позициях своих соотечественников. Речь тут скорее о совершенно чуждом, непонятном и раздражающем для т.н. западной ментальности смирении с судьбой, которая воплощена в царской власти, обладающей почти божественными полномочиями. Обладая западным формированием ума и глядя на судьбу автора «Бедных людей», на приговор писателя к каторге (чему предшествовала «карнавальная» выходка перед эшафотом), ясно видишь, насколько несправедливо и жестоко с ним обошлись. В символической плоскости можно сказать, что отношение «царский двор — Достоевский» немногим отличается от отношения «Наташа — князь Валковский» из «Униженных и оскорбленных». Несмотря на это будущий автор «Дневника писателя» с непонятным Милошу упорством покоряется царским решениям. Об этом, в частности,

говорится в беседе поэта с американским исследователем Достоевского Карлом Проффером:

«К.П.: К великим мифам советской литературной критики — и, думаю, русских писателей — надо отнести мнение о том, что великий писатель не может совершить ничего дурного, не может себя нравственно опорочить. Достоевский же, когда под конец каторги добивался досрочного освобождения, писал длинные оды в честь императорской фамилии, совершенно унизился художественно, только чтобы скорее покончить с каторгой.

Ч.М.: Нет, я бы с этим не согласился. По-моему, эти стихи выражали истинные взгляды Достоевского. Это империалистические стихи — можно сказать, что слегка в стиле знаменитой трилогии Пушкина, написанной по поводу восстания 1830 года. Похожи даже со стилистической точки зрения. Достоевский сидел в остроге в Омске, отбывал каторгу, а из воспоминаний, которые оставили его соузники, следует, что они не могли поверить, как человек, который был политическим заключенным, может иметь такие империалистические взгляды. (...) Я считаю, что он не переменял политических взглядов, только религиозные. В те же самодержавные идеалы он верил еще до каторги.

— Даже в царя?

— Да. Известны его слова, сказанные с истинной убежденностью, что республиканские идеалы, может быть, хороши для Франции, но не для России».

Полное, тотальное приятие царизма соединялось в уме Достоевского с горячо развиваемой верой. Но и эта позиция ревностного христианина, исповедника веры в Святую Русь и русский народ-«богоносца» (по определению писателя), кажется Милошу глубоко сомнительной. Ссылаясь на часто цитированное исповедание веры из письма Достоевского к Наталье Фонвизиной, Милош приходит к убеждению, что так поставленный вопрос (противопоставление: истина — Христос) больше напоминает хватание за соломинку, чем настоящее исповедание веры.

К вопросу религиозности Достоевского Милош многократно возвращался и при прочтении «Братьев Карамазовых», анализируя финальные фрагменты романа (образ Алеши в окружении двенадцати мальчиков):

«Был ли он христианином? В этом нет полной уверенности. Может быть, он решил быть таковым, поскольку вне

христианства не видел для России спасения? Но конец «Братьев Карамазовых» позволяет нам усомниться, находил ли он в своих мыслях успешный противовес процессам разложения, которые наблюдал. Чистый юноша Алеша во главе своих двенадцати учеников, словно отряда скаутов, — и это предлагается христианской России, чтобы спасти ее от революции? Чутьточку сладостно и лубочно».

Иван Карамазов, Великий Инквизитор и философия трагедии

Несмотря на многочисленные несвязности (или прямую ложь), которые Милош видел в идейном слое наследия Достоевского, творчество это не переставало влечь его. Похоже, что одним из самых магнетизирующих стал для Милоша неустанно поднимавшийся писателем вопрос происхождения зла. Я уже упомянула, что Милош отверг бахтинский тезис о полифонии Достоевского. Это было непосредственно связано с пространством эстетического воздействия русского писателя на Милоша. Милош утверждал, что лучше всего с художественной точки зрения, а в то же время всего убедительней для мысли и чувства «темные» фрагменты Достоевского. Хотелось бы договорить вслед за Милошем, что там, где Достоевский пишет о радикально дурной природе мира, он пишет правду.

«Грешники, бунтовщики, извращенцы, безумцы всемирной литературы с самого начала населили его романы. (...) Хотя он сам — все его герои, но один получил от него в высшей степени его собственный ход мыслей, и это Иван Карамазов. Поэтому Лев Шестов подозревает, и, вероятно, правильно, что Иван выражает окончательную невозможность веры Достоевского — вопреки положительным героям, старцу Зосиме и Алеше. Но что же провозглашает Иван? Он возвращает «билет» Творцу из-за одной слезинки ребенка, затем рассказывает сочиненную им самим «Легенду о Великом Инквизиторе», смысл которой сводится к тому, что, когда не удастся осчастливить людей под знаменем Христа, надо постараться осчастливить их под знаменем дьявола».

К этой манихейской разорванности Достоевского Милош еще не раз возвращался. Впрочем, вопрос о двойной природе мира и обязанностях художника, видящего эту двойственность, характерен и для его собственного творчества.

Для Милоша (кстати, как и для Шестова) среди особенно правдивых с эмоциональной точки зрения были те страницы Достоевского, где берет слово Иван Карамазов, собственно говоря — Великий Инквизитор. Милош не предлагал никаких

истолкований относительно основополагающего вопроса Легенды. И хотя писал, что смысл ее крайне пессимистичен (если нельзя осчастливить людей в сотрудничестве с Богом, то следует стремиться к их счастью через пакт с дьяволом), однако никогда не высказался прямо, на чьей он стороне в этом великом философско-религиозном диспуте — Алеши или Ивана. Косвенно могут навести нас на след закамуфлированных симпатий поэта его размышления о шестовской философии трагедии.

Похоже, что Достоевский был особенно важен для Милоша в силу влияния, которое он оказал на кристаллизацию философского подхода автора «Власти ключей». В очерке «Шестов, или Чистота отчаяния» говорится:

«Шестов попросту отказывается от такой игры в шахматы и переворачивает доску одним ударом. Ибо почему же «я» обязано склониться перед мудростью, самым очевидным образом насилующей его сильнейшее желание? Почему мы должны уважать «неколебимые законы»? Откуда такая уверенность, что то, что якобы невозможно, невозможно на самом деле? И годится ли на что-нибудь философия, занимающаяся ho anthrōpos, человеком вообще, там, где появляется tis anthrōpos, один человек, одаренный одной жизнью во времени и пространстве? (...) Наоборот, говорит Шестов, человек обязан кричать, орать, смеяться, издеваться, протестовать. В Библии Иов стонал и орал. (...)

В согласии с этой своей посылкой Шестов видел в таких фигурах, как человек из подполья, Свидригайлов, Ипполит Терентьев из «Идиота», Ставрогин и Иван Карамазов, истинных выразителей взглядов Достоевского, даже автопортреты, и пренебрежительно отодвигал в сторону старца Зосиму и Алешу как лубок, т.е. благочестивые ярмарочные гравюры. Для Шестова любое спокойствие духа было подозрительным, так как земля, на которой мы живем, отнюдь не должна располагать нас к такому спокойствию».

Эти последние слова о «подозрительном спокойствии духа», пожалуй, лучше всего объясняют творческое беспокойство Милоша и полемику, которую он вел с Достоевским. Несмотря на многие опасения по поводу автора «Бесов», польский поэт был не в состоянии равнодушно пройти мимо его творчества. Рвение и беспокойство Достоевского передались и Милошу, а сладкое спокойствие духа русского писателя возбуждало у Милоша глубокое, прямо демонстративное недоверие.

Сведенборг — Милош — Достоевский

Может показаться, что как раз из этого недоверия к навязываемым религиозным формулировкам Достоевского и возникло новое милошевское прочтение религиозных элементов в творчестве русского прозаика. В одном из фрагментов «Земли Ульро» (снабженным особым заголовком «Достоевский и западное религиозное воображение») Милош создает нечто вроде системного прочтения символического слоя романа Достоевского сквозь призму теософии Эммануэля Сведенборга. Ссылаясь на имеющиеся в достоевсковедении свидетельства о чтении писателем сочинений шведского теософа, а также на специфически русское «заболевание», реакцию на западноевропейскую рационалистическую мысль, Милош пытается уловить специфическую природу христологии, заметную в сочинениях Достоевского:

«Вочеловечение Бога можно выразить только в языке символов и мифов. Когда привыкаешь пользоваться языком, якобы апеллирующим к действительности, Боговоплощение становится совершенно непонятным. Более того, образ бесчисленных планет, кружащихся в абсолютном ньютоновом пространстве, трудно согласовывался с верой в особые привилегии, которыми Бог наделил Землю. В то время как деисты превращали Бога Отца в абстракцию, «разумно» толкуемое христианство делало из Иисуса Христа оратора, произносившего возвышенные проповеди, и, в лучшем случае, нравственный идеал. Потому-то и вера христиан, всегда весьма антропоцентрическая, искала нового видения, противопоставленного атеистической идее человекобога, который должен был стать своим собственным искупителем. В XVIII веке некоторым приходит в голову необычайная идея, родственная, быть может, идее Адама Кадмона, извечного, докосмического человека каббалистов. По Сведенборгу, Бог в Небесах обладает человеческим естеством, следовательно, человеческое естество Христа — совершенное исполнение Божественного. «Человеческая Божественная Форма» и Богочеловек как единственный Бог были заимствованы у Сведенборга Блейком. (...)

Достоевский был, позволю себе так выразиться, лишен Бога Отца, и единственной его надеждой было держаться Христа. Противоположность человекобога и Богочеловека отчетливо вырисовывается в его творчестве и знаменательна для его биографии. Принадлежа к кружку петрашевцев, он верил в человекобога, позже — поверил в Богочеловека. Однако он никогда не сумел преодолеть противоречия, содержащегося в его высказывании о выборе между Христом и истиной».

Процитированный выше отрывок прекрасно показывает логику, которую использовал Милош, чтобы обосновать свой

тезис о влиянии Сведенборга на литературную религиозность Достоевского. Такое прочтение до сих пор не получило развития в литературоведении, и можно серьезно задуматься над правотой интуиции Милоша в этом истолковании. На самом же деле важно что-то другое — магнетическое притяжение творчества Достоевского, которое велит более и менее профессиональным читателям стремиться понять во всей полноте смысл его творчества, заставляющего находить даже самые зигзагообразные пути истолкования, что позволяет овладеть интеллектуальным феноменом писательства Достоевского.

Почему богословие? Ибо первому — быть первым.

А первое — истина. И как раз поэзия

своим поведением перепуганной птицы,

бьющейся в прозрачное стекло, подтверждает,

что мы не умеем жить в фантасмагории.

(Чеслав Милош. *Богословский трактат*. Пер.
Н.Горбаневской)

-
1. Подавляющее большинство текстов Милоша о Достоевском собрано в кн.: Miłosz Cz. Rosja. Widzenie transoceaniczne. T.I. Dostojewski — nasz współczesny. Teksty wybrały Barbara Toruńczyk i Monika Wójciak. Oprac. Barbara Toruńczyk. Wstęp Clare Cavanagh. Warszawa, 2010. (См. рец. Ежи Помяновского // Новая Польша. 2011. №2.)

МОЛОДОЙ СТАЛИН

— Большевистские ценности мне отвратительны, — заявляет Тадеуш Слободзянек. Премьера его новой драмы — о самом жестоком большевике в истории — назначена на 6 апреля.

— Духан «Тилипучури» до сих пор стоит в самом центре Тбилиси, прямо у главной площади, — рассказывает Тадеуш Слободзянек. Именно здесь на рубеже 1906 и 1907 годов устроил свою свадьбу Иосиф Джугашвили, для друзей Коба. Мир лучше узнал его после 1922 г. под именем Иосифа Сталина.

Со сцены свадьбы в «Тилипучури», где молодой Сталин обнимается с женой Като, а потом, по старинному обычаю, танцует с матерью, начинается новая пьеса Слободзянека «Молодой Сталин». Это первая постановка его драмы со времени нашумевших «Одноклассников», получивших в 2010 г. премию «Нике».

В новой пьесе рассказывается о формировании революционера, у которого всё еще есть выбор: стать главой семьи или ступить на путь кровавой революции, несущей миру большевистское «избавление». Это попытка как политического, так и психологического анализа личности молодого бунтовщика. С одной стороны Слободзянек показывает, как Сталина образовывал не только марксизм, но и учеба в духовной семинарии. С другой — он задумывается о том, как могло повлиять на его психику детство в доме с бесконечным пьянством и отцовским насилием. Он показывает и разгульную жизнь российских профессиональных революционеров, и увлеченность Западной Европы такими фигурами, как Лев Троцкий.

Сталин на именинах

В «Молодом Сталине» Слободзянек в значительной степени сводит личные счеты с прошлым. Его родители за свою деятельность в АК провели в советских тюрьмах и сталинских лагерях 12 лет жизни. Вывезенные в 1944 г., они вернулись в Польшу в конце 50-х. Слободзянек родился в Енисейске, в Сибири, в 1955 г., через два года после смерти диктатора.

— Еще долго после смерти Сталин был демоном, который в моей семье господствовал над всем, — признается Слободзянек.

— Семейные торжества, праздники или именины всегда заканчивались воспоминаниями о лагерях и Сталине. Это становилось всё более гротескным, но в жизни моего отца и его друзей это было самым главным. Тотальная зависимость. Без Сталина они были не в состоянии проводить свободное время. Это было удивительная увлеченность жертвы своим палачом. Я бунтовал против этого мученичества! Хотел освободиться от него. Эта пьеса — попытка окончательного освобождения. Своего рода самоочищение.

В рамках продвижения пьесы автор даже хотел повесить на Дворец культуры и науки огромный портрет молодого Сталина, похожий на тот, что висел здесь сразу после окончания строительства ДКиН.

— Но администраторы здания побоялись, — говорит Слободзянек. — Речь шла о шутке, о чём-то вроде хеппенинга, попытке избавить это место от чар, показать, что мы уже можем говорить о Сталине свободно. Но, видимо, еще не можем. Это по-прежнему сидит глубоко в нас.

— Что вы имеете в виду? — задаю я вопрос.

— Сталинизм по-прежнему присутствует в нашей жизни. Начиная с архитектуры: нам ведь не под силу взорвать Дворец культуры, поэтому нам приходится его осваивать. Кроме того, мы унаследовали сталинскую модель бюрократической машины, которая до сих пор действует в высшем образовании или здравоохранении. А также в театре, где функционирует система государственных дотаций, основанная на идеологии и дорого стоящая налогоплательщику.

Симпатичный мерзавец

Есть какая-то насмешка истории в том, что в 2013 г. молодой Сталин в исполнении Мартина Штабинского разгуливает по сцене варшавского Драматического театра в ДКиН, построенном Иосифом Сталиным для передовиков труда. Я интересуюсь мнением автора, почему же рассказ о Сталине должен быть актуальным в наши дни.

— Большевизм был экспериментом, поглотившим миллионы человеческих жизней, — говорит драматург. — А меня занимает, почему люди стремятся к такой утопии, вязнут в ней. Этот механизм крутится по-прежнему, и я написал эту пьесу, чтобы присмотреться к тому, отчего люди всё так же хотят вновь причинить зло самим себе.

— И молодой Сталин дает на это ответ? — спрашиваю я.

— Это рассказ о мире в момент перелома, — отвечает Слободзянек. — В нем показаны люди, которые хотят поджигать, взрывать, грабить банки. И я задаюсь вопросом, не растет ли случайно где-нибудь в мире новый Сталин. Что, сегодня у нас мало революционеров? Взять хотя бы тех, кто подговаривает не возвращать кредиты? Бунт против кредитов, которые мы сами набрали, — вот выражение нашего времени. Я спрашиваю, что может из этого последовать. Мне хочется, чтобы театр задавал зрителям вопросы о современности.

Словацкий режиссер Ондрей Спишак, много лет работающий со Слободзянеком, добавляет, что таких Сталиных все еще рождается много:

— Конечно, у нас демократия, и в Евросоюзе подобная диктатура не пройдет, однако по-прежнему появляются харизматические лидеры, которым удастся очаровать и подчинить себе толпу утопическими видениями. В этом смысле данная пьеса — предупреждение.

Слободзянек добавляет, что, по его мнению, театр должен задавать зрителям провокационные вопросы, а от ответа на них может зависеть, в каком месте будет поставлен крестик на избирательном бюллетене.

— Что-что?! — переспрашиваю я в изумлении. — В чем же тут роль театра?

— Театр служит формированию самосознания, осознанию того, кем является человек, его политической, общественной, половой, интеллектуальной идентичности, — убеждает Слободзянек. — Это означает, что и в гражданском аспекте мы становимся в полной мере людьми и начинаем понимать, в чем состоит наша ответственность. Театр должен провоцировать дискуссию, в том числе и внутреннюю, с самим собой.

— То есть, посмотрев «Молодого Сталина», мы не будем голосовать за радикалов с безумными идеями относительно будущего, — рассуждаю я.

— Театр должен показывать различные аспекты и провоцировать людей к дискуссии, — парирует Слободзянек. — Парадоксально, но мой молодой Сталин ставит перед собой многие важные вопросы. У меня есть некая отсылка к плутовскому роману, герой которого — такой симпатичный

мерзавец, обнажающий пороки мира. Он демонстрирует, что те, кто пытается воспитывать и наказывать его, сами нисколько не лучше, чем он.

Сталин для мещан

Во время чтения текста на сцене «Передовик на Мокотуве» на Тадеуша Слободзянека было устремлено десятка полтора заинтересованных взглядов старших школьниц и студенток.

— Эта пьеса начинается на рубеже 1906–1907 гг. и длится девять месяцев, до рождения сына Сталина, — объяснял им автор. — Что касается сына Сталина, то во время Второй Мировой войны он попал в немецкий плен. Немцы хотели обменять его на фельдмаршала Паулюса, однако Сталин не согласился на обмен. В конце концов его сын покончил с собой.

Молодые девушки слушают эту историю впервые. Видно, что писатель открывает для них мир, знать о котором раньше им было не обязательно. В Драматическом театре, директором которого он недавно стал, Слободзянек хочет рассказывать истории и для молодых, которые, скажем, о Сталине знают немного, и для зрелых людей, которым он предлагает новую интерпретацию истории.

Когда Слободзянек вступал в должность директора в Драматическом, его новая концепция подверглась критике как слишком консервативная и ретроградская, не оставляющая места для театрального эксперимента.

— Я устал от театра ищущего и ничего не находящего, — признаётся Слободзянек. — Для меня не так важно мнение окружения, как удовлетворение среднего зрителя. Так что я буду делать театр, основанный на хорошей литературе: польской драме, новых переводах классиков и инсценировках литературы. Я не буду делать театр для театроведов, которые видели 25 постановок «Эдипа» и которых ничем не удивишь.

— Прошлогодний манифест Моники Стшемпки и Павла Демирского «Театр — не продукт, зритель — не клиент» мог быть направлен против вас! — замечает я. — Может быть, на самом деле не следует рассматривать театр как еще один сегмент свободного рынка?

— Но ведь урезание бюджета — это вовсе не репрессия властей против театра, а всего лишь признание реальности кризиса, — утверждает Слободзянек. — Артисты не какие-то избранные, они ничем не лучше, скажем, учителей. Сегодня есть более

важные потребности, чем рафинированный театр. Я знаю на Западе выдающихся артистов, которые из-за кризиса и нестабильной профессии не покупают автомобилей, не строят дач в возрасте 35 лет, но сосредотачиваются лишь на развитии. Для них быть артистом не означает ничего исключительного.

— И поэтому вы сделаете не слишком провокационный театр для привыкшего к удобствам мещанина? — делаю я вывод.

— В истории не было иного театра, кроме мещанского, начиная с античного, затем шекспировского, мольеровского и так до Жене, — отвечает драматург. — Даже Стшемпка и Демирский делают театр для мещан, где бы эти мещане ни жили, в многоквартирных домах или на виллах. Да, я хочу делать представления для хомячков, которые приходят посмеяться над собой и увидеть самих себя критическим взглядом. Альтернатива мещанскому театру — это театр придворный, отвечающий ожиданиям барона. Даже если этого барона зовут Мацей Новак (руководитель Театрального института. — Ред.), всё равно это придворный театр. В моем театре найдется место и для Кристиана Люпы, и для Павла Демирского, и Агнешки Глинской, и Ондreja Спишака. У всего этого есть одна простая мера — зрители. Если они будут приходить, то пьеса останется.

Тем временем на сцене молодой Сталин во время собственной свадьбы ввязывается в поджог Тифлиса: горят церковь и полицейский участок.

— Я написал пьесу о самом победоносном из левых человеке за все времена, — заключает Слободзянек. — Нравится это нашим икорным левым или нет, ну а мне большевистские ценности отвратительны.

Антоний Павляк

Стихи из книги «МРАЧНЫЕ ТАЙНЫ МАЛЕНЬКИХ ДЕВОЧЕК»

Смерти нет — смерть проходит мимо

ты мое божество Алиция

и нет других богов кроме тебя

ты мое святейшее таинство

причащение хлебом твоего тела

ты крест надежды распластавшийся

подо мной или надо мной

отпущение грехов плоти

покаяние тоски по тебе ушедшей

ты вера в воскресение мертвых жизнь вечную

перекличка двух тел каждой ночью во сне

Выключая телевизор мы останавливаем жизнь

телеэкран предлагает облатку лица

старика который едва говорит

капля слюны как предвестник лавины скатывается

с губы голова с трудом держится прямо

в дрожащей ладони листок забвения

слова становятся неразборчивой магмой

вдруг с трудом до меня доходит

что он старается меня утешить

я хотел бы выключить телевизор

да боюсь что это его убьет

ноябрь 2004

Птица словно оргазм

дерево за окном гнется
под тяжестью
листьев
я срываю один из них заворачиваю в него
птицу и высылаю тебе заказным
листочком разверни его
как можно деликатнее
если захочешь будешь ласкать его
когда одиночество вплотную прижмет тебя к ночи
перед тем как заснуть своей ему гнездышко
между грудей и сон тогда
взорвется словно оргазм

Анджей Дравич выбирает одиночество

Кто выбирает одиночество —
никогда не будет один

Рышард Криницкий

иногда выбираешь одиночество
испуганные глаза тех кто при твоём появлении
как птицы перелетают на другую сторону улицы
протянутая ладонь вязнет в густеющей пустоте
иногда выбираешь одиночество
больно даже если ты сам так решил
больно когда отворачиваются друзья
столько прожитых вместе лет ночных разговоров

водки выпитой до последней капли
иногда выбираешь одиночество
как выбираешь смерть новый костюм любовь
это мило когда воздух вокруг сотрясается смехом
родных и близких но иногда их нужно оставить
и отправиться дальше рядом с самим собой
иногда выбираешь одиночество
даже на собственных похоронах куда
не пришли друзья словно бы им хотелось
чтоб и в могиле ты был одинок

Похороны Яцека Куроня

всё должно было быть не так Яцек
этот барьер — по одну сторону твой гроб
столпотворение строгих костюмов венки
по другую мы
со скромными букетами все должно было
быть не так Яцек ты говорил
что не будет больше барьеров
в наших сердцах

Утренний ритуал

когда на рассвете я развернул газету то бишь
разложил мир по полочкам когда рёв
радиоточки испугнул первых птиц
повеяло холодом
взыграл аппетит у вчерашних последних известий
взглянул я на эту жизнь

на нож и на ломоть хлеба

в углу истекали кровью

смертельно ранние тапочки

Старый поэт готовится к смерти

старый поэт с которым я пытался подружиться стал

моим отцом хотя моя мать об этом не подозревала

точно уже и не скажешь когда же это случилось

ибо сразу после того как он попытался воздвигнуть

одинокую Вавилонскую башню смешались все языки

а вскоре и времена в результате чего

настоящее стало едва достижимым

компромиссом между «был» и «будет» а потом

наступило плановое отключение святой воды

и электричества

старый поэт был уверен что жить уже не за чем и не
для кого

столько крови моей — шептал он — столько крови
выпило время

он часто заглядывал в маленький сквер возле
Варынского

садился на лавку у пивного ларька

окруженного полукольцом тополей

разглядывал альбом со стигматами

и видел долгие сны что топили в огромных кружках

работяги с ближайшей стройки

потом он обычно звал меня на короткую прогулку по
скверу

его неуклюжие шаги отбивающие ритм ненаписанной
поэмы

словно бы приглашали на медленный танец он
рассказывал мне

о себе — краткий курс истории польской литературы

в слабых тисках метафоры о извечной любви палача и
жертвы

он швырялся камнями слов расправлял плечи словно
хотел

поймать ветер пригреть на груди голые ветви
деревьев меня

чуждый нам мир и смерть терпеливо ждущую на
выходе из аллеи

или пытался укрыть в объятиях свои
соцреалистические стихи

которых он так стыдился хотя — как он признавался
— ему до сих пор

часто снится песня о Новой Гуте и других

великих стройках социализма

сегодня ему на плечо опустилась серая птица —
вестница

скорой смерти вдалеке в небо вонзился

режущий звук сигнальный трубы зовя на приступ
сердечный

некогда сладкие сны потерявшие свежесть

встали в каре ошестинившись воспоминаниями

забытые навсегда стихи приближались на бреющем
полете

пули слов дырявили тротуары люди прятались

в подъездах и на лестничных клетках

смерть — или только забвение — приближалась
неумолимо

Моя катынская стена

этот сон повторяется много лет
однообразный и беспокойный
прикосновение холодного металла
к затылку потом тихий щелчок темнота
кем был Антоний Павляк чью фамилию
я нашел в интернете на Katyn Memorial Wall
пожарным которым я хотел стать
полицейским в которого я играл
офицером гонявшим на полигоне стола
батальоны пластмассовых солдат
а может быть это все-таки я
но как же так получилось
что имя мое и фамилия
приютились на стене
потерянной памяти
на экране глаз молния
сообщения — GAME OVER — у тебя
осталась только одна жизнь

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ НА УЧЕТЕ

Поэзия Антония Павляка (1952 г.р.), соредактора неофициального ежеквартального журнала «Пульс» (1977–81) и автора на шумевшей в свое время книги «Военный билет», язвительного отчета о жизни польской армии времен социализма, в ряды которой автора призвали в наказание, — это растущая мало-помалу коллекция жизненных зарисовок, не всегда хронологически точная, так как из нее складывается личная экзистенциальная хроника пребывания в этом реальном и едином мире, лучшем, по мнению Лейбница, из всех возможных. Но лучший — еще не значит хороший и безопасный, так же, как «обыденный» не значит «обычный». Именно в поэзии Павляка универсальность получает дополнительное измерение благодаря тому, что жизнь как таковая становится творческим жестом.

На протяжении многих лет Антоний Павляк не публиковал новых стихов. Тем больше радуется выход сборника «Мрачные тайны маленьких девочек» (Краков: Официна литератца, 2012). И в нем снова, как и в давних сборниках этого поэта, обнаруживается боль мира — ведь это так тяжело, когда, попивая чай у приятеля, который годами писал на тебя доносы, ты вынужден форсировать повествование:

ситуация крайне неловкая

ведь он знает что я

знаю что он их писал а я

знаю что он знает что я это знаю

Павляк, по обыкновению, выводит точную формулу регистрации действительности. Более всего в этих стихах трогает кажущаяся простота поэтического сообщения о вещах сложных и проблематичных, в данном случае — о цене, которую платишь за попытку понять то, что, казалось бы, легко укладывается в черно-белую схему, но на самом деле самой своей сутью выходит за пределы каких-либо схем и ограничений. Думаю, что эпиграфом к этим стихам может служить строчка из «Интеллигентов» Виктора Ворошильского: «Эти господа интеллигенты / невыносимы (...) / Они сгорают со стыда / за несовершенство мира / на всех кострах». Именно в

таких произведениях, как «Чаепитие у друга» и «Похороны Яцека Куроня», Павляку удастся сберечь то, что, казалось бы, грозит навсегда остаться в прошлом, — кодекс чести польского интеллигента, дотошного аналитика, взвешивающего каждое слово, избегающего поспешных суждений, пытающегося прежде всего понять других, лелеющего давнюю мечту о лучшем из миров: «всё должно было быть не так Яцек (...) / ты говорил / что не будет больше барьеров / в наших сердцах».

Сквозь строчки этих стихов, повествующих о печальной бренности и невыносимой тяжести бытия («Один день из жизни чиновницы»), просвечивает память о мечтах и химерах, о провидческой утопии «стеклянных домов» Стефана Жеромского, с той разницей, что когда-то эти сны были полны надежды и несли в себе толику безумия, а ныне, на солидном расстоянии, стали ироническим воспоминанием, как в стихотворении «Старый поэт готовится к смерти», рассказывающем о давних встречах со старшим коллегой: «потом он обычно звал меня на короткую прогулку по скверу / его неуклюжие шаги отбивающие ритм ненаписанной поэмы / словно бы приглашали на медленный танец он рассказывал мне / о себе — краткий курс истории польской литературы / в слабых тисках метафоры о извечной любви палача и жертвы». Это прощание с тем, кто тоже прощался с давнишними мечтами, кто «так стыдился хотя — как он признавался — ему до сих пор / часто снится песня о Новой Гуте и других / великих стройках социализма». Стоит добавить, что речь в этом стихотворении идет о Викторе Ворошильском, поэте и выдающемся переводчике русской поэзии.

В этой книге много прощаний, много размышлений о человеческих судьбах, вплетенных в ткань истории. Эти же мотивы звучат в безжалостной и одновременно очень спокойной поэме «Гробовой вальс», завершающей книгу и фиксирующей расставание с мечтами о том, как всё должно быть на самом деле. И здесь снова, как это часто бывает в текстах Павляка, появляется пропитанная субстанцией мартирологии Польша, к которой поэт в очередной раз обращается с молитвой:

храни меня

от ежедневных доказательств

моей мужественности

моей польскости моего католичества пусть мою память

*не измеряют могилами героев сделай мою жизнь скучной
и прекрасной словно открытка с видом на Альпы*

В этих стихах нет возвышенного тона и пафоса. Зато преобладают бесстрастная интонация делового отчета и уличная речь, приправленные житейским опытом. Но в то же самое время отображенная здесь повседневность возводится в ранг метафоры, как это происходит в названии стихотворения «Наша жизнь сплошное молчание». Вот почему стихи Павляка могут быть прочитаны как поэтическая хроника молчания.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Настоящее событие лета — выставка в варшавском Национальном музее «Марк Ротко. Картины из Национальной галереи искусства в Вашингтоне». Это первый в Польше монографический показ творчества известнейшего в мире художника, которого у нас до сих почти не знали.

Марк Ротко (наст. имя Маркус Роткович) родился в 1903 г. в Двинске в Российской империи (ныне Даугавпилс в Латвии), ребенком попал в Америку с родителями-эмигрантами. Он принадлежит к поколению, создавшему великое американское искусство. Его полотна — абстракции, которые называют «живописью полуцвета», — достигают заоблачных цен на мировом рынке искусства. Картина «Оранжевое, красное, желтое» (1961) в прошлом году была продана аукционным домом «Кристи» за 86,9 млн. долларов, побив все ценовые рекорды современного искусства.

Варшавская выставка охватывает все периоды творчества Ротко — от ранних реалистических картин до крупноформатных работ периода наибольшей славы художника в 50-е и 60-е годы прошлого века. Представлены также материалы из семейного архива, например редко выставляемая «The Graphic Bible» раввина Льюиса Брауна, иллюстрированная Ротко, и подборка любимых художником книг и пластинок. Дополняет экспозицию проект Никола Гроспьера — фотографическая экскурсия в прошлое, в Двинск. Выставка, почетное покровительство над которой принял президент Польши Бронислав Каморовский, проходит с 7 июня по 1 сентября.

В варшавском Театре польском 15 июня прошла предпремьера последней пьесы Славомира Мрожека «Карнавал, или Первая жена Адама». Режиссер спектакля — Ярослав Гаевский. А сам автор приехал по этому случаю из Ниццы в Польшу. Заглавная первая жена Адама — это известная из талмудической традиции Лилит. Она должна была уступить созданной из ребра Еве, так как была слишком независимой и сексуально раскрепощенной, пишет в «Газете выборчей» Витольд Мрозек. И добавляет: «Секс стоит в центре «Карнавала». Чего мы тут не найдем! Старик Гёте с молодой любовницей Маргаритой, отсылки к шекспировскому «Сну в летнюю ночь» и, наконец, доверительный разговор о средствах от импотенции. Мрожек

удачно использует банальность банкетной болтовни, изменяет маски и конфигурации пар мужчин и женщин. Четыре акта «Карнавала» распадаются на десятки коротких сцен. Среди них сцены супружеской ревности, флирт подшофе и «small talks» между Сатаной и Епископом». В конце критик задается вопросом: не становится ли эта фиеста с сексуальными излишествами и утренним похмельем своего рода исполненным самоиронии жизненным итогом? Сам писатель в одном из интервью определяет «Карнавал» иначе: эта пьеса — остатки.

Петр Фрончевский (род. в 1946 в Лодзи), актер варшавского театра «Атенеум», а также известный артист радио и телевидения, в этом году получил премию имени Тадеуша Боя-Желенского за выдающиеся актерские достижения, в особенности за спектакль «Я, Фейербах» по пьесе Танкреда Дорста (премьера состоялась в феврале 2013). Для Фрончевского, который сыграл главную роль, это одновременно был и режиссерский дебют. Премия имени Тадеуша Боя-Желенского учреждена в 1957 г., она присуждается выдающимся деятелям польского театра. Среди лауреатов, например, Эрвин Аксер, Тадеуш Ломницкий, Казимеж Деймек, Ежи Яроцкий, Тадеуш Кантор.

15 июня в Кракове Агнешке Холланд и о. Михалу Хеллеру вручили медали святого Георгия — почетные награды, присуждаемые «Тыгодником повсехным» за борьбу со злом и последовательное утверждение добра в общественной жизни. Холланд награждена за «духовное беспокойство и поиск для него художественного выражения», как в сериале «Неопалимая купина» (посвященном чешскому студенту Яну Палаху, который в 1969 г. совершил самосожжение, протестуя против оккупации Чехословакии войсками Варшавского договора), а также «за смелость постановки метафизических вопросов и серьезность трактовки этических проблем».

Философ и богослов, профессор Михал Хеллер получил медаль за «героическую борьбу с невежеством — гордыней разума и алчностью веры. За терпеливое объяснение, что относится к компетенции науки и к невраждебному ей замыслу Творца». Медаль св. Георгия присуждается уже 20 лет. Капитул премии возглавляет о. Адам Бонецкий, а в числе лауреатов были о. Аркадиуш Новак, Янина Охойская, Яцек Куронь, Ежи Овсяк, Марек Эдельман, Тадеуш Мазовецкий, Вацлав Гавел, Норман Дэвис, Барбара Скарга, архиепископ Юзеф Житинский.

Лех Валенса, Кароль Модзелевский (выдающийся деятель оппозиции в ПНР и крупный медиевист), а также создатели

фильма «Последствие» получили 12 июня во Дворце на Острове в варшавских Лазенках статуэтки «Орла Яна Карского», присуждаемые тем, кто «достойно о Польше умел печалиться». Валенса награжден «за изменение облика Европы и мира», профессор Модзелевский — «за изменение облика Польши», а создатели «Последствия», фильма режиссера Владислава Пасиковского, «за смелость сказать «нет» антисемитизму».

Премия «Орел Яна Карского» присуждается с 2000 г. полякам и имеющим заслуги перед Польшей иностранцам. Ее учредил незадолго до своей смерти сам Карский, курьер Польского подпольного государства, который первым передал лидерам западных союзников информацию об уничтожении евреев. Капитул премии состоит из лиц, удостоенных ее в предыдущие годы. «Орлы Яна Карского» ранее присуждались, в частности, Яцеку Куроню, о. Юзефу Тишнеру, бурмистру Едвабне Кшиштофу Годлевскому, Мареку Эдельману, Тадеушу Мазовецкому, Адаму Михнику, епископу Тадеушу Перонеку, Ориане Фаллачи.

Днем ранее перед зданием варшавского Музея истории польских евреев была открыта «Скамейка Яна Карского» работы Кароля Бадыны. Это уже третья в Польше, наряду со скульптурами такого типа в Лодзи и Кельце, скамейка, посвященная легендарному курьеру. В мире есть еще три: в Вашингтоне, Нью-Йорке и Тель-Авиве.

13 июня премьер Израиля Беньямин Нетаньяху и министр культуры Польши Богдан Здроевский открыли в Государственном музее Аушвиц-Биркенау новую экспозицию, посвященную уничтожению евреев. Выставку под названием «Шоах» в течение четырех лет готовил иерусалимский Институт памяти мучеников и героев Катастрофы «Яд Вашем». Экспозиция размещена в блоке №27 бывшего лагеря «Освенцим-1». Она аскетична по форме и современна — благодаря использованию мультимедиа. «Мы понимали, что тот, кто сюда придет, проведет здесь тридцать минут. Выставка обращается к визуальному восприятию, чтобы посетители как можно больше из нее вынесли и задумались над тем, что они увидели», — сказал Авнер Шалев, куратор экспозиции, директор «Яд Вашем».

Череда залов показывает еврейский мир до Катастрофы, зарождение нацизма, Катастрофу с картой «географии преступления», переживания жертв и уцелевших, уничтожение самых юных (во время войны потеряли жизнь полтора миллиона еврейских детей). Огромное впечатление производит зал с Книгой имен. На специальных таблицах

написаны имена и фамилии 4,2 млн. европейских евреев, сведения о которых удалось найти институту «Яд Вашем». «Мы хотим здесь вспомнить каждого погибшего. Все время ищем новые имена. За два года мы должны установить персоналии пяти миллионов человек», — сказал Шалев.

Веслав Мысливский, автор романов «Камень на камне», «Горизонт», «Трактат о лущении фасоли», получил в конце мая медаль «За гражданскую мудрость», присуждаемую ежемесячным журналом «Краков». Писатель награжден за то, что в своих книгах «верно отражает судьбы поляков». Ян Пещахович, главный редактор журнала, сказал, что, хотя Мысливского относят к крестьянскому направлению польской литературы, его творчество универсально: «Писатель — чуткий и объективный наблюдатель общественных и бытовых изменений в Польше, из которых возвращает более широкие суждения о современном мире».

А профессор Станислав Буркот в поздравительной речи подчеркнул, что романы Мысливского — это нечто исключительное в современной польской литературе, ибо они укрепляют чистоту языка.

«Удивительна стойкость Мысливского перед языковыми извращениями масс-медиа, вторжением сленга в литературные тексты, новоязом публичных выступлений. Словно бы он и не из нашего истеричного времени погони за успехом любой ценой. Его ремесло характеризует бенедиктинское терпение и трудолюбие в фиксации, упрочении и реконструкции языка, преимущественно живой речи, а не доносящейся из динамиков», — добавил профессор Буркот.

Медаль «За гражданскую мудрость» присуждается с 2006 года. Ее получили Анджей Цолль, Лешек Бальцерович, Кароль Модзелевский, Казимеж Куц, Ежи Стемпень, Даниэль Ротфельд, Анджей Романовский.

В июне исполнилось 30 лет со дня смерти Мирона Бялошевского (1922–1983). Его поэзию определяли как лингвистическую, а сам Бялошевский называл себя «неумехой слов». В поэзии, прозе и драматических произведениях он сознательно отказывался от литературного языка, черпая вдохновение в обыденной речи со всеми ее несовершенствами. Его восхищали повторы, оговорки и ошибки. Темой его стихотворений и прозаических форм, представленных, в частности, в сборниках «Доносы действительности» или «Шумы, клейки, полосы», была прежде всего повседневность — баня, базар, микрорайон.

Самым банальным предметам и явлениям он придавал новое, зачастую едва ли не сакральное измерение. Свои драматические произведения он ставил в домашнем театрике на Тарчинской, которым начался польский послевоенный театральный авангард. Одно из самых оригинальных произведений Бялошевского — «Дневник Варшавского восстания» (1970), представляющий без пафоса, с точки зрения штатского человека, повстанческие будни 1944 года.

В связи с 30-летием со дня смерти писателя Литературный музей подготовил большую выставку «Бялошевская Варшава. (Эти лежания-летания-трансы...)». Ее автор, хранитель музея Малгожата Виховская, отмечает: «Бялошевский, о котором сегодня говорят: он для меня, пожалуй, слишком плебейский, — утоплен в анекдотах, помещен в дворовые пространства, трактуется как «сторож-фонарщик многоквартирных муравейников». Мне кажется, что мы таким образом мистифицируем и умаляем фигуру великого, хотя и столь скромного поэта. На нашей выставке мы не рассматриваем Мирона как варшавского хроникера, хотя и привлекаем места, связанные с ним. Образы зданий и близких Мирону людей составляют материю выставки. Ведущий мотив — это дом: от Лешной, 99, где он родился, до Хожей, 72, где умер. Но в «Бялошевской Варшаве» через образы города и людей мы стремимся добраться до внутреннего пространства Мирона».

Зита Оришин, писательница, журналистка и переводчица, стала лауреатом присуждаемой во второй раз Всепольской литературной премии «Грифия» для женщин-литераторов. Жюри под председательством профессора Инги Ивасюв наградило ее за «Спасение Атлантиды» (издательство «Свят ксёнжки»). В романе замечательно описываются житейские передрыги переселенцев с восточных рубежей Польши в бывший немецкий городок в Нижней Силезии (фрагменты в этом номере «Новой Польши»).

Альбом «Рышард Капустинский. Фотобиография» (издательство «Veda») — жизнь репортера в фотоснимках, — был отмечен в июне как книга месяца «Литературным журналом КНИГИ».

«Это прекрасно изданный красивый альбом», — такую оценку дал Мариуш Щигел (репортер, автор знаменитой книги «Готтланд») на презентации в варшавском клубе Института репортажа «Видение мира». Мацей Садовский называет свою публикацию иконографическим компендиумом. Он автор уже двух подобных работ — о Марии Кюри-Склодовской («Студии Эмка») и о Януше Корчаке («Искры»).

В книге-интервью «Мой ПЕН-клуб» (PWN — Польское научное издательство) опубликованы воспоминания Владислава Бартошевского. Беседы вели Ивона Смолька, вице-председатель польского ПЕН-клуба, и Адам Поморский, его председатель. Книга рассказывает о членстве Бартошевского в этой организации, в которую он был принят в 1969 г., в течение многих лет был ее секретарем и председателем, а в настоящее время исполняет функции почетного председателя. По мнению Поморского, самое главное в публикации — это свидетельство преемственности традиций интеллигентской среды, объединяемой ПЕН-клубом.

Польская адвокатура почтила память умершего в 2011 г. архиепископа Юзефа Житинского. Силами национального адвокатского сообщества предпринято издание в шести дисках, посвященное памяти люблинского митрополита. Диски (издательство «DUX») содержат записи органной музыки и уникальную подборку выступлений архиепископа Житинского — три музыкальных диска и три диска со словом. На последних представлены, в частности, лекции и особо памятные речи — например, на похоронах о. Юзефа Тишнера и Чеслава Милоша. Музыкальная часть издания включает записи, выполненные в костеле в Казимеже-Дольном, в люблинском костеле Обращения св. Павла и в органном зале Краковской филармонии.

В двуязычной брошюре, приложенной к дискам, приводятся высказывания о люблинском митрополите. Своими воспоминаниями поделились, в частности, Владислав Бартошевский, о. Михал Хеллер, Ежи Помяновский и Эва Липская.

Адвокат Станислав Клыс, член Высшего адвокатского совета, главный инициатор издания, сказал: «Предмет нашей заботы — не только охрана достоинства личности и гражданских прав, но и высшие ценности культуры». В 2008 г., к 90 летию создания польской адвокатуры, люблинский митрополит получил высшую награду, присуждаемую адвокатурой, — «За заслуги».

Инициатива адвокатского сообщества заслуживает уважения и признания, тем более что польская Церковь, пожалуй, до сих пор не отдает себе отчета в том, кого она потеряла. Стоит напомнить высказывание проф. Эльжбеты Валицкой в интервью, которое она дала «Тыгоднику повсехному» в феврале 2012 г., в первую годовщину смерти люблинского митрополита: «Я думаю, что если бы Житинский был жив, он всё так же занимался бы множеством дел. Он был человеком,

который действительно не выносил застоя. Поэтому и возникали — и до сих пор возникают — стихийные протесты против него: очерняют в интернете, обвиняют в масонстве, коверкают фамилию — Жидинский и т.п. Архиепископ сражался против стереотипов и предрассудков со страстью, которая вызывала противодействие. Однако он не был революционером — скорее, поборником неустанной системной работы по построению основ христианского единения».

Интервью, которое взял Артур Спорняк, было озаглавлено «Дон Кихот Польской Церкви».

Прощания

10 июня умер Вальдемар Холодовский, выдающийся кинокритик, многолетний член Объединения польских кинематографистов, автор написанной непосредственно перед введением военного положения книги «Страна незрелости», в которой он подвел итоги своих «25 лет в кино».

Как вспоминает Тадеуш Соболевский, Холодовский принадлежал к тому же самому блестящему поколению критиков, что и Рафал Маршалек, Анджей Вернер или Кшиштоф Ментрак. «С шестидесятых годов он был душой дискуссий в киноклубах, — вспоминает Соболевский, — печатался в культурных еженедельниках, активно участвовал в интеллектуальном брожении, которое после 1956 г. охватило польское кино, польскую культуру и продолжалось до 1980 х. Это значительная фигура в мире польского кинематографа для тех, кто помнит те годы. Долгое время он оставался в тени, болел». Вальдемару Холодовскому было 70 лет.

ПЕРЕВОДЧИК И ЕГО ПИСАТЕЛЬ

Легко ли переводить живых писателей? Каково положение переводчиков в Польше? Что стало бы с литературой, если бы все люди на земле были счастливы? Об этом и о многом другом говорили переводчики, писатели, читатели, издатели и литературоведы на фестивале «Обретенное в переводе» («Odnalezienie w tłumaczeniu»), который впервые состоялся в Гданьске в конце апреля. В этом году акцент был сделан на переводе шведской литературы на польский и польской литературы на шведский язык.

Не писатель и его переводчик, а наоборот — переводчик и его писатель: под этим девизом прошли первые Гданьские встречи переводчиков литературы. В центре внимания оказались люди, имена которых не появляются на обложках, не попадают на рекламные плакаты и далеко не всегда включаются в пресс-релизы книжных новинок. Люди, без которых мы были бы обречены оставаться в границах одного языка и одной культуры — во всяком случае большинство из нас.

Поначалу складывалось впечатление, что сделать успешный фестиваль вокруг такой, казалось бы, узкоспециальной темы, как литературный перевод, — дело безнадежное. Тем более, что Тригород [Гданьск, Гдыня и Сопот] — не самое «книжное» место в Польше: мероприятия одной из главных литературных премий страны, премии «Гдыня», проходят здесь в маленьком театральном зале, а собрать стадион под силу разве что встречам путешественников.

Но на первом же вечере в рамках «Обретенного в переводе» зал был полон, и в 11 утра в выходной день тоже было не найти свободного места.

Каждый день фестиваля, организованного гданьским Институтом городской культуры, проходил в новом месте, в том числе в университете. Теоретическую часть дополняли переводческие семинары для студентов, а дискуссии о переводе детской литературы сопровождались мастер-классами для детей и их родителей.

В своей книге «Сохраненное в переводе», название которой перефразировано в названии фестиваля, Станислав Баранчак, переводчик Одена, Бродского, Шекспира и (на английский)

Херберта, писал, что даже если снабдить читателя всеми подстрочниками, всеми вариантами, всеми комментариями автора и записями его разговоров с переводчиком, даже если дать ему номер телефона, чтобы он мог в любое время дня и ночи (к большому удовольствию автора) задать ему вопрос — это и так не дало бы читателю равных шансов.

«Перевод — дело невозможное, и в то же время очень простое. Это акт итогового, самого глубокого чтения» — считает Андерс Бодегард, переводчик Гомбровича и Флобера на шведский. И добавляет, обращаясь к «своему» поэту Адаму Загаевскому: «Я вор, я украл у тебя текст, он тебе больше не принадлежит. Но я же и твой благодетель».

Поэтому, наверное, одним из самых интересных моментов переводческой «кухни» был вопрос взаимоотношений автора и переводчика.

Стефан Ингварссон, переводчик «Любиево», рассказывал о том, что начал по-настоящему понимать Витковского и то, насколько важна для него разговорная стихия, только после того, как съездил с ним в Лихень, где тот подсаживался на скамейки к паломникам и расспрашивал их о дороге и гостинице.

Оказалось, что Андерс Бодегард и Адам Загаевский знакомы много лет и часто общаются, но о поэзии не говорят практически никогда.

В какой-то момент прозвучало мнение одного из переводчиков о том, что ни в коем случае не стоит обращаться к автору с вопросами, потому что он будет опровергать то, что написал, или тут же создаст совершенно новое стихотворение, не имеющее отношения к переводимому. Кто-то пошутил, что лучше всего работается с покойными авторами.

Ирена Грёнберг призналась, что не раз советовала Дариушу Суске перестать рифмовать, потому что верлибры лучше переводятся на шведский, а Тадеуш Домбровский — в том, что с Иреной ему повезло больше, чем с женой: «Это как ссориться с женой — каждая мелочь вызывает разногласия, ни о чем не договоришься. А я очень придирчив, спрашиваю про каждое слово в переводе. С Иреной мне повезло, в этом смысле она просто идеальная жена».

Андерс Бодегард рассказал, что один из главных приемов его переводческой мастерской — многократное чтение вслух, вслушивание. В результате работы над переводами Виславы

Шимборской он пришел к выводу, что огромное значение в ее поэзии имеет дыхание.

Наконец, писатель и переводчик Збигнев Крушинский заметил, что автор пишет раз и навсегда, а в переводе последнего слова быть не может — ведь всё можно сказать иначе.

О своих переводческих опытах рассказывали Яцек Денель и Юлия Федорчук. Прозаики Иоанна Батор, Гражина Плебанек, Щепан Твардох выступали как «переводчики действительности» в рамках встречи с писателями путешествующими и «оседлыми».

Шведская писательница Майгуль Аксельссон прекрасно говорила не только о женщинах (встреча с ней, открывающая фестиваль, была озаглавлена «Всё о женщинах»), но и о том, как язык и литература реагируют на социальные изменения. Например, как в современный шведский возвращаются пейоративы по адресу женщины, казавшиеся безнадежно устаревшими во времена сексуальной революции 1960 х. Одна из слушательниц спросила писательницу, в чем секрет счастья. «Не надо достигать счастья, — сказала Аксельссон. — Дело не в счастье, а в ощущении смысла. В мире, где все станут счастливы, литература будет обречена на голодную смерть!»

Отдельная дискуссионная панель была посвящена влиянию современных технологий на сферу перевода, положению переводчиков в Польше и Швеции, роли творческих объединений (в фестивале принимал участие также Адам Поморский, председатель польского ПЕН-клуба).

Был представлен отчет о финансовом, правовом, социальном статусе переводчика и ситуации на издательском рынке, подготовленный переводчиком с нидерландского Славомиром Пашкетом по заказу Института книги.

Конечно, затрагивался и вопрос критики перевода, а также вопрос роли редактора, корректора и издателя в том, каким будет конечный «продукт». В частности, осуждалась издательская политика экономии (и непрофессиональные переводы как ее последствие), поспешности и того, насколько перевод отвечает за судьбу того или иного автора в данной стране (слабый перевод как приговор и наоборот — удачный перевод как условие популярности).

Анна Топчевская рассказала о парадоксальном случае, когда ее перевод любовного романа с норвежского издательство посчитало «слишком хорошим» для целевой аудитории.

Проблеме читателя было посвящено также выступление Адама Поморского, переводчика Достоевского, Мандельштама и Рильке.

Принято говорить, что перевод — это «искусство потерь». Но если с точки зрения переводчика потери неизбежны, то для читателя перевод — это обретение. Точно так же, как и для автора: с переводом он обретает новую аудиторию, новое звучание, становится частью нового языкового пространства. В этом и состоит, наверное, главный смысл такого фестиваля — создать условия для встречи читателя, писателя и переводчика, где переводчик — самый необходимый человек. Оказалось, что труд переводчика — этот скрытый от посторонних глаз, но невероятно увлекательный опыт общения — может быть интересным и важным отнюдь не только «книжным» профессионалам, но и самой широкой аудитории.

ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ

Призрак бродит по Европе — призрак гомосексуализма. Чем дальше на Запад, тем грозней скалит он клыки. Трепещите, гетеросексуальные народы, ибо конец ваш близок. Пала Испания, пала Португалия, пала Исландия. Во Франции защитники гетеросексуальной линии Мажино еще бьются с полицией, но это есть их последний и совсем не решительный бой, так как объединенные силы геев и лесбиянок обогнули их укрепления и без боев заняли Голландию, Бельгию, Данию, Швецию, Норвегию.

Нет спасения! Уже и консервативный премьер Дэвид Камерон радостно приветствовал принятие закона, легализующего в Великобритании однополые браки, заявив — как и пристало прирожденному консерватору, — что это большой шаг вперед.

Правда, Варшава не легализовала гомосексуальные браки, но здесь идут дискуссии об учреждении партнерских союзов, а по улицам польских городов проходят «парады равенства», требующие признания прав гомосексуалистов. Польские силы гетеросексуальной цивилизации еще оказывают значительное сопротивление, но, наблюдая за направлением перемен на Западе, можно быть уверенным в том, что как Польша, так и вся Центральная Европа рано или поздно угодят в лапы геев и лесбиянок.

Восток пока держится, но и здесь заметны первые симптомы гангрены. В мае, в Международный день против гомофобии, грузинские гей-активисты хотели продефилировать по Тбилиси в защиту прав гомосексуалистов. К счастью, это не осуществилось благодаря многотысячным толпам сторонников гетеросексуальной нормальности под руководством церковников. «Не позволим этим больным людям проводить парады геев в нашей стране. Это противоречит нашим традициям и нашей морали», — говорили журналистам представители здоровой части нации.

О том, как велик был гнев грузинского народа, свидетельствуют высказывания участников блокированного парада. «Они просто хотели нас убить, я думала, что мы не выйдем оттуда живыми», — говорила одна из женщин. Полиция эвакуировала

активистов гей-движения, пробив узкий проход среди разъяренной толпы.

Иной метод противодействия всеевропейскому моральному разложению выбрала российская Дума, которая запретила распространение среди несовершеннолетних информации о «привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений», а также о «равноценности традиционных и нетрадиционных отношений». Очень правильное решение. Насколько губительными могут стать последствия распространения такой информации, можно узнать, прочитав «Коноплянку» — известный в Польше роман писателя Эдварда Редлинского. Интересно, знаком ли российским депутатам этот текст, которому уже почти полвека?

Герой книги — деревенский мужик, живущий в традиционной общине среди лесов и болот польско-белорусского пограничья. В этой уединенной деревушке, не имеющей повседневного сообщения с внешним миром, неожиданно появляется молодая учительница, которая привозит с собой незнакомые обычаи и достижения цивилизации. Радио, книги, новые наряды, блюда и другие удивительные вещи. Однако самый большой шок герой переживает, когда, забравшись на дерево, заглядывает вечером в окно ее комнаты, в которой она принимает приятеля из города. Герой, онемев, видит в свете горящей лампы, как учительница, совершенно голая, сидит на таком же голом приятеле. Невероятно! С тех пор как свет стоит, всегда мужик залезал на бабу, а не наоборот. И всегда в потемках.

Получив информацию о привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, герой романа, под впечатлением, для начала падает с дерева, а потом переживает внутренний перелом и домогается от своей жены чего-то подобного. Убережем же нашу молодежь от такой судьбы! Сохраним наш гетеросексуальный мир! Сохраним нашу цивилизацию, если от нее вообще еще что-то осталось!

ФЕСТИВАЛЬ «ДА! ДА! ДА!»

В театрах и кинозалах Варшавы с 17 мая по 22 июня проходил фестиваль «Да! Да! Да! Современный театр, драма и перформанс из России». Фестиваль — это более семидесяти художественных событий: спектакли, концерты, кинопоказы. Спектакли из России увидели свыше 3300 зрителей, а 1500 участвовали в сопутствующей программе.

Фестиваль «Да! Да! Да!» проводился на главных сценах столицы: в Национальном («Народовом») театре, театре «Студио», Драматическом театре, театре «Розмаитости», а также в Центре искусства «Картоновня», кинотеатре «Иллюзион» и на других площадках. Кураторами масштабного мероприятия, организованного Институтом Адама Мицкевича и руководством фестиваля «Золотая маска», были Агнешка Любомира Пётровская и Роман Павловский.

Среди представленных театральных спектаклей оказались, в частности, «Горки-10. Уроки русской литературы» Дмитрия Крымова, «Лир. Комедия» Константина Богомолова, «Разожги мой огонь. Этюды из жизни Джима Моррисона, Дженис Джоплин и Джимми Хендрикса» Саши Денисовой и Юрия Муравицкого, «Узбек» Толгата Баталова. Состоялась также польская премьера пьесы 39-летнего белорусского драматурга Павла Пряжки «Жизнь удалась» в постановке Марата Гацалова.

Фестиваль стал первым за многие годы столь обширным показом русского театра в Польше. Были представлены новые явления и направления в российской режиссуре, драматургии и актерском искусстве. Польскому зрителю стали ближе такие гиганты российской сцены, как Лев Додин и Константин Богомолов.

Замысел мероприятия зародился в Москве в 2011 г. в связи с выступлениями польских театров на фестивале «Золотая маска». Тогда российскому зрителю показали свои спектакли Кристиан Люпа, Кшиштоф Варликовский, Гжегож Яжина и Майя Клечевская. «Эти спектакли вызвали весьма оживленное обсуждение в российской артистической среде и размышления о собственной театральной работе», — отметила на пресс-конференции Мария Ревякина, генеральный директор фестиваля «Золотая маска». А Роман Павловский сказал: «Представленные спектакли рассказывают о борьбе с

тоталитарным прошлым России, а вместе с тем о динамичных изменениях, связанных с пробуждением гражданского общества и новыми явлениями культуры».

Так их и восприняли.

«Только что завершившийся фестиваль «Да! Да! Да!», — пишет на страницах «Жечпосполитой» Ян Бонча-Шабловский, — показал несомненно новый, неизвестный в Польше облик российского театра. Было много сюрпризов и немало открытий.

Русские часто демонстрировали откровенное раболепие перед собственной историей, а любые попытки демифологизации некоторых фигур или отталкивания от некоторых современных явлений трактовали как brutальное вторжение во внутренние дела великой державы. На фестивале «Да! Да! Да!» оказалось, что может быть иначе.

Лучше всего доказал это Дмитрий Крымов в спектакле «Горки 10». Выдержанное в интонации гротеска, представление было карикатурным уроком советской литературы. Из таких патетических произведений, как «Кремлевские куранты» или «А зори здесь тихие», выпущен воздух. В гротескном тоне представлены Ленин и Дзержинский. В одном из эпизодов вождя большевиков играла женщина».

Критика «Жечпосполитой» особенно взволновал «Король Лир» — спектакль Константина Богомолова: «Режиссер перенес шекспировского героя во времена Отечественной войны. Более того, сравнил сталинскую идеологию с гитлеровской, а коммунизм — с нацизмом».

«Праздником театра, — продолжает Ян Бонча-Шабловский, — безусловно, стал спектакль «Жизнь и судьба», волнующая инсценировка романа Василия Гроссмана, осуществленная хорошо известным в Польше Львом Додиным. Болезненные счеты с историей показаны через судьбы семьи, живущей в советской России во времена Второй Мировой войны. Сцена, перегороженная металлической сеткой, делит действие на два мира. Поучительное столкновение мира государственных чиновников, представителей аппарата террора, — и обычных людей».

Подводя итоги, Бонча-Шабловский благодарит фестиваль «Да! Да! Да!» за возможность знакомства с новым, неизвестным обликом российского театра. Он отмечает, что фестиваль способствует разрушению стереотипов в отношении России, укорененных в нашем сознании. «Ценнейшим достижением

фестиваля, — пишет критик, — стал бы постоянный
театральный обмен между нашими странами. Визит поляков в
Москву и русских в Варшаву убеждает, что обе стороны могут
много предложить друг другу».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Безусловно, лет через пятьдесят дискуссия на тему «идентичности» (национального облика и самосознания), которая в последнее время ведется в Польше, покажется исследователям невероятно интересным явлением. В самом деле, книг и статей, посвященных этому вопросу, появилось после 1989 г. множество, и в своей массе они составляют важнейший тренд, формирующий отношение поляков к преобразованию общественно-политической системы. Недавно новый импульс этой дискуссии придала книга Михала Лучевского «Вечная нация». Книге и связанным с ее темой вопросам в последнем номере «Пшеглёнда политичного» (2013, №118) посвящена подборка материалов, включающая редакционную дискуссию историков и социологов, рецензию Кшиштофа Яскуловского с подробным разбором книги, перевод эссе американского профессора политологии Уолкера Коннора «Когда рождается нация» и перепечатку очерка профессора Тадеуша Лепковского «Упрямое сохранение польскости», опубликованного в 1989 г. на страницах эмигрантского журнала «Анекс».

В работе Лучевского, говоря максимально кратко, рассматривается процесс обретения национальной идентичности крестьянами маленькой деревни Жмёнца. В этом процессе в условиях разделов особую роль сыграла католическая Церковь, прививая локальной общине мышление в национальных категориях, из чего можно (хотя и не обязательно) сделать вывод, что именно Церковь сыграла решающую роль в сохранении нации при отсутствии политического бытия польского государства во второй половине XIX века, т.е. в период, когда на Западе росли и крепили структуры национальных государств. Ежи Шацкий, принявший участие в дискуссии, замечает:

«Книга Лучевского для меня необычайно интересна, потому что обычно о формировании национального самосознания говорят в категориях больших идеологий, структур и процессов, а здесь вопрос касается прежде всего «низов» — процесса, который происходит в отдаленной деревне, приводя в ней к тому, что идея, зародившаяся как идея шляхетской

нации, шаг за шагом становится надгосударственной идеей. Процесс обретения национального самосознания народными массами сравнительно редко описывался с такой точки зрения и столь детально и всеохватно. Для меня это самое интересное в книге. Тем более вызывает интерес подробное рассмотрение того факта, что вовлечение крестьян в их принадлежность к нации осуществляется не в рамках национального государства, а прежде всего (в данном случае) в рамках прихода. Огромная разница! По моему мнению, это не значит, что уравнение «поляк = католик» оказывается, таким образом, бесспорным. Аналогичный процесс происходил и несколькими уездами дальше, где поляками становились лютеране, а также в среде тех не имеющих государственности народов, где не было столь выраженного религиозного большинства, как в Польше, или где религиозность в процессе становления нации играла меньшую роль. Так или иначе, взгляд на этот процесс «снизу», который предлагает Лучевский, привносит в дискуссию о рождении современной польской нации очень много нового».

Интересным кажется также высказывание самого Лучевского, касающееся исторической изменчивости национальных установок: «Сто и более лет назад можно было, будучи взрослым человеком, стать поляком. Перестать быть «тутошним», австрийцем или немцем. Это был вопрос выбора, потому что было такое время в истории, когда мы могли выбирать, к какой нации будем принадлежать. (...) Сегодня это труднее. Если говорить о вопросе «Зачем нам нация?», то это фундаментальная проблема. У меня нет окончательного ответа. Если есть католичество или имперская идея, то зачем еще и нация? Я и сам бы хотел узнать ответ. Могу лишь предполагать, что нация — это идеология, которая мобилизует и дает субъектность данной группе. (...) Пока что нации — это самые крупные группы, о которых мы можем говорить, что они обладают субъектностью, что могут изменять действительность. Таков мой ответ. Почему нация? Потому что это наиболее эффективный способ мобилизации».

Для меня в данном высказывании самое главное вот это «пока что». Национальное государство, сформировавшееся прежде всего на Западе, — это, как можно полагать, исторически преходящая структура, хотя никто не в состоянии предсказать направление изменений глобализирующегося общества, в котором, как нетрудно увидеть, мы имеем дело с нарастающим, сравнимым с тем, что происходило в период великого переселения народов, процессом перемещения больших групп людей, попадающих часто в далекие от их родины страны и тем или иным образом смешивающихся с

«туземцами». Состоявшийся в Варшаве в середине июня конгресс радикальных, национально настроенных правых в качестве одной из основных своих целей назвал противодействие возникновению в Польше мусульманских или еврейских кластеров. Насколько наивно, настолько и глупо. Эти процессы неизбежны, даже в столь «эффективно мобилизованных» США, граждане которых носят со своей «американскостью». Но там больше подчеркивается гражданство, а не этничность: понятие «американская нация» не означает разрыва с многоразличными традициями иммигрантов. Довольно существенным в этом контексте представляется возникновение или переосмысление значения и роли локальных общностей — например, сформировавшейся в Польше на приобщенных после Второй Мировой войны прежних немецких территориях или той, которая в то же самое время формировалась в Калининградской области. Это вопросы, которые уже довольно долгое время поднимает на страницах ольштынского журнала «Боруссия» историк Дональд Траба, один из создателей Культурного сообщества «Боруссия». Он обращается к понятию «открытого регионализма», в частности в недавнем интервью, опубликованном в 52 номере журнала и озаглавленном «Насущность и польза открытого регионализма»:

«Этим термином (...) я начал пользоваться интуитивно для определения модели общественной активности ольштынской «Боруссии» в контексте различных оживлявшихся после 1989 г. форм региональных движений. Стоит напомнить, что тогда мы переживали не только большое изменение политической системы, но также невиданную активизацию инициатив снизу, положивших начало подлинным гражданским движениям. Отсюда децентрализующие тенденции, «бунт провинций» и т.п. (...) Открытый регионализм, обращаясь к культурному наследию места, где мы живем, нашей приватной малой родины, обращен к будущему. Через конкретные инициативы мы стремимся участвовать в создании объединяющейся Европы, Европы этнических родин, в конструировании литовского, польского, русского, а параллельно и европейского регионального будущего. Эта идея вырастает из потребности локального действия и формирования универсального, гуманистического мышления о мире, построения новой региональной идентичности. (...) Открытый регионализм — это *work in progress*, ведущаяся сейчас работа. (...) Текучая современность (в понимании Зигмунта Баумана) требует от нас постоянного пересмотра идентичности и поиска для нее точек отсчета. (...) Идентитарных полей много. Больше, чем когда-либо. Одним из

них, несмотря на мобильность, подвижность современного общества, остается фактор постоянства — пространства, местности. Чем более открытым становится мир, чем быстрее и дальше мы можем путешествовать, тем более нам необходимо определиться в конкретном месте. Открытый регионализм должен служить не ксенофобскому, а дружественному укоренению, лучшему пониманию инаковости».

И, наконец, еще один фрагмент интервью, в котором Траба говорит о конфронтации: «Может, и хорошо, что некогда скрытые политические тенденции национализма стали сегодня явными. По меньшей мере мы знаем, чему реально должны противостоять. Так называемая угроза национальной идентичности со стороны децентрализирующих региональных движений — это фрагмент идеологии и политической стратегии некоторых популистско-националистических сил. К сожалению, тенденция к радикализации национализма приобретает сегодня европейский масштаб, а в Польше усилена идеологическим раздором после 2010 года».

В то же время региональное мышление имеет не только пространственное, но и историческое измерение, касается ли то регионов, утраченных отдельными странами, как это имеет место в Польше или Германии, а также многих балканских стран, или же территорий, тем или иным образом, но, как правило, при драматических обстоятельствах обретенных, на которых происходит более или менее успешный процесс укоренения пришельцев. Память местности, особенно историческая память, — это неперенный фактор, формирующий локальную идентичность. Стереть прошлое редко кому удастся, поэтому неудивительно, что немецкая культура сохраняет культурный опыт Нижней Силезии или Восточной Пруссии, а польская культура обращается, сейчас уже без цензурных рогаток, к опыту утраченных восточных земель: в конце концов, без «украинской школы» со Словацким во главе не было бы современной польской поэзии. С другой стороны, из прошлого извлекается и участвует сегодня в создании идентитарного опыта «чужое» наследство, как, например, в Гданьске или Калининграде. Региональный текст — это своего рода палимпсест, который следует читать внимательно.

Так, собственно, и происходит в монографическом номере варшавского ежеквартального журнала «Текстуалия» (2013, №2) под редакцией Петра Мицнера и Халины Дубык, посвященного «волынскому тексту». Журнал представляет

невероятно богатую панораму этого текста, выделяя в нем поочередно сюжеты русские («Русский волынский текст», представленный, в частности, «Лирником» Льва Гомолицкого), польские, еврейские, поликультурные, цыганские, чешские и, наконец, что очевидно, украинские. Во вступлении к номеру говорится:

«Тема этого номера — Волынь, или, иначе говоря, волынский текст. Замысел пришел от польской литературы — волынской поэзии межвоенного двадцатилетия и послевоенных реминисценций в произведениях писателей, которые, несмотря на цензурные ограничения, пробовали возвращаться к опыту детства и молодости. Понятно, что на Волыни поляки составляли национальное меньшинство: здесь главным образом жили украинцы, а кроме того, евреи, русские, чехи и немцы. Каждая национальность создавала собственный вариант «волынского текста». Мы попытались, как минимум, предварительно сориентировать читателя, насколько большие области следует охватить, чтобы утвердиться во мнении, что познал все аспекты этого текста и их сходство, интерференцию и различие. До репрезентативной подборки текстов еще далеко, до синтеза — еще дальше».

Но что такое «волынский текст»? В полемической статье профессора Эдварда Касперского «Идиллическая Волынь на фоне *genocidium atrox*» содержится критика понятия «волынская поэзия»:

«Чаще всего оно приплетается тогда, когда довоенная картина Волыни оказывается увязанной (...) с радикально иной послевоенной действительностью. В рассуждениях о литературной Волыни, обычно на фоне поминавшейся выше польской поэзии, появляется, например, фигура украинского поэта Василя Слапчука, родившегося в Берестечке в 1961-м, сначала гражданина советской Украины, затем Украины свободной, солдата афганской войны, которую вел Советский Союз, лауреата главной украинской литературной премии имени Тараса Шевченко. Что же за мистическая связь объединяет Янчарского и Слапчука? (...) Дело, безусловно, требует критических рассуждений и пояснений».

Касперский также указывает на опасности, связанные с мышлением, которое может ассоциироваться не с локальными идеями, а с крайне националистическими: «Интерпретации, которые жестко и однозначно стремились связать литературное творчество с «землей и кровью» и которые в довоенной Германии широко утвердились как теория «*Blut und Boden*», сталкиваются и с другими трудностями. Ведь нет

никакой врожденной, необходимой и недвусмысленной связи между землей и средой, из которой происходит писатель».

О том, что это слишком далеко идущие ассоциации, пишет Мицнер, отвечая Касперскому: «К вопросу безосновательности использования территориальных характеристик в литературных исследованиях Эдвард Касперский обращается неоднократно, утверждая, что «текстовое пространство имеет мало что общего с географией» (имеется в виду преимущественно вопрос о корнях автора, его малой родине) и приводит в пример творчество Конрада, родившегося в Бердичеве. Не будем догматиками: случается и так, и этак. Украина для Конрада не была темой, хотя, как доказывают некоторые конрадисты, без понимания «багажа из Калиновки» трудно глубоко интерпретировать писателя (...). Для Ивашкевича, родившегося в Кальнюке, Украина была темой и основополагающим подтекстом. В творчестве Ежи Стемповского мы встречаемся с несколькими текстами — приднестровским, варшавским, бернским».

Одно кажется несомненным: идентитарный дискурс, осуществляемый в различных пространствах споров нашего времени, не свободен от опасностей. Однако в случае номера «Текстуалии» мы имеем дело с позицией, представляющей скорее идею регионализма, открытого в будущее (но и на фоне прошлого), а не с предполагаемыми Касперским националистическими тенденциями, пробуждающими демонов мести. Для меня при чтении этих материалов «волынский текст» предстает палимпсестом, в котором друг на друга накладываются польские произведения Янчарского (все же замечательного, хотя и забытого поэта) и украинские — Слапчука. Как, впрочем, это происходит и в случае гданьских романов Павла Хюлле и Стефана Хвина, накладывающихся на гданьские нарративы Гюнтера Грасса.

НАШЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ УТВЕРЖДАЕТСЯ ТРАГИЗМОМ ИСТОРИИ

Владислав Лех Терлецкий (1933–1999), писатель, автор радиопостановок. Написал такие книги, как «Две головы птицы» (1970), «Возвращение из Царского Села», «Отдохни после бега» (1975), «Писака» (1984). Его проза опиралась на глубокие исторические знания и многочисленные архивные исследования. Его книги оказали существенное влияние на польское мышление об истории и польско-российских отношениях.

ВЛАДИСЛАВ ТЕРЛЕЦКИЙ: Поскольку я более или менее знаю, в каком направлении пойдет наш разговор, то хотел бы предложить эпиграфом к нему фрагмент послесловия Николая Берга ко второму изданию его «Записок о польских заговорах и восстаниях». Берг писал так:

“В заключение можно сказать несколько слов о том, какие результаты дало для нас и для края последнее восстание Польши. Невольно припоминается при этом стих Грибоедова: «Пожар способствовал ей много к украшению». Даже ни один из польских повстанских пожаров не произвел таких серьезных перемен в Польше и в России по разным отраслям нашей государственной и общественной жизни, не заставил нас до такой степени проснуться целой массой, не научил нас многому — прежде всего: польской истории и географии. Вспомним, что было у нас до шестидесятых годов. Какие отношения к Польше, к самой важной из окраин Империи? Мы не знали ее даже и поверхностно! Мы могли сообщить кое-какие подробности о жизни недавно родившегося на свет далекого заморского города Сан-Франциско, не имеющего ровно никакой связи с нашим прошедшим и настоящим, а не могли сказать, сколько губерний в провинции, которою мы владеем около ста лет; какие там города и реки, кроме Вислы и Варшавы. Наши газеты, до конца пятидесятих годов, представляли самый жалкий перечень европейских событий, с чужого голоса; ни одно периодическое издание не имело нигде своего специального корреспондента. Грянуло восстание — и прежде всего заставило редакторов газет обеих столиц внимательнее всмотреться в положение дел периодической

прессы. Нельзя было никоим образом ограничиваться в такое исключительное время перепечатками из зарубежных газет. Все знали, что паскевичевский террор прошел безвозвратно; что корреспондентов в Польше теперь не съедят, в цитадель не посадят, — стали упрасивать своих знакомых, едущих в ту сторону, сообщать, что найдут подходящим, хотя в самых кратких и небрежных очерках. Конечно, эти первые корреспонденты нашей газетной прессы не могли стать сразу на твердую почву в деле, у нас совершенно незнакомом. Иные встречали даже на своем пути кое-какие препятствия... но тем не менее, мудреное, недавно как бы совершенно невозможное дело, начато. Публика, читавшая горячо и без претензий все то, что писалось о Польше, где пять тысяч косарей боролись со стотысячной европейской армией, знакомилась мало-помалу с этим отчаянным, оригинальным, беспардонным углом Империи; узнала, как живет Варшава; чем питается духовно и матерьяльно; какие элементы входят в ее население; какие в ней партии, котерии... дальше — то больше. Иные любознательные читатели добрались, разными путями, и до прошедшего Польши. Масса русских, нагрянувших потом в Царство, с целями служить и отличиться, при введении новых порядков и ломке старых, — еще больше сблизил с Россией незнакомый и малоисследованный край. Переезды их между тремя столицами вводили нас в условия жизни любопытной окраины лучше, нежели описания корреспондентов. Мало этого: новый контингент русских людей, еще ни разу не наезжавших в Польшу в таком числе, принес с собой свои русские привычки к удобствам жизни: нужно было выстроить для них несколько домов, снабженных газом, водою, чистыми лестницами, что было до тех пор только в палацах магнатов, и то не во всех. Стройка домов, как очень выгодное предприятие, стало манией Варшавы, манией, от которой она даже и доньше (1884) не совсем излечилась. Чуть не на всех улицах вдруг воздвигались огромные дома, один другого красивее, один другого комфортабельнее. Нас уверяли, будто бы между 1870 и 1880 годами были такие, когда являлось по 400 в один год. Хотя бы сто!... Дальнейшее движение страны вперед находится в прямой зависимости от самых существенных административных перемен в Империи. Но и то, что видим теперь, — не существует, так ли, не так ли, в других захватах, несмотря на иные, по-видимому лучшие, порядки управления: нигде нет (или по крайней мере не было) такого театра, такого литературного движения, таких типографий, таких изданий. Некоторыми изданиями Польша опередила даже Россию. А сколько литераторов, укрывающихся за границей, питается варшавской прессой! Первый польский беллетрист, Крашевский, говорил автору, что он был бы очень стеснен, если

б русское правительство не позволило ему печатать свои произведения в Варшаве; и это — Крашевский, имеющий в Дрездене большой каменный дом, недавно имевший даже собственную типографию! Что ж другие?..”

— Извините, но прерву. Звучит, конечно, и красиво, и убедительно: это русские цивилизовали, если можно так сказать, экзотическую для них «окраинную провинцию». Польский бунт пробудил интерес, приблизил к ним земли над Вислой, и т.д., и т.п. Боюсь всё же, что Берг несколько идеализирует эту «любопытность», которая на деле оказалась в России волной национализма. Было бы даже банальностью напоминать, что писал и говорил тогда Катков, как вел себя Достоевский, как глубоко пал Некрасов во время известного инцидента с Муравьевым, как отношения России с Польшей интерпретировали Страхов или Данилевский. Увы, даже круги, считающиеся в России «либеральными», перед лицом польского бунта ощутили себя уязвленными в своей гордости. Даже «Колокол» Герцена ощутил это болезненно. Так что новые дома, газеты, типографии и парадные подъезды — это одна сторона медали. Если же перейти в сферу сознания, к особенностям ментальности обоих народов, в сферу более общих понятий — результаты восстания 1863 г. явятся нам совершенно по-иному. И даже тогда, когда мы изживем собственные, типично польские предубеждения.

— Я все же обращусь к тому, что Берг пишет далее: «Нам остается теперь сказать несколько слов о поляках. Вразумило ли их последнее бедственное и нелепое восстание? Показало ли оно им достаточно ясно, что Польше с Россией тягаться нельзя; что они всегда будут разбиты? Открыло ли оно им глаза на неверность и фальшивые свойства их западных протекторов и доброжелателей? Перестроило ли хотя несколько их головы, их политические стремления (...)? Или эта дичь и несообразности остались в польской массе, как были до восстания и во время восстания 1863 года? Увы! ничего не изменилось!..»

— Это еще одно подтверждение тому, о чем я говорил, — «мы или они». Берг не оставил ни проблеска надежд на компромисс, никаких иллюзий. По сути дела его оценка так же подшита национализмом, хотя и в окаймлении политического реализма.

— Замечания Берга о хозяйственном оживлении Царства, безусловно, справедливы. Я думаю, что восстание 1863 г. вызвало сильную встряску изрядно разделенного общественного мнения России. Оно позволило объединиться вокруг трона и, к сожалению, вокруг наиболее черносотенных, реакционных, имперских программ. И так продолжалось до первых лет XX века, до революционных потрясений 1905 г. и

последующих. Вы правы, говоря о негативном влиянии восстания на ситуацию в среде русских либералов. Более того, на развитие тамошнего подполья. Эти круги мгновенно ощутили насильственное отсечение от общественного базиса. Быть может, это и преувеличение, но именно такое развитие событий сказалось также на эволюции индивидуального террора. Наступил момент, когда пришлось понять, что возбуждение массового бунта стало совершенно невозможным. А в период до восстания это не было столь очевидно. Ведь тогда существовали многочисленные конспиративные группы в армии, которые пытались установить контакт с польскими заговорщиками. Вырабатывалось нечто вроде общей политической программы. Следует помнить, между прочим, что эти группы были с самого начала противниками того, чтобы начать восстание в данный момент, в связи со слабостью заговорщической организации.

— Например, Огарев в «Колоколе» писал, чтобы поляки не выступали преждевременно, сами по себе, слишком слабыми собственными силами, отдавая таким образом общее освобождение. Так же полагал и сам Герцен, и в определенный момент казалось, что поляки это поймут. Бакунин осенью 1862 г. прямо умолял поляков повременить с восстанием, во благо их же отчизны. Но было уже слишком поздно.

— Потому что для них это было такое же несчастье, как для нас. Конечно, неизвестно, как бы далее развивались события. Можно, однако, предположить и такую возможность, что дошло бы до неких альянсов между радикальными группировками и определенными придворными кругами, стремящимися к «европеизации» России. Возможно, возникла бы модель государства, близкого по структуре западноевропейским конституционным монархиям. Или в какой-то момент дошло бы до взрыва, который мог бы в России увлечь за собой большие массы людей. Если всё же мы начинаем наш разговор с результатов и последствий восстания, то, конечно, для польско-российских отношений и расстановки сил в самой России это было эпохальное событие.

— Как получилось, что вы заинтересовались восстанием 1863 года? Ваша первая книга на эту тему — «Заговор» — вышла в связи с сотой годовщиной восстания.

— Ну, началось это несколько раньше. Когда стали вспоминать о предстоящей годовщине. Тогда не было вполне понятно, каким образом ее отмечать и как определить свое отношение к тогдашним событиям. Откуда всё же моя заинтересованность 1863 годом? Признаюсь, что едва ли смогу дать вполне

определенный ответ. Я начал интересоваться этой эпохой в пятидесятые годы. То есть тогда, когда о 1863 году вообще не говорилось. А история XIX века трактовалась превратно: такие значительные события, как восстания 1830 или 1863 года, недооценивались или вообще не упоминались, в связи с состоянием тогдашнего сознания. Во всяком случае, так это представляли люди, отвечающие за историческое образование. Находясь тогда во Вроцлаве, я занимался, откровенно говоря, не столько изучением полонистики, сколько псевдоархивной работой. «Псевдо», потому что я совершенно не был к ней профессионально подготовлен. Я нашел в «Оссолинеуме» немало материалов, касающихся той эпохи, и много времени провел именно над ними. У меня не было тогда никакого определенного плана. Я и не думал, например, что должен собирать документацию, потому что когда-нибудь буду писать цикл романов о тех временах. Я просто ощущал потребность в этой работе. Отчасти, наверное, потому, что то, о чем не говорят, кажется наиболее интересным. Я хотел самостоятельно получить определенную сумму необходимого знания.

— *А почему не восстание 1830 года?*

— Я часто задавал себе этот вопрос. Может быть, из-за литературной легенды, которая создала необычайно величественную картину восстания 1830 года? Картину, скажем так, всё еще плодотворную. Литература не создала подобной картины и столь впечатляющего образа 1863 года, как та великая романтическая поэзия. Были и другие причины. Позже, по мере сбора материала, начали вырисовываться более специальные вопросы и проблемы, которые я как-то пытался решить, и такие, для которых я не находил ответа ни в научных публикациях, ни в каких-либо мемуарных свидетельствах. Из фона и выделились фигуры, которые меня так сильно увлекли. Чаще всего это были те, кто не нашел своего места в повстанческой легенде. Меня, например, не увлек Траугутт, хотя он чертовски интересная фигура. Особенно если выйти за пределы легенды и созданного стереотипа. Тогда, должен признаться, меня более привлекала, например, судьба Велёпольского. В ней был выше градус сложности из-за тех особых ситуаций выбора, в которых этот человек оказывался. Но Велёпольский был, однако, фигурой известной и уже отмечен оценкой — в целом негативной.

— *Не совсем. Он покровительствовал некоторым взглядам и позициям — в нем усматривали своеобразный пример политического реализма.*

— Да, верно. Но, кроме этих двух и еще нескольких фигур, чьи имена запечатлелись в легенде, проявились и люди не менее интересные. Люди, о которых по разным причинам говорилось немного и которые словно бы всё более забывались. А ведь некоторые из них имели и в самом деле решающее влияние на судьбы восстания, особенно в его начальной фазе. В легенде, о которой я вспоминаю, не было места для определения политических разногласий внутри самой заговорщицкой организации. Создалось впечатление, что руководство восстания было монолитным, что существовал только один противник и что по сути дела разделение на белых и красных, которое тогда так остро обозначилось, было несущественным по сравнению с главной задачей. А правда, как мы знаем, была иной. Существовали очень острые противоречия, отразившиеся на самом течении восстания. Они вели к формулированию очень разных общественных программ. Мне кажется, что именно вокруг этих противоречий возникли в последующие годы проблемы, которые и по сей день остаются в значительной мере актуальными. Может быть, потому, что это период, когда в первый раз на сцену истории вступила интеллигенция.

— То, что происходит в ваших книгах на поверхности, — это всегда результат какой-то манипуляции. Скажите, выбор таких исторических ситуаций, в которых можно найти следы манипуляций, и выбор неоднозначных, внутренне сложных героев — это случайность или следствие? Следствие общей картины истории как цепи загадок?

— Это следует из убеждения, что, если хочешь создать достаточно вероятную картину какого-то фрагмента истории, нельзя себя считать умнее людей, которые тогда жили. Мы располагаем знанием, возникающим из перспективы времени. Проще говоря, мы в состоянии дать ответы на многие вопросы, которые ставили перед собой тогдашние люди без возможности найти такие объяснения, как наши. Дело в том, что история в момент становления не создает возможности полного охвата причин, влияющих на развитие событий. Из этого можно вывести различные серьезные следствия. Такой факт иногда объясняет роль мнимой случайности. Просто люди, вовлеченные в историю, часто находящиеся в противостоящих лагерях, всегда располагают только частью правды о действительности. Остальное бывает трудно охватить.

— Или бывает знание их противников.

— Да. И, обращаясь в такой действительности, они должны всё время идти на политический риск. Они не могут, например, как мы сегодня, по прошествии ста лет, утверждать, какое действие следует признать неверным, ошибочным с точки зрения развития истории, а что должно быть правильным. Для нас определенные решения кажутся совершенно очевидными. Для них они такими не были. Что, впрочем, не вело их к пассивности — пассивности не было. Если принять — а тому есть много документальных доказательств, — что, например, Траугутт во время процесса и во время казни был человеком, обладавшим правильной картиной истории и ее дальнейшего течения (картиной, которая, добавим, обеспечила его великолепную решимость, убежденность, что сделанный им выбор был правильным, причем независимо от жертвы, которую принес он сам и тысячи других людей), это был бы разве что один из многих вариантов предвидения нашей судьбы. Да, история этот вариант подтвердила, и это и составило легенду Траугутта. Однако другим правомочным вариантом могли быть представления Вашковского, который в момент последнего жизненного расчета полагает, что продолжение каких-либо действий против тогдашней системы неизбежно повлечет за собой окончательное и самое трагическое решение «польского вопроса».

— *Позиция Вашковского была более «типичной», а быть может, в то же время и более «реалистической»?*

— Она была крайней. По сути дела, она была ближе всего к тому, что вскоре провозгласили позитивисты. Ближе, чем позиция Траугутта, столь глубоко укорененная в романтической картине истории. Сегодня мы знаем, что история, в конечном счете, признала правоту Траугутта, а не Вашковского, хотя многим их современникам эту правоту было трудно принять после разгрома.

— *Вы только частично ответили на мой вопрос. А я бы хотел получить ответ, почему значительная часть действия многих ваших книг разворачивается в душной атмосфере следственной части, в крепости, почему в механизмах, движущих историю, так часто важную роль играет Третье отделение, тайная полиция, жандармерия? Вы показываете мощную машину царской политической полиции как удивительно эффективную, прекрасно подготовленную к более крупным делам, чем быстрый разгром польского заговора. В ваших книгах многие люди из этого круга оказываются, говоря сегодняшним языком, социальными инженерами, с изрядной сноровкой выстраивающими выгодные с их точки зрения ситуации. На этом фоне и польские энтузиасты,*

и такие, например, умы, как Велёпольский, выглядят совершенно беспомощными. И Велёпольский в определенный момент падает жертвой игр в Петербурге и в Варшаве — игр, которых он не предвидел или которым не сумел противостоять. «Польская сторона», независимо от ее окраски, словно бы парализована этой скрытой, но необычайно последовательной и эффективной машинерией, которая, кажется, полностью царит над польскими возможностями.

— Наступает момент, когда надо поставить перед собой вопрос: почему разгром восстания оказался всеобъемлющим крахом? Решал ли всё численный расклад сил, при котором по одну сторону бунтует малый народ, а по другую стоит огромный народ? Если принять такой вариант, то это будет нарочитым упрощением. История неоднократно создавала и такие ситуации, когда малым народам удавалось использовать благоприятствующий момент истории, причем в такой мере, что подобный расклад сил утрачивал значение. Поэтому повторим: почему крах был столь тотальным? Легенда, а в особенности та, которую закрепила польская литература, показывала захватчиков в карикатурном виде. Показывала, говоря наиболее общо, глупцов, которых не надо слишком опасаться. И делала это осознанно. Скажем честно: и не отступая во многих случаях от бросавшейся тогда в глаза картины. Делала так, чтобы не демонизировать противника, а ослабить его, минимизировать страх перед ним. Однако это изображение неслыханно превратное! Политическая полиция в России на протяжении всего XIX века была очень эффективным инструментом в руках правителей. Она стала — и сегодня этого нельзя скрыть — существенным вектором, определявшим ход событий.

— *И не только в России. Несколько раньше и под влиянием другого опыта Герцен писал: «...Всё превратилось в полицию. Полиция хранит, спасает Европу, под ее благословением и кровом стоят троны и алтари...». А один из героев ваших книг говорит: «Такие как мы, из тайной службы, творим историю». Полиция — это реальная сила давления на правительство.*

— Именно так! Дело в том, что политики в придворных сферах Петербурга, имея теснейшие связи с политической полицией, обладали также в очень многих существенных моментах решающим голосом. Весь XIX век, а особенно его вторая половина и начало XX го, доказывает, что именно эти люди, действующие именно в этом центре политических решений, обладали необычайно проницательной картиной истории! Именно они очень скоро начали усматривать подлинную

угрозу не в индивидуальном терроре, который, между прочим, часто сами провоцировали, а в возникавших тогда радикальных общественных движениях. Там они тоже пытались осуществлять свою деструктивную деятельность. Там были организованы первые крупные политические провокации. Особенно выразительно это проявилось в 1905 году. Бывали ведь и такие моменты, когда крупная революционная организация оказывалась бессильной перед полицейской провокацией. Наше довольно распространенное представление о тупом аппарате политической полиции — это глупость. Нельзя показывать противника глупцом — это для меня было принципиально. Если мы подчиняемся глупцам, то сами себе выписываем соответствующий аттестат. К счастью, добавим, независимо от того, что можно сказать об определенной гиперболизации этих элементов в моих книгах, политическая полиция не имеет окончательного влияния на ход событий. Полицейская версия истории смехотворна. Но в любом случае не следует забывать, что это, со всей определенностью, один из факторов, роль которого зачастую трудно предвидеть и который нельзя недооценивать.

— В восьмидесятые годы, после убийства Александра II, значительная часть влиятельных и — вот ведь парадокс! — либерально настроенных русских аристократов, таких как граф Шувалов, убедила царя, что государственная тайная полиция нерасторопна, бездарна и бюрократизирована. Тогда образовалась так называемая «Священная дружина», которая, сплошь и рядом прибегая к провокациям, имела целью, с одной стороны, укрепить умеренные реформистские движения, а с другой — ослаблять революционные настроения. И все это происходит под знаком заботы о Высочайшей Особе. Интрига была многоуровневой, изощренной и принесла самые разные плоды. А наставниками «Дружины» были французские специалисты из секретных служб.

— Такие международные связи различных секретных служб чрезвычайно интересны. Не существует — я пробовал найти подобные материалы — серьезных исследований о политической полиции в Европе XIX века. Я не думаю, что это только из-за нехватки авторов, которые такие труды могли бы написать. Это была бы работа, проливающая много света на официальную интерпретацию политических отношений в XIX веке. Что же тогда мешает предпринять такой труд? Разумеется, это связано с невозможностью изучить все документы, а также и с тем, что части документов уже, конечно, не существует. Возможно, что-то уничтожено сто лет назад. Быть может, есть и такие источники, которых не

открывают по каким-то существенным причинам, хотя это кажется совершенно неправдоподобным...

— Пожалуй, наиболее пронзительный документ краха — это ваша последняя книга, «Вопль». Она затрагивает малоизвестный, в общем-то, факт, окончательно подводящий черту под деятельностью варшавской заговорщической организации: создание фиктивного, организованного и контролируемого политической полицией, повстанческого правительства. Это подробное, пристальное исследование страшной, циничной западни. Книгу пронизывает дух фатализма: пути людей, почти чуждых друг другу, неуклонно пересекутся, а пресечься должны внутри западни. Мы с самого начала знаем, что это всё фикция, капкан. Вопрос только во времени: охотник спокойно, хладнокровно смотрит, как зверушка приближается к силку. Надо лишь подождать. В самой конструкции этого произведения видна печать краха. Мы ощущаем, что дело проще простого, но те-то конспираторы, действующие в Париже, ни на йоту не допускают, что оказываются жертвой провокации. Тем временем они подозревают друг друга, их гложет «рак недоверия». А когда их начинает затягивать настоящая ловушка, то тут чутье подводит. Как это могло быть возможно? Ведь в Париже действовало множество агентов, часто легко распознаваемых, — как хотя бы знаменитый Балашевич, столь же предприимчивый, сколь и глупый...

— Были живы люди, знавшие настоящего Потоцкого, за которого Балашевич себя выдавал...

— Конечно же! Почему же эта парижская среда, остававшаяся свободной от гнета, под которым приходилось действовать конспираторам на родине, не предвидела возможности, что эмиссары могут быть лишь приманкой? Я всё пытаюсь воссоздать ментальность польского заговорщика того периода...

— Всё это исходит из глубоко укорененной потребности в надежде. Поиск чего-то, что противостоит ощущению краха. И если появляется такого рода шанс, то сразу перестают действовать предостерегающие факторы. Это с психологической точки зрения. Еще один существенный элемент, упрощающий подобные провокации, — использование состояния напряжения и противоречий, существующих внутри эмиграции. Это всем агентам, в том числе и Балашевичу, давало возможность лавировать. Если агент сближался с определенным кругом эмиграции, то подозрение в его адрес становилось одновременно оговором его окружения. Тогда предпринималась попытка обороны, основанная всегда на том, что это ликвидация политического

противника при помощи преступных, недостойных людей чести методов. И в самом деле: если исследовать историю нашей эмиграции — не только, впрочем, после 1863 года, — видно, насколько эмиграция склонна к такого рода междоусобицам.

— Финал восстания был не столь героическим, как это принято показывать.

— Легенда, как мы знаем, завершает восстание казнью Траугутта. В «Двуглавой птице» мне казалось, что таким окончательным завершением истории 1863 года будет, однако, казнь Вашковского. Позже я пришел к выводу, что и это не совсем конец и что на самом деле последняя минута — это именно попытка создания в Варшаве полицейского правительства. Эта попытка, кстати, имела целью нечто большее, чем выловить несколько человек из парижской эмиграции. Дело было в диффамации символа! Независимо от того, что тогдашние люди знали о конфликтах внутри повстанческой организации, независимо от их оценки руководства восстания, надо признать, что печать Национального правительства всегда была объединяющим символом. Так что появление написанных полицейскими воззваний, выпуск каких-то полицейских прокламаций, снабженных печатью того же Национального правительства, были попыткой дискредитировать символ и при этом создать впечатление, что восстание не было полностью подавлено. Что польский бунт еще тлеет. Можно и дальше рассчитывать на какие-то повышения и ордена. Репрессивная машина могла действовать. Надо было только поддерживать ощущение угрозы строю, не допускать никакой стабилизации жизни и создать стойкое убеждение в необходимости сохранить системе суровых репрессий. Все эти соображения склонили ответственных за полицейские операции в Варшаве к созданию «правительства». Это глубоко трагическая история, хотя сам эпизод, казалось бы, не столь уж и значителен. В самом деле, разве что две жертвы... Но психологические последствия бывают намного глубже. Действительно ли это фатальный и окончательный финал?

Я искал в этой истории самый слабый лучик надежды. Один из героев в последний момент раскрывает эту операцию, в определенной мере перечеркивая ее полицейский успех. Конечно, это уже совершенный вымысел, да и портреты, которые я там рисую, тоже вымышленные. Хотя и в этом случае я исходил из подлинного события. А всё, что составляет

его обрамление, — это плод моего воображения. Я сам за это несу ответственность.

— Я думаю, что эта картина тем более трагична, что в провокации принимают участие бывшие повстанцы, люди, верные идее восстания. Это, впрочем, отнюдь не редкий случай. Я думаю об Авейде, о Рогинском... Авейде почувствовал себя в определенный момент историком восстания, а Рогинский сделал то, что сделал, говоря деликатно, по наивности.

— Согласитесь, что его версия истории созвучна тому, что я старался показать. Когда я писал свои книги, то еще не был знаком с его признаниями. Они появились уже по написании всех моих романов о восстании. Это, по-моему, определенное доказательство вероятности описанных мною перипетий.

— *А в фигуре Яна из «Вопля» вы хотели представить некий символ сохранения определенных ценностей? Сохранения хотя бы уже лишь в трагическом измерении?*

— Не бывает вполне совершенных полицейских операций. Всегда существует звено, которое неожиданно выломится и подпортит все дело.

— *Но все же не особенно помешает?*

— Еще как помешает. Становятся невозможными дальнейшие операции. Все это, к сожалению, не так просто. Эти двое, вытщенные из Парижа, не были повешены, хотя на первом этапе следствия такой приговор ожидался. Кто-то из родных одного из узников добрался до высокопоставленной придворной особы с информацией о полицейской провокации в Варшаве. Это известие затем передали царю, что вызвало у него взрыв бешенства. Дальнейшее царь запретил. Оба узника получили довольно мягкие приговоры, их приговорили к ссылке в глубь России.

— *Кто эту машину сконструировал? Наместник Берг?*

— Это могли придумать и в Петербурге. При такого рода провокациях, грозящих серьезными последствиями, в том числе международными осложнениями, действовать за спиной центра было бы слишком рискованно. Не думаю, чтобы высокий чиновник в Варшаве самостоятельно отважился на подобный шаг. Но очевидно, что царь об этом не знал.

— *Это проливает определенный свет на позицию аппарата политической полиции. Мы возвращаемся к исходному пункту:*

непрерывные польские проблемы служили влиятельным кругам в России для их собственных игр.

— Это всегда было одной из карт, иногда даже козырем в игре. И так весь XIX век. Возможно, следует напомнить о том, что эти карты пытался использовать не только противник. Что ими пользовались и люди, которые стремились к другому развитию событий. Например, нацеливаясь на создание возможности для автономии и ослабление некоторых запретов. Наконец, добавим, что к этой карте прибегали и решительные противники режима. Они не могли представить себе борьбу с царизмом без справедливого решения польского вопроса.

В моих книгах появляются палачи и враги. Но не только. История предоставляет много информации о безымянных, совершенно неизвестных фигурах, тех людях, которые, как умели, солидаризовались с нами. Таких, как тот чиновник российского телеграфа, который на одной из передаточных станций изменил телеграмму царя наместнику, содержавшую приказ о «самом строгом отношении к бунту в Варшаве». Этот человек изменяет текст на «самое мягкое отношение». Конечно, он дорого заплатил за солидарность с поляками. О таких людях надо помнить.

Я уже упоминал профессора Дьякова, который наряду со Стефаном Кеневичем имеет неоценимые заслуги в исследовании российско-польских отношений. Он тоже пишет об этих людях. Это значительные для польской науки публикации.

— Перейдем теперь к другой стороне медали. То есть от восстания — к той части вашего творчества, которая концентрируется вокруг 1905 года и его последствий, вокруг лет, предшествовавших Первой Мировой войне. Я имею в виду не только даты, факты, явления. Мне кажется, что из этих книг вырисовывается образ польского общества, сменяемого очень сложными и глубоко протекающими болезненными процессами, угрожающими его самосознанию. У меня складывается впечатление, что это общество, которое не выдержало психологического давления краха, как и его политических последствий. Словно бы исчезла некая базовая, общепринятая Идея, сколько-нибудь единая иерархия ценностей. Это разделенное общество. Начинают появляться люди, запутавшиеся в противоречиях, доселе им неизвестных в таком масштабе.

— Обращусь к опыту Марии Домбровской. К тому, что она писала о наследии предшествующих поколений и собственном поколении, вступающем в политическую жизнь среди столь

драматических проблем. То есть о тех, кто начинал борьбу за независимость. Оценки были невероятно критическими. Домбровская тоже предупреждала об опасности раскола. Поколение, к которому она принадлежала, завоевало, однако, независимость. А начинало с очень сильным чувством неприятия всего, что осталось от прошлого, что оно принесло в наследие.

Годы и ситуации на рубеже веков, которые я показываю, не провозвещают еще появления той формации, о которой мы здесь говорим. Я не подхожу к вопросу о том, кто в конце концов завоевал независимость и кто брал на себя ответственность строить государство.

— В вашем творчестве позитивистский эпизод — хотя и не «эпизод», а более десятка лет доминирования этой программы — занимает немного места. Позитивизм — это, несмотря на его современность, в целом дитя польского XIX века. В нем также воплотились мечты о независимости, хотя и выраженные иным языком. Если анализировать только политический слой этой программы, то, быть может, мы найдем здесь идеи, близкие, например, Велёпольскому? Но все же это не были идеи, способные увлечь за собой массы. Впрочем, это и была программа не для масс, а для элит.

— Когда яснее всего вырисовывается анахронизм такой позиции? Если можно ее обосновать положением, сложившимся после краха, о котором мы говорили, то на тот момент — я имею в виду 1905 год — эта позиция уже сомнительна. Люди, стремящиеся создавать новые общественные программы, должны строить их в оппозиции к данной концепции. У нас просто другая действительность, другие реалии. Если сегодня говорится, что мы должны возвращаться к позитивистским концепциям, — это грубая ошибка! У нас сегодня государство, не расчлененное разделами. Вокруг нас нет трех врагов, которые хотели бы нас известить как нацию. У нас другие общественные структуры, институты, техника. То, что было лекарством от краха 1863 года, никоим образом не может быть противоядием от нынешних проблем. Современные «позитивисты» как будто бы играют, развлекаются. Но ведь они не только играют!

— Это значит, что современные сторонники так называемого политического реализма охотно увидели бы своим патроном Велёпольского. Я же думаю, что человек такого формата, как маркграф, не влез бы в позитивистские программы, отверг бы их. Думаю, что в условиях второй половины XIX века и русские не потерпели бы такой политической личности, как он. Они

терпели Вокульских, но не проницательных, разумных польских политиков.

— Здесь два вопроса. Первый — это отношение позитивистов к Велёпольскому. Второй же — отношение русских к этой фигуре. Что до позитивистов, то, хотя очень многое из их программы содержится в концепции Велёпольского, они не отважились прямо признать его своим патроном. Это был человек, который получил орден за усмирение польского восстания! Призрак измены был слишком явным, слишком болезненным. А если говорить о русских, то вы правы, что приверженцы русского империализма и деспотизма в XIX веке тоже не могли принять Велёпольского. Это был сильный политик. Аристократ, лишенный романтических иллюзий. Те, с кем он вступал в пакты и союзы в Петербурге, считали его умным партнером. То, как они видели российское государство, далеко отстояло от той картины, которую позже реализовала история. По сути дела, для тех принципов, которые исповедовал Велёпольский, попросту не хватило места. Если допустить, что сам Велёпольский мог бы какое-то время проводить в жизнь свою концепцию, то есть прежде всего построил бы отношения с польским обществом в некой системе федерализованного государства, то такой политик в России, возможно, пользовался бы доверием. Тогдашние «реформисты» в отношении к Велёпольскому руководствовались, несомненно, именно такими предпосылками. А для сторонников реакционного курса он не мог быть партнером. Он попросту не хотел стать агентом! Это была, как я думаю, глубоко трагическая фигура. Не только из-за непонимания его намерений в Варшаве, но и из-за слабости политических группировок и альянсов. Однако прав был Бисмарк, усматривавший в нем самого опасного противника. Высказывался о нем с полным уважением, хорошо представлял себе его и его позицию. Короче говоря, это, пожалуй, единственный такого рода политик в XIX веке. Ни раньше, ни позже у нас не было политика такого масштаба. То, что он потерпел поражение, для нашей истории очень симптоматично.

— Вернемся к предыдущему сюжету — то есть к распаду иерархии ценностей, который произошел после разгрома. Можно ли это связать, например, с невозможностью принятия поляками идеи индивидуального террора?

— Это всегда было чуждо нашему мышлению.

— Но все-таки какая-то иерархия ценностей, наиболее важных, уцелела? Это концентрировалось вокруг религиозных понятий?

Да?

— В самом общем смысле. С середины XIX века религиозные ценности начинают приобретать несколько иное значение. Всё еще существует иерархия универсальных ценностей. Но начинает формироваться определенная система ценностей, характерная только для данного народа и только в определенных ситуациях, то есть в моменты опасности. Одним словом, это особый вариант Десяти заповедей, характерный только для нас и выполнимый только в наших условиях. Его создает XIX век и начало XX-го.

— *Это ценности с исключительно оборонительной функцией?*

— В моменты, связанные с крахом, — да. Но с той оговоркой, что это еще и способ оценки действительности и попытка формировать действительность, — и эта система при выгодной политической конъюнктуре может преобразоваться в наступательную программу. В такой взаимосвязи можно усмотреть определенный оптимизм. Так что, вопреки трагическим судьбам, наша история формируется таким образом, что утверждает существование нашего народа. Словно бы обогащает, а не уничтожает и не дезорганизует.

— *Роман «Отдохни после бега» — это психологическое изучение двух личностей: монаха-убийцы и допрашивающего его русского следователя. В то же время, мне кажется, эта книга — попытка определить точки драматического столкновения двух типов культуры, двух традиций, разных систем ценностей, шкал добра и зла, которые по-разному конструируются римским католичеством и православием (хотя русский, допрашивающий Сикста, декларирует атеизм). При чтении у меня сложилось впечатление, возможно ошибочное, что Сикст — это сильная, интересная, полнокровная личность, пока он обращен к Богу. А когда ищет возможности покаяния — это вы показываете в «Писаке» — он только жалок. Для русского он перестает быть партнером, носителем загадки, каким он был в «Отдохни после бега».*

— Я бы не согласился полностью с такой интерпретацией. Это роман о крахе двух личностей. Крах потерпел Сикст, крах становится и участью следователя. Этот второй — человек, которому кажется, что, располагая современным мировоззрением, философией, которая отбрасывает определенные навыки, выработанные историей, можно понять другого человека. Если к тому же проявить добрую волю в оценке его поступков. Если вдобавок мы поймем, что это человек, который полагает, что различия в воспитании,

религии, истории несущественны, когда мы имеем дело с подлинной человеческой драмой, тогда нам легче представить этого героя. Как мне казалось, этот характерный представитель русской либеральной интеллигенции проигрывает в столкновении с действительностью, которую его государство создало в данное время в Польше. Он слуга смерти — как и тот, кого он хочет судить. Невинный человек из-за него совершает самоубийство. С известным упрощением можно сказать, что это конфликт рационалистической и метафизической позиций. Если приверженцем второй выступает Сикст, то следовательно предпринимает попытку рациональной самооценки и оценки психологической ситуации монаха. Оказывается, что то средство, которым он старается воспользоваться, малоэффективно. Действительность, в которой оказались они оба, столь далеко отстоит от представлений и того и другого, что их позиции оказываются анахроничными. Я хотел бы пойти дальше: мне было важно показать, что ни один представитель русской либеральной интеллигенции не мог себе представить справедливого построения польско-русских отношений в ситуации раздела.

Оставим Сикста, а продолжим историю следователя, который в какой-то момент столь увлекся польским делом. Он рано или поздно должен ответить на важнейший вопрос. Если ответит, у него только две возможности: или отбросить свои либеральные установки и признать необходимость самодержавной системы управления, приемля то, что создала царская Россия в государственной структуре, или согласиться с тем, что Польша должна существовать как самостоятельное государство. Как первый, так и второй ответ кажется ему — в его время — поражением. Следующие годы подтвердили, что только второй вариант не грозит обеим сторонам тяжкими последствиями.

— Это, без сомнения, одна из наиболее многоплановых, внутренне сложных ваших книг.

— В силу вещей у некоторых читателей она ассоциировалась с попыткой картины мира, которую представил Достоевский. Это, конечно, как вы понимаете, сокрушительное сравнение. Но не только это было источником моего раздражения. Гнев возник и из-за того, что этот роман я стремился писать в противовес Достоевскому. Те, кто ищет непосредственных аналогий, руководствуются слишком прямолинейными взаимосвязями. Повторю: я не «ученик» и даже не поклонник Достоевского, хотя признаю его величие. То, что я писал, возникало в глубокой оппозиции к нему. Ощущение проклятия

судьбы, которое в его книгах так замечательно отражено, это нечто по сути дела глубоко чуждое нашему сознанию и тому, как мы видим человека.

— Хотя, казалось бы, этические категории — хотя бы понятие «свобода» — везде одинаково важны.

— Различается ощущение фатальности. Говоря короче: мне кажется, что бунт героев Достоевского — иной, чем бунт, который мы внесли в историю. Может быть, это тоже вызвало чуждость и враждебность Достоевского по отношению к польскому делу? Я хотел создать, как мне казалось, правдоподобный тип думающего русского, который отходит от этого стереотипа. Я получил несколько откликов русских читателей, чему придаю большое значение. Эти отклики дали мне возможность проверить правдоподобие. Они подтверждали, что такой тип действительно характерен для определенных групп русской либеральной интеллигенции. Конечно, чтобы подчеркнуть своеобразие героя, я должен был противопоставить его и Сикста, которому этот тип философии и чувствования чужд.

— Ваша книга — это отрицание стереотипных образов и стереотипных «парадигм» мышления и восприятия?

— Такие стереотипы, растиражированные литературой, через некоторое время становятся фальшью. Например, то представление о немцах или русских, которым мы пользуемся и которое история часто помогала нам верифицировать, оказывается фальшивым в ситуациях, когда мы сами пытаемся оценить не только историю, но и современную действительность. Разрушение же таких стереотипов помогает видеть будущее. А кроме того, если возвратиться к началу нашего разговора, то я, признавая величие легенды, полагал, что она становится сегодня — хотя, возможно, была и ранее — анахронизмом. Возможно, не стоит ее разрушать, потому что это исторический опыт, но надо ее верифицировать. Постоянно подвергать новой интерпретации.

Правда, в своих книгах я не делаю этого до конца, потому что не хочу давать завершенную картину истории. То, что я делаю, сводится к обозначению определенных вопросов. Даже если эти вопросы прямо не формулируются. К обозначению исторических тревог, которые преследуют современного человека. Или должны его преследовать. Не только затем, чтобы верифицировать легенду, но и затем, чтобы наглядно показать себе, прежде всего, современные судьбы.

— Вы также исследуете определенные общие механизмы, действующие в различные моменты истории. В ваших книгах видны постоянно повторяющиеся ситуации, системы, конфигурации. Можно строить разного рода параллели — хотя бы между «делом Бжозовского» и «делом Бобровского». Разные реалии, конкретика и фон, но механизм похож. В обоих случаях движущая сила — это некая трагическая иррациональность, какое-то неожиданное приведение в действие совершенно анахроничной системы ценностей.

— С точки зрения людей, полагавших себя носителями прогресса, эти системы действительно необходимо отбросить. Но отказ от них — например, в «деле Бобровского» отказ от кодекса чести и необходимости поединка — означал бы моральную гибель. Если признать, что восстание могло развиваться дальше, а Бобровский не решился бы на дуэль, то он бы оказался осужденным на гражданскую смерть! Он бы навсегда утратил доверие к себе. Что кажется абсурдным кому-то, живущему сейчас, то сто с лишним лет назад было поистине трагической проблемой.

— Я полагаю, однако, что и тогда были люди, ощущавшие абсурдность дуэли или «гражданского суда». Особенно по сравнению с вопросом несопоставимо более важным!

— Весь трагизм состоял в том, что они не могли абсурд отринуть. Должны были ему уступить, чтобы не умереть для общества. История расставляет такого рода ловушки. Вовлекает людей в системы, в правомочности которых они сами сомневаются. В обоих упомянутых случаях люди бессильны. Обратите, пожалуйста, внимание, что в литературную традицию такого рода примеры как-то не включаются. Или их очень немного. Польская литература, принужденная к созданию легенд, обходит такие эпизоды, важные для развития истории, и такие фигуры.

Мне кажется, что уже наступило время понять те обстоятельства и познать те области, которые до сих пор оставались вне сферы исследования. Мне также кажется, что в перспективе исторический роман или эссеистика на темы XIX века преимущественно должны устремляться именно к такого рода поискам. А не к созданию новых легенд, связанных, например, с традицией Сенкевича. Но для многих это далеко не очевидно. Напротив. Считается, что настоящий момент, скорее, должен подталкивать к созданию новых легенд, что следует снова творить полотна, демонстрирующие «единство» и «единодушие». Это опасное представление грозит многими дурными последствиями. Я считаю, что картину прошлого

можно создать, внедряясь в различия, в особенности, во всю сложность мира. И, как минимум, искать пути в будущее.

У меня много оппонентов. Поскольку я хочу строить нечто, что не является легендой, то не ищу для себя апологетов. Скорее, тех, кого можно спровоцировать, в ком можно разбудить протест. Или тех, кто считает, что этот исходный пункт — это один из возможных вариантов истории.

— *Благодарю за беседу.*

Коморув, декабрь 1984